

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

КРАСНОЯРСК 2002

УДК 34
ББК 67.0 + 67.3(0)
П781

Рецензенты: кафедра теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета;
кафедра государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД РФ

Редакционная коллегия: д-р юрид. наук, проф. С.А. Дробышевский (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. С.А. Бердникова, канд. филос. наук, доц. Т.В. Будилина

П781 Проблемы теории и истории государства и права: Сб. науч. статей / Отв. ред. С.А. Дробышевский; Краснояр. гос. ун-т. Красноярск: Универс, 2002. 160 с.
ISBN 5-87748-226-2

В сборнике рассмотрена проблематика теории и истории государства и права, актуальная в современных условиях. Особое внимание уделено спорным и малоисследованным вопросам этих областей юридического знания. Содержащиеся здесь статьи адресованы юристам - научным работникам, аспирантам, студентам юридических вузов и факультетов, а также всем тем, кто интересуется политикой и правом.

Вопросы теории и истории государства и права

Сборник научных статей

Ответственный редактор Сергей Александрович Дробышевский

Редактор Т.М. Пыжик
Корректор Н.Ф. Ткачук
Компьютерный набор Е.М. Богуславская

Подписано в печать
Бумага тип.
Усл. печ. л. 10,0
Тираж 200 экз.

Формат 60x84/16
Печать офсетная
Заказ 517

Издательский центр
Красноярского государственного университета.
660041 Красноярск, пр. Свободный, 79.

© Красноярский
государственный
университет, 2002

ISBN 5-87748-226-2

Введение

В книгу вошли научные работы по теории государства и права, истории политических и правовых учений, а также по истории государства и права России. Их объединяет два момента. Во-первых, каждая статья является итогом многолетнего труда ее автора по изучению и обобщению политико-правовой практики и научной литературы. Во-вторых, все они содержат выводы, которые целесообразно использовать в учебном процессе на юридическом факультете университета.

Тематика этих работ разнообразна и многопланова. В статье д-ра юрид. наук, проф. С.А. Дробышевского «О законности и иных обязательных условиях прогрессивного развития государства» рассматривается вопрос о том, каким должно быть содержание юридических норм политически организованного общества, чтобы реализация этих правил в условиях режима законности обеспечила социальный прогресс. Здесь охарактеризованы теоретические положения, которые могут использоваться в роли критерия с целью проверки, способствуют ли конкретные нормы права, предназначенные действовать в определенном политическом сообществе, прогрессивному развитию этого социального организма или нет.

Работа канд. ист. наук О.В. Корсаковой «Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы» посвящена проблеме правового оформления массовых репрессий в отношении советского крестьянства. Изучение опубликованных и архивных материалов позволило автору сделать вывод о том, что многочисленные правительственные постановления и подзаконные акты, принятые в 1930-е годы, фактически закрепляли крайне ограниченный правовой статус ссыльных крестьян, жестко регламентируя все стороны их жизни и деятельности.

В статье канд. ист. наук, доц. О.Ф. Гордеева «Февральская революция 1917 г. и земства в Сибири» дается характеристика соответствующего законодательства Временного правительства, и показаны основные направления его реализации. В частности, раскрываются вопросы подготовки выборов в земские учреждения, установления пределов их компетенции и регламентации взаимоотношений с органами государственной власти. На основании исследованных архивных документов и нормативных актов автор пришел к заключению, что земская реформа в Сибири преследовала цель привести систему местного самоуправления в регионе в соответствие с общероссийской системой. В целом это способствовало демократизации сибирского местного самоуправления.

В другой работе О.Ф. Гордеева «Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – октябрь 1917 гг.): историко-правовые аспекты проблемы» впервые в историко-правовой науке раскрываются вопросы правового обеспечения пребывания в Сибири военнопленных из стран Четверного Соглашения (Австро-Венгрия, Германия, Италия и Турция). На основании анализа множества архивных источников и других документов автор делает вывод, согласно которому царское правительство и местные органы власти предпринимали все возможные меры, направленные на максимальное соответствие правового положения военнопленных в Сибири общепринятым международным стандартам.

В статье ассистента кафедры истории государства и права Г.Н. Емцова «Международное признание правительства А.В. Колчака (1918-1920 гг.): историко-правовой анализ» затрагиваются проблемы международно-правового статуса правительства А.В. Колчака. Ее автор доказывает, что у этого правительства имелись все юридические основания для положительного решения вопроса об официальном признании на международном уровне.

В совместном исследовании канд. филос. наук, доц. Т.В. Будилиной и канд. экон. наук В.И. Юрьева «Фашизм как крайняя форма антидемократического политического режима» сделан акцент на исторических корнях формирования фашизма в довоенной Италии, Испании, а также Германии. Анализируются причины формирования фашизма и его социальная база. Значительное внимание уделено особенностям современного неонафашизма.

В статье канд. ист. наук, доц. Т.Ф. Антоненко рассматриваются особенности лоббистской практики в США и ряде европейских стран, дается определение лоббизма и прослеживается история возникновения этого социального института. Автор анализирует российский законопроект о лоббизме, делая общий вывод о необходимости скорейшего придания ему статуса правового нормативного акта.

Завершает сборник научных трудов работа выпускника Красноярского государственного университета В.А. Захарченко «Роль монопольной политической власти в распаде СССР». Она посвящена обоснованию неизбежности этого процесса. Показывая объективность распада Советского Союза, В.А. Захарченко вместе с тем обосновывает точку зрения, согласно которой дезинтеграция СССР имела позитивное значение для народов России.

Все статьи книги содержат спорные теоретические положения. Авторский коллектив выражает надежду, что их обдумывание читателями приведет к дальнейшей разработке поднятых здесь научных проблем.

О законности и иных обязательных условиях прогрессивного развития государства

Сформулированные юридические нормы должны быть проведены в жизнь. Без этого не может быть и речи о прогрессивном развитии государственной организации. Однако сама по себе законность не является достаточной для совершенствования государства. Его прогресс достижим лишь при вполне определенном содержании правовых установлений, осуществляемых при обеспечении режима законности. В частности, теоретические положения, которые являются содержанием права, не могут вступать в противоречие с основными закономерностями функционирования государственной организации. В противном случае реализация права будет означать разрушение государства.

Как известно, последнее всегда представляет собой человеческое общество на определенной территории, независимое от подобных ему социальных образований. Поэтому закономерности, обязательно присущие любому государству, есть те принципы жизни человеческого общества, при отступлении от которых общество погибает.

К таковым относится прежде всего выполнение людьми трудовой деятельности. Если члены государственно организованного общества прекратят вырабатывать продукты, нужные для их жизнеобеспечения, то очень скоро существование этих человеческих индивидов и образованного ими государства прекратится. Вот почему Л. Дюги отмечал: «На государстве лежит долг издавать законы, делающие для всех труд обязательным, - не труд в какой-нибудь определенной форме, а как таковой. Недопустимо, чтобы член общественного целого ничего не делал, и недопустимо, чтобы государство не обязало его делать что-либо» [1].

Отсюда вытекает, что государству необходимо поставить его трудоспособных граждан в такие условия, чтобы они не могли существовать без труда. Например, по свидетельству Ш. Монтескье, подобным образом поступил английский король Генрих VIII. Этот монарх, желая преобразовать церковь в своей стране, «разогнал монахов, которые, будучи сами ленивы, поддерживали леность и в других: благодаря соблюдаемому ими гостеприимству бесчисленное множество праздных людей, дворян и горожан, проводило жизнь в

* © С.А. Дробышевский, 2002.

скитаниях из одного монастыря в другой. Он уничтожил также и богадельни, где простой народ находил средства к существованию, подобно тому, как дворяне находили их в монастырях. После этого преобразования в Англии водворился дух торговли и промышленности» [2].

Немедленный регресс и гибель в ближайшей перспективе ждет политическое тело и при отказе составляющих его лиц от совместной деятельности друг с другом. Такое заключение логически неизбежно, ибо при указанном положении дел прекратит существование система разделения и кооперации человеческого труда и, в частности, прервутся общественные усилия по воспитанию и образованию подрастающего поколения, по лечению больных и материальной поддержке нетрудоспособных. Кроме того, человеческое общество в границах государства не сможет воспроизводить себя физически, обеспечивая рождение детей, восполняющих естественные потери населения политического тела из-за смерти от старости, болезней и по другим причинам. Не случайно Р. Иеринг писал относительно отказа некоторых человеческих индивидов от вступления в брак, что «безбрачные ... нарушают основные законы человеческого общества не менее убийц, разбойников и воров. Для того чтобы убедиться в этом, стоит только подвергнуть их испытанию посредством применения к ним кантовского понятия о “возможном в правовом отношении” (обобщение собственного образа действия), то есть представить себе образ действия их всеобщим. Общество при таком предположении должно бы было погибнуть в настоящем поколении» [3].

Для воспроизводства себе подобных, а также для выработки материальных и духовных благ человеческим индивидам обязательно нужен мир в рамках сферы, где они интенсивно общаются, то есть в пределах территории государства. Единственным же путем достижения этой цели является выделение из составляющих государство лиц некоторой части, образующей систему государственных органов. Она призвана обеспечивать мирное взаимодействие членов государственного общежития посредством общеобязательного нормативного регулирования их поведения, что включает формулирование государственным аппаратом системы правовых норм и гарантирование им реализации юридических установлений, в том числе принудительной [4]. Причем право на физическое принуждение в границах политического тела должно принадлежать только системе государственных органов, а не каким-либо иным внутригосударственным объединениям, которым неизменно следует находиться под властью государственного аппарата [5]. Лишь при этом условии государство оказывается тем, чем оно призвано быть по самой своей

сути, а именно замиренным пространством, где только и может нормально протекать человеческая жизнь [6].

Политические идеи, которые несовместимы со всем тем, что необходимо для существования человеческого общества, вслед за Т. Гоббсом могут быть названы «мятежными» [7] или подрывными. Любой политический идеал либо план, включающий эти идеи, навредит или, в лучшем случае, не принесет пользы государству, где будет сделана попытка его реализовать.

Юридическое закрепление подобных идей неизбежно вызовет к жизни подрывные правовые нормы. При режиме законности отсюда неминуемо последует разрушение государственного общества.

Вот почему в юриспруденции была предпринята попытка сформировать основные закономерности функционирования политически организованного общества как совокупность постулатов для того, чтобы сравнивать с последними проекты новых юридических правил. При этом подразумевалось, что в случае противоречия таким постулатам задуманные нововведения в праве не должны осуществляться.

В изложении Р. Паунда упомянутые постулаты сводятся к возможности для людей в государственной организации исходить в своем поведении из таких предпосылок: во-первых, «другие не будут совершать на них умышленных нападений», а сами они «могут распоряжаться для полезных им целей» всеми вещами, «открытыми и предназначенными для собственного использования, ... созданными личным трудом и ... приобретенными при существующем социальном и экономическом порядке» [8]. Во-вторых, «те, с кем люди имеют дело ..., будут поступать честно и поэтому станут подтверждать разумные ожидания, которые создают их обещания или иное поведение», а также «выполнять свои обязательства в соответствии с порождаемыми у их контрагентов надеждами» и, вдобавок, «отдавать обратно ... то, ... что оказывается у них по ошибке или в результате непредвиденной... ситуации, посредством чего они получают за счет другого» блага, каких «не могли бы разумно ожидать получить при данных обстоятельствах» [9]. В-третьих, индивиды, «вовлеченные в некоторый курс поведения, будут действовать с должной заботой не подвергать других неразумному риску вреда», а лица, «которые поддерживают вещи, имеющие вероятность выйти из-под контроля ... и причинять вред, будут обуздывать их или удерживать такие вещи в должных границах» [10].

В случае несоответствия политической доктрины отмеченным постулатам она должна быть оценена как подрывная. В частности, такая оценка эпикурейства и скептицизма Древнего мира скорее

всего подразумевалась Р. Паундом, когда он писал: «Если вы видели бандитов, грабящих человека, или толпу, стремящуюся линчевать невиновное лицо, то Эпикур советовал не вмешиваться, если, хорошо взвесив страдания и удовольствия, вы не можете увидеть, что вмешательство в конечном счете будет способствовать вашей счастливой жизни. Скептик же говорил о необходимости воздерживаться от суждения и не подходить. Бандиты или линчующая группа с той же самой вероятностью являются правыми или неправыми, с какой правыми или неправыми являетесь вы» [11]. По-видимому, аналогичным образом, с точки зрения Р. Паунда, должен быть оценен и релятивизм как идейное течение XX в., поскольку в этом учении «суждения о хорошем и плохом, приписывание хвалы и порицания» рассматриваются как «ненаучные» [12].

Кроме того, к подрывным политическим идеям в указанном смысле слова относятся анархистские концепции, которые пропагандируют распад современных высокоразвитых государств. Вред от такой дезорганизации очевиден, поскольку в результате будут утрачены выгоды, извлекаемые людьми из сложной системы разделения и кооперации труда. В силу этого неизбежно сузится сама система удовлетворяемых человеческих нужд и понизится степень их удовлетворения по сравнению с положением, которое характерно для государств, разлагаемых анархистскими теориями [13]. Крайний пример проповеди анархизма присутствует, в частности, в работе Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». Как известно, в этом сочинении пропагандируется идея о самороспуске людьми государственной организации и ставится цель расселить бывших граждан государства поодиночке либо парами, как отшельников, не имеющих отношений с человеческими индивидами за пределами их мест отшельничества [14].

Подобным образом к числу вредящих государству идей принадлежит теоретическое положение, согласно которому часть профессиональных групп членов государственной организации (так называемый господствующий эксплуататорский класс) паразитирует, потребляя продукты труда, произведенные остальными профессиональными группами граждан государства (так называемым подчиненным эксплуатируемым классом) [15]. Указанная идея вредоносна потому, что неизменно подрывает мирное человеческое сотрудничество в рамках государственной территории. При этом она грубо искажает действительное положение вещей в государстве, которое прекрасно отразил в своей работе «Правящий класс» Г. Моска.

В соответствии с представлениями Г. Моски, «смотреть на правящий класс как на эксплуататорский, а на управляемый как на эксплуатируемый означает стать жертвой абсурдного предрассудка»

[16], ибо реальная ситуация в государстве совсем иная. Она характеризуется тем, что, «обеспечивая порядок и поддерживая сплоченность социальной структуры, господствующие общественные слои создают условия, при которых управляемый класс может трудиться наиболее эффективно» [17]. Кроме того, правящий класс из своей среды «обеспечивает производство техническим и административным персоналом» [18].

Как отмечал Г. Моска, паразиты и эксплуататоры «существуют во всех слоях общества, точно так же, как и эксплуатируемые имеются на всех ступенях экономической и социальной лестницы» [19]. Примеров этому более чем достаточно. В частности, «человек является эксплуататором, когда расточает унаследованный им капитал в роскоши, играх и бесчинствах. Эксплуатируемым же оказывается его родственник, тяжело и честно накапливавший это состояние, работая много, потребляя мало и, возможно, не наслаждаясь совсем» [20]. Вместе с тем эксплуататор - это также «ленивый и нечестный чернорабочий, живущий за счет своего нанимателя и иных рабочих и выманивающий у хозяина заработную плату за плохую работу или за ее отсутствие вообще» [21]. Эксплуатируемый же - работник физического труда, «добросовестно исполняющий свои обязанности, а также работу окружающих его лодырей, но довольствующийся таким же вознаграждением за труд, как и они» [22].

Существование государства как области замиренного пространства, окруженной политическими границами, подрывает проповеди не только классовой, но и любой иной вражды между лицами, заселяющими государственную территорию. Это объясняется тем, что такая вражда заставляет живущих в государстве людей направлять часть своих сил не на совершенствование самих себя и в конечном счете государственного общежития, а на причинение вреда друг другу. Вот почему система органов государства, отстаивая идею общего блага всех человеческих индивидов в политическом теле, которая предполагает их плодотворное сотрудничество в условиях разделения труда, призвана предпринимать все усилия для искоренения в умах членов государственного общежития идей, порождающих вражду между ними.

Однако такая государственная политика, с точки зрения некоторых классиков политической мысли, является ошибочной. В политологии присутствует теоретическое представление о том, что система государственных органов не должна проводить в жизнь какой-либо идеологии [23]. Например, Л. Дюги некогда отмечал, что государство не должно иметь своей собственной доктрины, ему следует все идеологии уважать и охранять [24].

С таким заявлением согласиться нельзя. Государство, действуя через свои политические учреждения, в целях самосохранения и обеспечения собственного прогресса должно бороться со всеми теми теоретическими представлениями, которые ранее были определены как подрывные. Так, в условиях российского многонационального государства безусловно подрывными будут воззрения, объявляющие неполноценными одну или несколько этнических групп россиян по сравнению с основной нацией. Речь идет прежде всего об известной идее «Россия для русских».

Система органов государства, работая для общенародного блага, которое предполагает плодотворное сотрудничество всех граждан в условиях разделения труда, призвана предпринимать усилия с целью искоренения в умах участников государственной жизни воззрений, порождающих вражду между ними. В частности, для того чтобы быть мощным и процветающим государством, Российская Федерация в лице системы ее государственных органов не должна делить своих граждан на людей первого и второго сорта по любому критерию и, между прочим, на полноправных коренных жителей и нежеланных пришельцев. Вместо этого она призвана сплачивать всех людей, волею судеб оказавшихся на ее территории, в единый коллектив, гармоничное содружество всех членов которого только и может обеспечить ее прогресс.

Список литературы

1. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги. М., 1908. С. 675.
2. Монтескье Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье. М., 1955. С. 529.
3. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1 / Р. Иеринг. СПб, 1881. С. 329.
4. См.: Гоббс Т. Избранные произведения. Т. 2 / Т. Гоббс. М., 1964. С. 152-170; Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law / E. Ehrlich. Cambridge: Harvard University Press, 1936. P. 378.
5. См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 236-237.
6. См.: Гоббс Т. Указ. соч. С. 192-197; Ehrlich E. Op. cit. P. 378.
7. Гоббс Т. Указ. соч. С. 336; См. также: С. 202-203, 255, 347.
8. Pound R. Social Control through Law / R. Pound. Hamden-Connecticut: Acchon Books, 1968. P. 113-114.
9. Ibid. P. 114. См. также: Антология мировой правовой мысли: В 5 т. Т. III. Европа. Америка: XVII-XX вв. М.: Мысль, 1999. С. 679.

10. Pound R. Op cit. P. 114-115. See also: Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law / R. Pound. New Haven: Yall University Press, 1945. P. 170-176.
11. Pound R. Social Control through Law. P. 37.
12. Ibid. P. 39.
13. См.: Бакунин М. Философия. Социология. Политика / М. Бакунин. М., 1989. С. 297-396; Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П. Кропоткин. М., 1990. С. 153-369.
14. См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. СПб, 1913. С. 67-70.
15. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 298-493.
16. Mosca G. The Ruling Class / G. Mosca. N.-Y., 1939. P. 426.
17. Ibidem.
18. Ibidem.
19. Ibidem. P. 302.
20. Ibidem. P. 302-303.
21. Ibidem. P. 303.
22. Ibidem.
23. See: Sargent L.T. Contemporary Political Ideologies: A Comparative Analysis / L.T. Sargent. Chicago, 1987. P. 6-7.
24. См.: Дюги Л. Указ. соч. С. 799-800.

Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы

С января 1930 г. в СССР началось практическое осуществление политики «ликвидации кулачества как класса». В рамках этой политики сотни тысяч крестьянских семей были лишены избирательных прав, подверглись экспроприации имущества и после деления на три категории высланы с прежних мест жительства. Началась реализация процесса депортации – т.е. принудительной ссылки и размещения крестьян в спецпоселках под надзором органов ОГПУ. В результате сталинское преобразование аграрного сектора советской экономики породило абсолютно новую категорию советских граждан - спецпереселенцев (трудпоселенцев). Территория Красноярского края оказалась в числе регионов, принявших наибольшее количество крестьян-спецпереселенцев – около 100 тысяч человек.

Уже с первых дней начала массовой карательной акции в отношении зажиточной части крестьянства стала ясной ее двусмысленность с точки зрения существовавшего законодательства, где массовые принудительные переселения не были обозначены. Так, законы о государственных репрессиях делились на два больших блока – лишение свободы (заключение в тюрьмы, колонии и лагеря), а также высылка и ссылка в административном и судебном порядке. Все эти репрессии имели под собой весьма подробную правовую регламентацию и свои сроки. Например, высылка и ссылка до 1929 г. не могли превышать трех лет, затем срок был увеличен до пяти.

Формально депортация крестьянства могла считаться ссылкой – подобной той, которую применяло еще царское правительство. Ссылные доставлялись принудительным путем в конкретные районы на поселение (под надзор карательных органов) без права выезда из них. Однако эта ссылка была экстраординарной и не попадала под определение классической ссылки в силу двух обстоятельств: во-первых, крестьян ссылали семьями, включая глубоких стариков и грудных детей; а во-вторых, сроки пребывания на поселении не были определены. Иначе говоря, требовалось законодательное оформление сложившейся практики – бессрочной ссылки на поселение в соединении с принудительными работами. Но, вероятно, для тогдашнего законодательства это могло стать слишком беспрецедент-

ной акцией, и на такое советское руководство не решилось. Компромиссный выход из создавшейся ситуации был найден и состоял в том, что депортация получила наименование «спецпереселения», а «раскулаченные» и высланные «кулаки» стали впредь именоваться «спецпереселенцами» [1]. Спецпереселение не считалось карательной акцией, соответственно, для этого не потребовалось уточнение и введение новых статей в законодательство; оно считалось особой формой переселения с применением для «раскулаченных» ряда правовых ограничений. Таким образом, первая в истории советского государства столь массовая переселенческая акция в правовом отношении ничем не была подкреплена.

С учетом того, что процессы «раскулачивания» и высылки крестьян с самого начала приняли широкомасштабный характер, для упорядочения этой работы и придания ей некоторой организованности 1 апреля 1930 г. постановлением Совнаркома СССР была создана специальная секретная комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР В.В. Шмидтом, которая занялась проработкой вопросов «об организации жизни выселенных кулаков в соответствующих регионах» [2]. Появилась идея создания для них специальных поселков. Был взят курс на развитие системы расселений и организацию их жизнедеятельности по типу ИТЛ. В результате местом основного сосредоточения спецпереселенцев на территории СССР стали специальные «кулацкие» поселки под управлением комендантов.

Поселки предлагалось располагать вне районов сплошной коллективизации и между этими районами, чтобы последние оказывали положительное идеологическое воздействие на население поселков; вне пограничной полосы, по возможности, далеко от расположения железнодорожных, шоссейных и водных путей.

До июля 1931 г. расселением, трудоустройством и другими вопросами, связанными с «кулацкой ссылкой», ведали краевые и областные исполкомы. На местах в это время не было четких установок по использованию труда спецпереселенцев, по правам и обязанностям как спецпереселенцев, так и комендантов. Но в связи с реформой в системе административно-политических органов, направленной на централизацию управления, увеличение численности карательных органов, милиция, ранее находившаяся в двойном подчинении (НКВД союзных республик и местные советы), была выведена из-под контроля местных властей и подчинена непосредственно ОГПУ.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев» правительство приняло решение поручить ОГПУ управление всеми спецпереселенцами и хозяйственное ис-

пользование их труда [3]. Полномочному представительству ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в телеграмме за подписью зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды приказывалось: 1) принять в ведение ОГПУ все спецпоселки с их аппаратом, имуществом, а также областные и районные комендантские отделы управления спецпереселенцами; 2) передать в финотдел ПП все остатки средств фондов, отпущенных на спецпереселение.

Распределение рабочей силы «спецконтингента» производилось в соответствии с заявками предприятий (через заключение специальных договоров). Также полномочные представительства ОГПУ могли сами организовывать различные виды кустарного производства с участием спецпереселенцев [4]. Таким образом, в полное ведение ОГПУ передавалось хозяйственное, административное, организационное управление спецпереселенцами, а также все материальные и денежные средства, отпущенные на них.

В августе 1930 г. вышла в свет «Инструкция по управлению спецпоселками и хозяйственному использованию труда спецпереселенцев» в Сибкрае. Еще через год появился подобный документ общесоюзного масштаба – «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковых администраций в районах расселения спецпереселенцев» [5].

В первом разделе «Временного положения» указывалось, что для административного управления спецпереселенцами и организации их труда и быта в спецпоселках создаются комендатуры ОГПУ. Поселковые комендатуры подчинялись или непосредственно отделам по спецпереселенцам при ПП ОГПУ, или участковым и районным комендатурам (с 1934 г. руководство районными комендатурами осуществлялось отделами мест заключения (ОМЗ) и трудовых поселений УНКВД, а в центре – ГУЛАГом НКВД СССР).

Комендатуры ОГПУ в спецпоселках, кроме своих специальных оперативных и хозяйственных функций, осуществляли обычные административные функции советских органов. Во главе комендатуры находился комендант. Кроме того, как следует из доклада начальника отдела спецпереселенцев ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю Я.Я. Веверса: «Для всестороннего, включая и чекистского обслуживания спецпереселенцев, в данное время райаппарат ОГПУ дополняется должностью районного инспектора по спецпереселенцам; его помощника и делопроизводителя с тем, чтобы обеспечить систематический контроль над использованием спецпереселенцев на работах, их бытовое и чекистское обслуживание и правильный учет» [6].

Комендатурам были предоставлены очень широкие права в области управления «кулацкими поселками» в административном, хозяйственном и социально-культурном отношении.

В зависимости от места расположения поселка, его величины и хозяйственных задач комендатуры разрабатывали правила внутреннего распорядка, которые являлись для жителей спецпоселков обязательным административным постановлением. Комендатуры закрепляли за определенными домами семьи спецпереселенцев и вели «им точный поименный учет, производя систематическую проверку наличия прикрепленных». Работники комендатур следили за выполнением спецпереселенцами «трудовых обязательств» в промышленности и в собственном хозяйстве, применяя в необходимых случаях различные меры воздействия. Параллельно комендатуры должны были следить и за точным соблюдением хозяйственными организациями всех обязательств в отношении спецпереселенцев, как взятых ими на себя по договорам, так и возложенных на них соответствующими постановлениями правительственных органов. Кроме этого, комендатурам вменялось в обязанности: принимать устные и письменные заявления, жалобы и просьбы от спецпереселенцев, на месте разбирать и разрешать их в пределах своей компетенции в кратчайшие сроки; организовывать наблюдение, охрану и контроль за населением спецпоселков в целях недопущения побегов и самовольных отлучек; регистрировать акты гражданского состояния. Также комендатуры отвечали за политический и общественный порядок в спецпоселках, за сохранность имущества, за проведение противопожарных мероприятий, за санитарное состояние и ликвидацию неграмотности и «вообще за все мероприятия, направленные к трудовому советскому порядку в спецпоселках» [7].

Комендатуры ОГПУ имели право привлечения к ответственности спецпереселенцев, нарушающих порядки и законы, установленные администрацией поселков, другими административными органами советской власти и Советского правительства. За нарушения обязательных постановлений о внутреннем распорядке поселка, хулиганство, прогулы комендатуры могли штрафовать ссыльных, подвергать их аресту, при согласовании с администрацией предприятий переводить спецпереселенцев на более тяжелые и менее оплачиваемые работы.

Иногда для провинившихся спецпереселенцев создавались штрафные команды. Для работающих в них существенно увеличивались нормы выработки, а заработная плата не выдавалась. В апреле 1932 г. по указанию ОГПУ штрафные команды в спецпоселках ликвидированы [8]. Административно наказуемых спецпереселенцев стали содержать в арестных помещениях, организованных при по-

селковых комендатурах. Как правило, отбывающие административный арест спецпереселенцы днем работали, а ночью содержались под стражей. Спецпереселенцы, осужденные судами за бытовые преступления с содержанием под стражей до трех лет, направлялись в исправительно-трудовые дома и по отбытии срока заключения вселялись обратно в спецпоселок.

Комендант спецпоселка имел право вести борьбу с хулиганством, самогоноварением, нищенством, проституцией, наркоманией и другими «социальными аномалиями», пресекать шествия, демонстрации, манифестации и собрания политического характера, ограничивая собрания вопросами хозяйственно-бытового устройства.

К 1935 г. на территории Красноярского края было 15 комендатур (13 районных и 2 поселковых), расположенных в 19 районах края [9]. В целом по СССР к июлю 1938 г. в стране имелся 1 741 трудпоселок. Эти поселки обслуживали 150 районных и 800 поселковых комендатур. На территории Красноярского края к этому времени находилось около 120 трудпоселков (это четвертое место по данному показателю после Новосибирской и Свердловской областей и Дальневосточного края) [10]. В среднем в 1938 г. на каждый трудпоселок в крае приходилось 490 жителей-трудпоселенцев.

Права и обязанности спецпереселенцев также определяло «Временное положение...». В обязанности спецпереселенцев входило занятие общественно полезным трудом, однако «выбор места и характера работы» определялись органами ОГПУ. Указывался в Положении и характер труда – работа по найму в государственных и кооперативных хозяйственных организациях, в сельском хозяйстве или кустарных промыслах на основе неуставных артелей, т.е. под руководством комендантов, а не правлений, как обычно. Предусматривалось использование труда спецпереселенцев на стройках, на раскорчевке, мелиорации земель и других тяжелых и трудоемких работах. Освобождение от работы по болезни и нетрудоспособности производилось комендатурой ОГПУ «в необходимых случаях через врачебные комиссии».

Регламентировалось положение спецпереселенцев в спецпоселках: они и их семьи не имели права без разрешения комендатуры ОГПУ «менять как место жительства, так и квартиру». Не могли они также отлучаться за пределы поселка, в котором проживали, за исключением тех случаев, когда это относилось к работе по указанию ОГПУ.

Спецпереселенцы и их семьи обязаны были «беспрекословно и точно соблюдать установленные комендатурами ОГПУ в поселках порядки и точно проводить в жизнь все постановления и указания как поселковой администрации, так и местных советских органов и

Советского правительства». Обязанности спецпереселенца на производстве регламентировались существующими там правилами и порядками.

В Положении был раздел и о правах спецпереселенцев, однако эти права скорее декларировались, чем гарантировались. Так, в разделе было записано: «Все спецпереселенцы и их семьи, точно соблюдавшие установленные для них правила и добросовестно относящиеся к порученной им работе, имеют право на полное восстановление их во всех гражданских правах через пять лет со дня переселения». На практике это не означало обязательного предоставления им таких прав. Во-первых, потому, что за пять лет можно всегда найти «нарушения» правил, а во-вторых, потому, что и в самом постановлении ЦИК Союза ССР от 3 июля 1931 г. указывалось на особые условия получения гражданских прав – если высланные в течение пяти лет «на деле докажут, что прекратили борьбу против организованного в колхозы крестьянства и мероприятий советской власти, направленных на подъем сельского хозяйства» и если они «покажут себя на деле честными и добросовестными тружениками». Таким образом, получение гражданских прав ставилось в зависимость от решения комендатур ОГПУ или организаций, использующих спецпереселенцев. Да и Политбюро ЦК не хотело предоставления таких прав спецпереселенцам, особенно досрочно. Когда в постановлении СНК СССР «О спецпереселенцах» от 16 августа 1931 г. появился пункт с предложением признать возможным восстановление в правах молодежи, достигшей 18-летнего возраста, до истечения 5-летнего срока (если эта «молодежь проявила себя с положительной стороны»), то менее чем через месяц (10 сентября) этот пункт был отменен. А 20 октября 1931 г. Политбюро признало нецелесообразным «издавать специальный закон насчет досрочного восстановления в правах кулаков» и предложило ЦИК СССР принимать отдельные ходатайства организаций «об амнистии и досрочном восстановлении в правах в отношении кулаков, проявивших добросовестное отношение к работе» [11].

Что касается оплаты труда, снабжения продовольствием и промтоварами спецпереселенцев, то в Положении заявлялось, что они (спецпереселенцы) приравниваются к вольнонаемным рабочим. Но фактически этого не было. Из заработной платы крестьян-спецпереселенцев удерживалось сначала 25 %, с августа 1931 г. – 15 %, а с февраля 1932 г. – 5 % (вероятно, постоянно увеличивающееся количество спецпереселенцев позволило ОГПУ продемонстрировать «гуманное» решение о снижении процентных отчислений с заработной платы спецпереселенцев без ущерба для функционирования органов ОГПУ). Суммы, поступающие в распоряжение полно-

мочных представительств ОГПУ за счет данных процентных отчислений, предлагалось расходовать на содержание аппарата и охраны; организационные расходы: секретно-оперативные расходы; оказание временной помощи инвалидам, круглым сиротам, семьям, не имеющих трудоспособных членов – до приискания им работы или передачи их в ведение соответствующих органов [12].

Ограничены были права спецпереселенцев и в культурно-просветительской работе в спецпоселках. Все кружки (самообразования, санитарные, художественной самодеятельности и др.) организовывались с санкции комендатуры ОГПУ, а всякие общественные собрания спецпереселенцев проводились представителями комендатуры и все решения этих собраний ею утверждались.

Следовательно, вопрос о правах и обязанностях спецпереселенцев и комендатур был тщательно разработан. Все стороны их жизни и деятельности были жестко регламентированы и поставлены под контроль органов ОГПУ.

С самого момента создания спецпоселений для многих «раскулаченных» проблема восстановления в гражданских правах приобрела особую актуальность. Спецпереселенец, восстановленный в правах, снимался со спецучета и теоретически мог выехать со спецпоселения в другое место жительства. Помимо уже указанного выше постановления от 3 июля 1931 г., в течение 1930-х гг. был принят еще ряд подобных документов.

С 1933 г. стали восстанавливаться в избирательных правах дети спецпереселенцев, достигшие совершеннолетия. В постановлении Президиума ЦИК СССР от 17 марта 1933 г. «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» указывалось: «Дети высланных кулаков, как находящиеся в местах ссылки, так и вне ее, и достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах районными исполкомами по месту жительства при условии, если они занимаются общественно полезным трудом и добросовестно работают» [13]. Через год, в апреле 1934 г., в разъяснении по данному постановлению заместитель начальника ГУЛАГа ОГПУ М. Берман отмечал, что восстановление детей в избирательных правах необходимо использовать в качестве стимула для повышения производительности труда молодежи на производстве. Также особо подчеркивалось, что «восстановление в правах детей на родителей не распространяется» [14].

Что касается взрослых, то восстановление их в избирательных правах до 1935 г. проводилось строго в индивидуальном порядке по истечении, как правило, 5-летнего срока с момента выселения и при наличии положительных характеристик о поведении и работе. Специальное постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г. «О поряд-

ке восстановления в гражданских правах бывших кулаков» законодательно закрепило практику восстановления спецпереселенцев в правах [15]. Хотя восстановление производилось выборочно (прежде всего ударников, подписавшихся на заем, состоявших в группе содействия по борьбе с бегством трудпоселенцев), большинство освобожденных стало покидать места поселения. К 1935 г. в целом по СССР несколько десятков тысяч спецпереселенцев сумели покинуть спецпоселки.

Однако открывшаяся перспектива потери рабочих рук не устраивала сталинское руководство и особенно карательное ведомство. 17 января 1935 г. Г. Ягода в секретном документе на имя И. Сталина указал на нежелательные для системы последствия претворения в жизнь постановления ЦИК СССР от 27 мая 1934 г.: «...по мере восстановления в правах отмечены массовые выезды трудпоселенцев из мест поселения, что срывает мероприятия по освоению необжитых мест. Вместе с тем возвращение восстановленных трудпоселенцев в те края, откуда они были выселены – политически нежелательно». Г. Ягода предложил издать срочное уточнение к последнему постановлению ЦИК СССР, в котором бы указывалось, что восстановление в правах трудпоселенцев не дает им права выезда из мест вселения [16]. Такое уточнение и сделал ЦИК СССР в своем постановлении от 25 января 1935 г. [17]. Таким образом, восстановление в избирательных правах отнюдь не являлось синонимом полноправности. Трудпоселенцы по-прежнему ощущали себя несвободными, неполноправными людьми.

Конституция 1936 г. объявила трудпоселенцев полноправными гражданами (ст. 135). В связи с этим во многих трудпоселках царил эмоциональный подъем. Анализ протоколов собраний «бывших кулаков», посвященных обсуждению проекта Конституции, свидетельствует, что многие ссыльные с энтузиазмом восприняли появление этого документа, так как надеялись, что им скоро разрешат вернуться в родные села и деревни. Однако вскоре наступило разочарование – несмотря на статус полноправных граждан, трудпоселенцам так и не разрешили покидать установленные места жительства. Таким образом, «полноправие» оказалось декларативным, а не реальным. В связи с этим интересно отметить еще один момент. В 1937 г. как «полноправные» граждане ссыльные крестьяне должны были участвовать в выборах в Верховный Совет СССР. Документом, удостоверяющим личность трудпоселенца, служила справка, выданная районным (участковым) комендантом трудпоселков [18]. Перед началом выборов руководителям окружных избирательных комиссий, а также председателям участковых избирательных комиссий были даны секретные указания о том, что справки, удостоверяющие лич-

ность трудпоселенцев, при выдаче последним избирательных бюллетеней должны были отбираться [19]. Власти опасались, что воспользовавшись данными «удостоверениями личности», трудпоселенцы смогут покинуть спецпоселки и устроиться на работу в других местах.

В конце 1930-х гг. власти пошли на уступку для трудпоселенческой молодежи: постановлением СНК СССР «О выдаче паспортов детям спецпереселенцев и ссыльных» от 22 октября 1938 г. право выезда с мест поселения на учебу или работу предоставлялось детям бывших «кулаков» по достижении ими 16-летнего возраста. Молодые люди, «если они ничем не опорочены», получали паспорта и могли отправиться учиться [20]. Однако в выдаваемых паспортах делалась отметка об ограничении права проживания в режимных городах. Но поскольку высшие, технические и другие специальные заведения, за редким исключением, находились в городах, отнесенных к режимным пунктам, большинство детей трудпоселенцев фактически было лишено возможности продолжить учебу.

Таким образом, жизнь крестьян-спецпереселенцев подлежала жесткой регламентации, причем не только (и не столько) законодательными актами и правительственными постановлениями 1930-1940 гг., сколько подзаконными актами (директивами, циркулярами, приказами, разъяснениями и тому подобными документами ОГПУ-НКВД и частично прокуратуры). Фактически любым правовым нормам противостояла мощная стена всевозможных ограничений и дискриминаций. Сам же 10-летний цикл пребывания «раскулаченных» на поселении регламентировался документом, название которого оказалось весьма символичным – «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев».

Список литературы и примечания

1. Красильников С.А. Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе / С.А. Красильников // Гуманитарная наука в России. М., 1996. С. 90.
2. Тепцов Н.В. Правда о раскулачивании (документальный очерк) / Н.В. Тепцов // Кентавр. 1992. № 2. С. 50.
3. Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 – начало 1933 г./ Сост. С.А. Красильников и др. Новосибирск, 1993. С. 14.
4. ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 3 Л. 20.
5. Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 – начало 1933 г. С. 68-74.
6. Тепцов Н.В. Указ. соч. С. 52-53.

7. Спецпереселенцы в Западной Сибири: весна 1931 – начало 1933 г. С. 72.
8. Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве / Л.П. Рассказов. Уфа, 1994. С. 287.
9. Отдел специальных фондов ИЦ УВД КК. Ф. Приказы УНКВД по Красноярскому краю. Д. 1. Л. 49-51.
10. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы / В.Н. Земсков // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 7-8.
11. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) / Н.А. Ивницкий. М., 1994. С. 127.
12. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 97.
13. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. С. 12.
14. Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933-1938 гг. / Сост. С.А. Красильников и др. Новосибирск, 1995. С. 55-56.
15. Славко Т.И. Кулацкая ссылка на Урале. 1930-1936 / Т.И. Славко. М., 1995. С. 142.
16. Дугин А.Н. Спецпоселения / А.Н. Дугин // Полиция и милиция в России: страницы истории. М., 1995. С. 186-187.
17. Земсков В.Е. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. С. 14.
18. Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933-1938 гг. С. 72.
19. Земсков В.Н. Указ. соч. С. 18.

Февральская революция и сибирское земство

Февральская революция принесла народам нашей страны надежды на обретение многих политических свобод, о которой мечтали целые поколения, и на улучшение экономического состояния страны, измотанной войной. Усилилось и стремление к реформированию земских органов. Временное правительство столкнулось с тем, что по инициативе революционного народа на местах почти повсеместно устранялись от власти губернаторы и создавались новые образования, такие как временные революционные комитеты, комитеты общественного спасения и т.п., в которые входили представители различных партий и общественных организаций, в том числе городских и земских управ, бравшие на себя полноту власти.

Поэтому Временное правительство 3 марта отправляет распоряжение на места о повсеместной замене полиции милицией, организуемой общественными самоуправлениями, и губернаторов - губернскими комиссарами Временного правительства, на должность которых временно назначался председатель губернской земской управы.

Одновременно шла подготовка к реформированию земских органов власти. По замыслу правительства эти обновленные органы должны были сочетать в себе одновременно функции органов бывшей правительственной администрации самоуправления, и в соответствии с этим новая система местного управления должна была складываться из трех основных частей:

1) органов самоуправления, наделенных функциями правительственной власти (губернских, уездных, волостных и городских), и мелких самоуправляющихся единиц (поселковых - в сельской местности и участковых - в городах), не располагающих полнотой власти;

2) органов правительственной администрации, «несущих функции общего надзора и контроля» (правительственные комиссары и их аппараты и, в некоторой мере, милиция), а также специальных органов правительственной администрации, вы-

* © О.Ф. Гордеев, 2002.

полняющих отдельные задачи управления (казенные и контрольные палаты и др.)¹.

3) органов административной юстиции в губернских и уездных центрах.

«Существо всей реформы можно подразделить на несколько крупных узловых вопросов: 1) изменение избирательного закона; 2) введение мелкой земской и городской единицы; 3) введение земских учреждений на окраинах России; 4) некоторое совмещение функций органов бывшей правительственной власти на местах с функциями местных самоуправлений; 5) создание собственных, буржуазных органов насилия и 6) создание органов правительственного контроля и надзора»².

15 апреля и 21 мая 1917 г. были опубликованы постановления, устанавливающие новый, демократический порядок выборов - равное, прямое, тайное голосование с участием всего населения, достигшего 20-летнего возраста, а также было введено волостное земство.

25 мая 1917 г. Временное правительство опубликовало в 62-м номере газеты «Вестник Временного правительства» свое постановление о волостном земском управлении³. Этому закону долгое время ждала Россия, но царское высшее правительство всячески препятствовало его введению.

Смысл закона заключался в следующем: всем гражданам, достигшим двадцатилетнего возраста, независимо от пола, религии, нации предоставлялось право участвовать в выборах (прямых и тайных) уполномоченных в волостные земские собрания, на которых они без участия чиновников будут решать проблемы своей волости. Словом, законом о волостном земстве народу предоставлялась возможность через своих представителей влиять на дела волости. Однако у закона были существенные недостатки. Основной недостаток закона заключался в том, что он предоставлял уездному представителю административной власти право проводить ревизии делопроизводства волостных земских учреждений. Безусловно, правом ревизии земских самоуправлений административная власть обладать не должна: в ревизии и выражается опека, надзор за земским самоуправлением со стороны административной власти. В этом недостатке закона невольно сказывалось влияние, очевидно, еще не совсем изжитых устоев старой России. Право ревизии, контроля над волостным земским самоуправлением могло принадлежать только

¹Яковлева Н.А. Февральская революция и сибирское земство // Грани. 1991. № 121. С. 201.

²Там же.

³Волостное земство // Народное дело. 1917. № 3. С. 1.

общему местному суду и земским же учреждениям высшего порядка - земскому уездному и губернскому самоуправлению.

Неверным был взгляд Временного правительства на то, что наряду с учреждениями местного самоуправления (земской управой) должны существовать еще и представители центральной администрации: уездные и губернские комиссары. Все они в условиях новой России были лишними чиновниками. Общегосударственной исполнительной властью на местах может быть только местная выборная власть: земская управа и городская дума.

Другим недостатком закона являлось то, что он в саму земскую управу вносит дух бюрократизма. Закон предоставлял особые права председателю волостной земской управы: он один имеет право нанимать и увольнять служащих и пр. Такими исключительными правами обладали председатели земских управ дореволюционной России. В новой же России подразумевалось иное: начало равенства нужно проводить везде: и в жизни, и в земской управе. Все члены ее должны решать вопросы коллегиально, а не единолично.

Третий недостаток закона заключался в том, что он не распространялся на всю территорию России, а вводился только там, где до революции существовало уездное и губернское земство. Такие области, как Сибирь, оставались без земства. Им приходилось действовать на основании своих временных революционных законов о земстве, принятых на съездах крестьянских депутатов в виде временных положений об административном устройстве новой деревни¹.

Однако, несмотря на все отмеченные недостатки, закон о волостном земстве, безусловно, демократичный закон, отвечающий интересам народа.

Необходимо добавить, что Временное правительство не остановилось на данной версии закона, а продолжало его дорабатывать, в частности, вносить изменения в положение об окраинах России.

Шла разработка земского положения для Сибири. Во главе этих работ стал Б.Б. Веселовский - известный знаток земского дела в России, кадет. В работе возглавляемой им комиссии принимали участие представители сибирского населения, как русского, так и бурятского, якутского. Что касается русских сибиряков, то это были члены областнического союза. 5 марта 1917 г. сибиряки-областники, проживавшие в Петрограде, создали инициативную группу. Они попытались объединить все существующие в Петрограде общественные организации сибиряков: Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, Общество помощи больным и раненым, Сибирское бю-

¹ Волостное земство // Там же.

ро при Совете торговли и сельского хозяйства и др. В начале апреля ими был организован митинг сибиряков, собравший до 500 человек. От каждой организации по 3 человека вошли в созданный комитет Союза, но общей программы выработать не удалось, и он распался. Однако его члены участвовали в работе по составлению земского положения для Сибири. Но, по мнению областников, «участие это оказалось бесплодным, и долгожданное земство вышло совершенно несоответствующим хозяйственному укладу и особенностям городов Сибири»¹.

Областников, конечно, не устроило то, что их идея областного земства (единого общесибирского земского органа) не нашла воплощения в проекте.

17 июня 1917 г. был опубликован Закон Временного правительства о введении земских учреждений в Архангельской губернии и в губерниях и областях Сибири. По этому Закону земство вводилось на всей территории Сибири - уездное, волостное и губернское (за исключением некоторых районов, населенных нерусскими народами). Избирательное право получили все граждане обоего пола с 20-летнего возраста, проживающие в соответствующем городском поселении или волости.

Волостное земство в Сибири вводилось на основе общего закона от 25 мая о волостном земстве. Сибирь получала такое же полное обновленное земство, как и остальная часть России. Теперь все области пользовались одинаковыми правами на самоуправление.

Организация земских учреждений по новым законам Временного правительства в уездах возлагалась или на особые по введению земства комитеты или же на существующие исполнительные комитеты. В частности, в Енисейской губернии губернским комиссаром распоряжения по введению земства возложены в Красноярском, Ачинском, Енисейском и Минусинском уездах на временные уездные земские управы, в Канском - на объединенный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Значительно расширился круг ведомства земских учреждений, хотя все они по-прежнему касались только хозяйственной деятельности. По Закону Временного правительства, в компетенцию земств вошли заведование земскими повинностями и имуществами, продовольственным делом, устройство и сооружение дорог и т.п., земских почт, телефонов, пароходных и других путей сообщения, организация врачебной помощи населению, ветеринарного дела, противопожарных мероприятий, развитие народного образования, осуществление мероприятий, способствующих охране памятников

¹ Яковлева Н.А. Там же. С. 202.

старинны, создание музеев. Земства могли заниматься книгоиздательством, вести мелиоративные работы, оказывать помощь сельскому хозяйству и промышленности.

Кроме этого, в заведование земских учреждений передавались милиция, оказание юридической помощи населению, статистические работы, мероприятия по охране труда и организация бирж труда, устройство переселенческих пунктов.

Приведем пример постановления Временного правительства об обязанности земств в области военных дел.

«Г.Г. Губернским Комиссарам, Председателям Губернских Продовольственных Комитетов и Губернских Земских Управ.

Главным Комитетом при Главном Управлении Генерального Штаба по делам о предоставлении отсрочек военнообязанным, по соглашению с министерством земледелия, сельское хозяйство и связанные с ним производства призваны необходимыми для нужд государственной обороны.

Ввиду этого отсрочки призыва в войска могут быть предоставляемы некоторым категориям служащих и рабочих, занятых в сельскохозяйственной деятельности, а также лицам, состоящим в правительственных учреждениях и предприятиях, обслуживающих нужды сельского хозяйства»¹.

По Закону Временного правительства, председателя земского собрания не назначали, а выбирали; гласным должны были выплачивать жалованье в период работы собрания (это открывало реальную возможность принять участие в деятельности земств менее зажиточным слоям населения), для контроля над деятельностью земских управ образовывали ревизионные комиссии. Губернским и уездным земским собраниям предоставлялось право принимать и издавать обязательные постановления, но все они касались (как это было оговорено) узкохозяйственного круга вопросов.

«Должность председателя волостной управы не может быть совмещаемая ни с какими другими платными должностями по государственной и общественной службе»².

В этом же документе - Минусинский уездный по введению земства комитет - говорится и о составе Управы: «При волостной Управе состоят по найму - секретарь и лица, занимающие другие должности по земству. Каждая волостная Управа должна обзавестись полной, вполне самостоятельной канцелярией и книгами по делопроизводству. Самое поверхностное перечисление всей сложности этого делопроизводства покажет, на сколько удорожает расходы всякое дробление на мелкие земские единицы. Никакое сельское

¹ ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 1а. Л. 5.

² Там же. Л. 61 об.

общество, малочисленное по своему составу, не в состоянии выдерживать всех расходов, связанных с выделением в отдельную земскую единицу»¹. Следовательно, не все были согласны с более мелким делением территории.

Судя по содержанию Закона, Временное правительство так же, как и царское, собиралось поставить земские учреждения под контроль со стороны властей. Надзор за законностью губернских и уездных земских учреждений был возложен на губернских комиссаров Временного правительства (к этому моменту это были уже официально назначенные центром чиновники), волостных - на уездных комиссаров. Все постановления земских собраний должны были предоставляться им. Комиссар в двухнедельный срок мог опротестовать решение собрания и передать дело в суд, а административный суд имел право ревизовать земские учреждения и по результатам ревизии также направить протест окружному суду. Министр внутренних дел обладал теми же правами.

Временное правительство учло требования золотопромышленников, и крупные золотопромышленные системы - Витимская и Олекминская - приравнивались к земскому уезду, другие прииски Восточной Сибири - к волости.

Временное правительство предоставило определенные преимущества интеллигенции. Так, оно оговорило право земским собраниям избирать особые комиссии, которые помогали бы им в практической деятельности. В эти комиссии должны были быть призваны специалисты по различным отраслям хозяйственной жизни. Кроме того, в Законе было подчеркнуто, что на земские должности могут выбираться не только земские гласные, а это также способствовало привлечению в работу земств интеллигенции.

В результате проведения данного Закона в Сибири должно было появиться 10 губернских земств и 44 уездных. Б.Б. Веселовский, готовивший эту реформу, писал по окончании работы: «С помощью земского и городского самоуправления Россия должна вступить в ряды культурных стран, должна прочно закрепить добытую революцией свободу и помочь населению оправиться от разрушений и бедствий, причиненных народному благосостоянию мировой войной»².

Временное правительство торопилось с введением земских учреждений по новым законам. Это было связано с тем, что волостное, уездное, губернское земское собрание и волостная, уездная, губернская земская управа, по закону о выборах депутатов в Учредительное собрание, должны будут взять на себя всю организацию

¹ ГАКК. Там же.

² Яковлева Н.А. Там же.

этих выборов. Земским учреждениям предстояла огромная работа по составлению списков избирателей в Учредительное собрание, по организации волостных избирательных комиссий и пр.

Вскоре повсеместно прошли выборы в волостное земство, на волостных земских собраниях выбраны волостные земские управы, и таким образом самая важная работа по созданию земского самоуправления была сделана. В газетах того времени встречаются следующие комментарии к проведению выборов: «... по впечатлениям участников и организаторов земской кампании по выборам в волостное земство, эта первая выборная кампания почти повсюду прошла с большими затруднениями. Большинство крестьян не уяснили себе той великой пользы, которую несет с собою земство. Многие из них относятся к земству даже с некоторой совершенно непонятной враждебностью, как к пустой затее»¹.

Население Сибири с нетерпением ждало начала работы земских учреждений. Земство должно было позаботиться о сельских школах, библиотеках. Крестьяне требовали после окончания среднего образования бесплатного высшего. Требовали повышения уровня здравоохранения: увеличения количества больниц, аптек, врачей и фельдшеров. В условиях частых стихийных бедствий населению требовалось обязательное земское страхование построек, скота, посевов. Земство должно было открыть сельскохозяйственные школы с бесплатным обучением, устраивать «показательные» поля, где шло бы усовершенствование хлебных и других растений. В области земского обложения — земство должно было установить справедливый налог с тем, чтобы больше платил тот, кто имел больше дохода.

В наказе о первоначальных действиях земских учреждений Временного правительства написано:

- первые волостные земские собрания созываются и открываются в течение трех дней после оглашения списка избранных волостных гласных особыми лицами, приглашенными уездными по введению земства комитетами, для введения в волостях земского управления, согласно ст. 7 Правил о приведении в действие Временного положения о Земских учреждениях в губернии Архангельской и в Сибири и ст. 5 Правил о приведении в действие отдела 1 Постановления Временного правительства о введении земских учреждений в областях Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской²;

- первоначальные действия земских управ заключаются в 1) образовании канцелярий, 2) в принятии от подлежащих местных дел, подчиняемых ведению земских учреждений, а равно капиталов,

¹ Озерных П. О земстве // Народное дело. 1917. № 16-17. С. 4.

² ГАКК. Л. 147.

имущества, доходов и запасов, относящихся к этим делам, 3) в собирании сведений, необходимых для составления земских смет и расходов на 1917 г., 4) в составлении проектов названных смет и раскладов, 5) в подготовке докладов по предметам занятий первых очередных земских собраний, в частности относительно избрания председателей земства в подлежащие учреждения¹.

Итак, земское управление по реформе 1917 г. было построено на демократических принципах, позволяющих принять участие в работе земских органов самым широким слоям населения. Наибольший энтузиазм в деле введения земских учреждений проявляла интеллигенция. Крестьянство более сдержанно встретило введение новых органов. Это объяснялось рядом причин. Во-первых, крестьянство уже имело самоуправление и решало свои вопросы давно самостоятельно. Во-вторых, содержание земств ложилось на плечи налогоплательщиков, что не нравилось крестьянам. Тем не менее Закон 17 июня 1917 г. явился итогом более чем пятидесятилетней борьбы сибирской общественности за земства.

Список литературы

1. Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства / П.В. Волобуев. М., 1962.
2. Волостное земство // Народное дело. 1917. № 3.
3. Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год) / Г.А. Герасименко. М., 1995.
4. ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 1а.
5. Милюков П.Н. История второй русской революции / П.Н. Милюков. М., 2001.
6. Озерных П. О земстве / П. Озерных // Народное дело. 1917. № 16-17.
7. Потанин Г.Н. Нужды Сибири / Г.Н. Потанин // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб, 1908.
8. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого созыва / В.И. Старцев. Л.: Наука, 1980.
9. Яковлева Н.А. Февральская революция и сибирское земство / Н.А. Яковлева // Грани. 1991. № 121.

¹ ГАКК. С. 149 об.

**Военнопленные Первой мировой войны в Сибири
(август 1914 – февраль 1917 гг.):
Историко-правовые аспекты проблемы**

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, в которую было вовлечено 38 государств и 3/4 населения земного шара. Численность действовавших армий превышала 29 млн человек, количество мобилизованных – 74 млн человек. Людские потери воевавших стран составили 10 млн убитых, свыше 20 млн раненых, 7 млн искалеченных. Голод, болезни и другие лишения, вызванные войной, унесли более 5 млн человек гражданского населения; война унесла столько же человеческих жизней, сколько все европейские войны за тысячелетие до нее. Целое поколение мужчин, находившихся в расцвете жизненных сил, погибло на полях сражения. Данное обстоятельство серьезным образом сказалось на общей демографической ситуации в мире. Убыль населения только по этим причинам составила, по некоторым подсчетам, около 20 млн человек¹.

Пять лет войны принесли человечеству неисчислимые бедствия - нищету, голод, болезни. Огромные по протяженности фронты поглощали трудоспособное население воюющих стран, вовлекая в кровавую мясорубку десятки и сотни тысяч мобилизованных. Одновременно с этим миллионы морально искалеченных людей – беженцы, раненые, пленные – двигались от передовой к далеким тылам.

Особенно удручающим было положение военнопленных. Что ждало их в чужом государстве, в стане врага? Чем определялось их правовое положение, какими международными и национальными правовыми актами? Дать ответы на эти вопросы призвана данная работа. Целью ее является изучение правового и фактического положения военнопленных в Российской империи вообще и в Сибири в частности, сопоставление норм российского законодательства и международных правовых актов и их реализация в период от начала Первой мировой войны до февраля 1907 г.

* © О.Ф. Гордеев, 2002.

¹ См.: Интернационалисты. М., 1967. С. 14; Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях Первой мировой войны // Вопр. истории. 2001. № 11-12. С. 109 и др.

Статус военнопленных в условиях Первой мировой войны

Международно-правовые акты, касающиеся военнопленных

Правовое положение военнопленных было закреплено в международно-правовых актах еще до начала Первой мировой войны. Главным документом по этому вопросу являлось Положение «О законах и обычаях сухопутной войны», принятое на Гаагской конвенции 1899 г. и пересмотренное на конференции 1907 г.

В 1907 г. в Гааге состоялась Международная конференция «Высших Договаривающихся Держав», где была пересмотрена и принята Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 5(18) октября 1907 г. В состав Высших Договаривающихся Держав вошли представители 44 государств, включая Россию, Великобританию, Германию, Францию, Австрию, Италию, Северо-Американские Соединенные Штаты, Японию, Китай и даже такие малоизвестные страны, как Республика Таити, Гватемала, Никарагуа и т.д.¹

В преамбуле конвенции говорилось о том, что «Высшие Договаривающиеся Страны», желая «служить делу человеколюбия и сообразоваться с постоянно развивающимися требованиями цивилизации... признали необходимым восполнить и, по необходимым пунктам, сделать более точными труды Первой Конференции Мира, которая... приняла постановления, имеющие предметом определить и установить обычаи сухопутной войны.

Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны... в случаях, непредусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющие страны остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»².

Кто же на основе международно-правовых актов считался военнопленным?

«Военнопленным признается не всякий, попавший в руки противника. Военные законы, права и обязанности распространяются на тех, кто по началам международного права признается воюющей стороной, а этой последней подчиняется армия, ополчение и добровольческие отряды, если они удовлетворяют следующим 4 условиям: иметь во главе лицо, ответственное за своих подчиненных, имеется определенный и явственно видный отличительный знак, от-

¹ Сибирская жизнь. 1914. № 258.

² Действующее международное право. М., 1992. Т. 2. С. 575.

крыто носит оружие и соблюдает законы и обычаи войны (ст. 1 Конвенции)...

Международное право, ... признавая за гражданами естественное стремление к самозащите и защите своего права, принимает за воюющую сторону население не занятой территории, которое при приближении неприятеля, берется за оружие для борьбы с войсками, но при неперменном условии, чтобы население открыто носило оружие и соблюдало законы и обычаи войны. Ответственного лица, стоящего во главе граждан, и внешних отличительных знаков по одежде не требуется. Надо подчеркнуть, что военнопленным может быть признан гражданин, встающий на защиту ее не оккупированной территории. Если она уже занята неприятелем и он в ней укрылся, всякое враждебное действие считается уже преступлением¹. Очевидно, что данная норма направлена была против ведения населением оккупированных территорий партизанских действий.

«Право военного плена распространяется не только на сражавшихся, но и на огромную группу лиц не сражавшихся, даже не входящих в состав армии и лишь выполняющих целый ряд хозяйственных, технических и иных функций. Так, например, поставщики, маржитанты и т.д., будучи захвачены неприятелем, пользуются правами военного плена, если предоставляет удостоверение от военной власти обслуживаемой ими армии»².

Военнопленные находятся под защитой международного гуманитарного права. Так как субъектами международного права являются государства, «военнопленные находятся во власти неприятельского Правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво»³ (ст. 4).

По Гаагскому положению государства обязаны были предоставлять военнопленным следующие имущественные и личные права: право на гуманное обращение; право собственности на принадлежащие им вещи, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг (ст. 4); право на оплачиваемую работу; право на получения части заработка для улучшения своего положения и остававшиеся при освобождении за вычетом расходов на содержание (ст. 6); право пользования такой же пищей, полотенцем и одеждой, какой пользуются войска правительства, взявшего в плен (ст. 7); право на письма, переводы, посылки (ст. 16); право на духовное завещание (ст. 19); право на возвращение на родину по заключению мира (ст. 20).

¹ Сибирская жизнь. 1914. № 238.

² См.: Там же.

³ Действующее международное право. М., 1992. Т. 2. С. 577.

Разумеется, помимо прав, в положении были предусмотрены и обязанности военнопленных: не удаляться за границы лагеря (ст. 5); выполнять работу сообразно с чинами и способностями (ст. 6); подчиняться законам, уставам, распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся (ст. 8); на поставленный вопрос объявить свое настоящее имя и чин (ст. 9); если освобождается под честное слово (возможность чего предусматривается данной статьей), добросовестно исполнять принятые на себя обязательства (ст. 10).

Преимущества военного плена могли быть и ограничены, в случае, если пытавшийся бежать из плена задерживался и, как следствие, привлекался к дисциплинарной ответственности (ст. 8), или если военнопленный отказывался назвать свое настоящее имя и звание (ст. 9). В то же время военнопленные, «удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег»¹ (ст. 8).

В соответствии со ст. 12, если отпущенный военнопленный вновь брался за оружие против этого же правительства и оказывался в плену, то он не получал прав военнопленного и мог быть передан суду. Рассматривая ст. 8, которая указывала, что «военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся», можно прийти к мнению, что военнопленные могли привлекаться к уголовной ответственности так же, как и военнослужащие державшего их государства. Норма ст. 12 в данном случае - не единственное основание уголовного осуждения, а лишь специальный состав преступления, который отсутствовал в национальном законодательстве².

Следует отметить и различия в правах военнопленных. Согласно ст. 6 Конвенции офицеры имели право работать, но не были обязаны, в отличие от рядовых. В соответствии со ст. 17 военнопленные офицеры получали оклад, на которое имели право офицеры того же ранга страны, где они задержаны, под условием возмещения такого расхода их правительством³.

Оценивая же в целом конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны, следует отметить высокую степень декларативности ее норм, так как, с одной стороны, этот документ закреплял очень важные гарантии правового положения военнопленных, а с другой - очень часто нарушался. Например, перечень прав и обязанностей военнопленных мал по объему, поскольку авторы положения пола-

¹ См.: Действующее международное право. Т. 2. С. 577-580.

² См.: Щелокаева Т.А. Эволюция правового статуса военнопленных в XX веке // История государства и права. 2001. № 2. С. 40-41.

³ См.: Действующее международное право. Т. 2. 1992. С. 578.

гали, что военнопленные должны содержаться в условиях таких же, что и действующая армия взявшего их в плен государства. Одна из важнейших норм (ч. 2 ст. 7), содержащая требования к условиям жизни военнопленных, сформулирована диспозитивно, и, следовательно, государства-противники могли оговорить совершенно иные правила содержания военнопленных в особом соглашении¹.

В целом можно сказать, что нормы Гаагской конвенции в большой степени были восприняты национальным законодательством многих государств, однако зачастую нарушались этим самым законодательством, в том числе и российским Положением «О военнопленных» от 7(20) октября 1914 г., которое мы далее и рассмотрим.

Российские нормативные акты о военнопленных

Положение «О военнопленных», разработанное Военным министерством России и утвержденное 7(20) октября 1914 г. Николаем II, пришло на смену Высочайше утвержденному временному Положению «О военнопленных» от 13 мая 1904 г., который по ряду принципов устарел и не содержал определения конкретного статуса военнопленных.

В основу Положения «О военнопленных» были заложены принципы Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны». Например, ст. 1 Положения более подробно раскрывала понятие «военнопленный»: «Военному плену могут быть подвергнуты все лица, входящие в состав неприятельских морских и сухопутных сил. Захваченные шпионы не пользуются правами военнопленных. Военному плену могут быть также подвергнуты подданные воюющих с Россией государств, входящие в состав экипажей торговых судов, принадлежащих этим государствам». Статья 2 указывала: «Лица, сопровождающие, с подлежащего разрешения, неприятельскую армию, как то: газетные корреспонденты и репортеры, маржистанты, и поставщики, могут быть, по усмотрению Верховного Главнокомандующего, задержаны в качестве военнопленных».

Понятие военного плена дает нам «Военная энциклопедия», изданная в Петербурге в 1912 г. Она указывает, что «военный плен есть способ ограничения свободы лица, принимавшего участие в военных действиях, с целью недопущения его к дальнейшему в них участию»². Несколько более пространно толкует это энциклопедический словарь братьев Гранат: «...военный плен есть обусловленное

¹ См.: Щелокаева Т.А. Эволюция правового статуса военнопленных в XX веке... С. 42.

² Военная энциклопедия. СПб, 1912. Т. 6. С. 526.

состоянием войны временное задержание воюющим государством попавших в его власть лиц, принадлежащих к составу неприятельской армии, сопровождаемое временным ограничением их свободы и понижением их его власти и законным распоряжением»¹.

При этом существовали различные варианты пленения неприятеля. Так, в 1916 г. был утвержден Высочайший указ Правительствующему Совету России «О прекращении применения правил морской войны, выработавших Лондонскую Морскую Конвенцию 1908-1909 гг.», ст. 3 которого гласила: «Всякое лицо, входящее в состав военных сил неприятеля и найденное на нейтральном торговом судне, может быть сделано военнопленным, даже если нет оснований захватить судно». Другой пример. Телеграмма командования Румынского фронта, распространенная в войсковых частях в марте 1917 г., гласила: «Ввиду приближающихся праздников Святой Пасхи ... принять самые энергичные строгие меры к парализованию попыток противника под предлогом обмена подарками войти в общение с войсками... Немцы неоднократно платили за наше добродушие и незлобивость коварством и предательством, заманивая наших солдат под видом угощения в окопы, и затем не только не выпускали их, заявив, что они пленные, но и глумились над ними». В свою очередь, русское командование настойчиво требовало «всех вражеских офицеров и солдат — парламентаров брать в плен», что часто и происходило на практике. Как пример приведем рапорт командира батальона штабс-капитана Скороглядова командиру 6-го пехотного Либавского полка от 2 мая 1917 г.: «При первых же донесениях наших командиров рот о попытках немцев подойти к нашим окопам я приказывал забирать таких парламентаров в плен, а если будут оказывать сопротивление и убегать к себе, то расстреливать»².

Гагская конвенция 1907 г. провозгласила принципы гуманного отношения к военнопленным, исключала для них тюремный режим; заключение под стражу могло применяться в исключительных случаях. Допуская привлечение военнопленных солдат к труду, конвенция указывала, что работа должна справедливо оплачиваться, не должна быть тяжелой и связанной с военными действиями. Но эти и другие нормы международного гуманитарного права повсеместно нарушались всеми воюющими державами, в том числе и Россией³.

Действительно, не только Положение «О военнопленных», но и большая часть других нормативных документов того времени

¹ Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К.». 9-е изд. М. Т. 10. С. 615.

² См.: Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // *Вопр. истории*. 2000. № 4-5. С. 99.

³ См.: *Интернационалисты*. М., 1967. С. 17.

ухудшала условия обращения с военнопленными по сравнению с Конвенцией. Так, рескрипт императора Николая II от 20 августа (2 сентября) 1914 г. устанавливал «желательность принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы, причем без какого-либо особого за выполнение таковых работ вознаграждения с предоставлением им лишь установленного казенного пайка». Министерство внутренних дел и Совет Министров 23 августа (3 сентября) 1914 г. рассмотрели вопрос об использовании военнопленных на казенных, земских и городских работах и в циркулярной телеграмме предложили губернаторам сообщить о потребности в бесплатной рабочей силе. В ответ были получены заявки на 70 тыс. пленных для использования их на рубке леса, дорожном и железнодорожном строительстве¹.

Само Положение «О военнопленных» передавало заведование всеми делами о военнопленных военному ведомству, устанавливало лагерный режим содержания, вводило обязательное вовлечение военнопленных солдат к работам, указывая, что работы эти оплате не подлежат. Такие же нормы содержались и в разработанных тогда же Правилах «О порядке предоставления военнопленных для казенных и общественных работ».

8(21) марта 1915 г. было принято дополнение к Положению «О военнопленных», которое все же предоставляло различным ведомствам право выдавать военнопленным денежные поощрения. Направление на работу военнопленных осуществлялось по запросам ведомств, правлений компаний и обществ в Военное министерство. Управление военнопленными, таким образом, по большому счету переходило местным органам власти, а доставка, содержание и охрана пленных финансировались за счет ведомств, использующих их труд².

Однако местные власти не особо оглядывались на Положение и действовали, руководствуясь собственными положениями. Например, ст. 6 Положения «О военнопленных» говорит: «Всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости». Приказ же № 7 командующего войсками Енисейского района показывает, как реализовалась эта норма: «Всем военнопленным, проживающим в городе Красноярске, приказываю в трехдневный срок явиться к коменданту лагеря военнопленных, которому надлежит принимать и водворять их в лагерь. По истечении указанного срока все предприятия, учреждения и частные лица, у которых будут обнаружены проживающие или служащие военно-

¹ См.: Интернационалисты. С. 16-17.

² См.: Там же. С. 17; Интернационалисты в боях за власть Советов / Под ред. Л.А. Бирмана. М., 1967. С. 35.

пленные, будут привлечены, как и сами военнопленные, к судебной ответственности»¹.

Норма Положения, касающаяся свободы вероисповедания военнопленных — «военнопленные ни под каким видом не должны быть стеснены для исполнения обрядов их вероисповеданий, не исключая присутствия на церковных богослужениях», — также зачастую нарушалась². Например, в приказе по Красноярскому гарнизону № 8 говорится: «Военнопленным, как офицерам, так и солдатам, ... разрешается свободное хождение по гарнизону только по целям, связанным с их службой в тех или иных учреждениях»³. А поскольку посещение церкви трудно представить в виде служебной обязанности, очевидно, что право на свободу вероисповедания военнопленных ущемлялось.

Статья 7 Положения «О военнопленных» определяла, что военнопленные могли находиться «в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте, с обязательством не удаляться за известные пределы»⁴. Эта статья в полной мере реализовывалась местными органами власти. Приказ № 16 начальника гарнизона г. Красноярска гласит: «Всем военнопленным хождение по г. Красноярску разрешается до 8 часов вечера ..., строжайшим образом воспрещается посещение железнодорожной станции г. Красноярска и увеселительных мест: кофеен, ресторанов, гостиниц, театров, церкви и т.д.». Выполнение этих условий возлагалось на администрацию этих учреждений. Военнопленные, не явившиеся для проверки в военную канцелярию военного городка г. Красноярска, строго наказывались⁵.

Таким образом, мы видим, что нормы Положения «О военнопленных» 1914 г. нередко нарушали статьи Гаагской конференции 1907 г., а нормативные акты местных органов власти зачастую противоречили Положению. Рассмотрим теперь размещение, общую численность и фактическое положение военнопленных в России.

¹ Государственный архив Красноярского края. Ф. Р. — 1800, оп. 1, д. 1, л. 2.

² Положение о военнопленных / О.И. Авербах. Указ. соч. Ч. 1. С. 336.

³ ГАКК. Ф. 1800, оп. 1, д. 1, л. 3.

⁴ Авербах О.И. Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Ч. 1. Пг, 1914. С. 336.

⁵ ГАКК. Ф. 1800, оп. 1, д. 1, л. 4.

Размещение военнопленных на территории России и управление ими

Численность и этнический состав военнопленных

Точных сведений о численности военнопленных на нашей территории в период Первой мировой войны нет, однако, сопоставляя различные имеющиеся данные, можно предположить, что в годы войны в России оказалось 2-2,5 млн военнопленных солдат и офицеров армий центральных держав. Из них 160-180 тыс. человек были солдатами и офицерами германской армии, 1,6-2,1 млн – австро-венгерской и около 50 тыс. турецкой и болгарской¹.

Учет военнопленных, согласно Положению «О военнопленных», производился Центральным справочным бюро, а также делопроизводством Главного штаба и штабом Московского округа. Кроме того, регистрацией военнопленных занимался Военный комитет по делам военнопленных Российского общества Красного Креста². Как раз последним ведомством зарегистрировано поименное количество вражеских военнопленных – 1 782 966 человек³.

Несколько большее количество – 1 961 333 человек – зарегистрировано в материалах штаба и опубликовано в 1925 г. ЦСУ СССР в сборнике «Россия в мировой войне 1914-1918 гг.». Однако и эти данные не могут считаться полными, они ограничились периодом лишь до 1 сентября 1917 г.⁴

Наиболее точными представляются данные Центральной комиссии по делам военнопленных и беженцев – Центробежа, созданной согласно декрету СНК РСФСР от 24 апреля 1918 г. и преобразованной затем в Центроэвак. В распоряжение Центробежа поступали все новые материалы российских органов, занимающихся учетом военнопленных. Согласно итоговым данным Центробежа, а затем Центроэвака, подведенным к 1921-1922 гг., общая численность военнопленных, принадлежавших к армиям центральных держав и зарегистрированных на территории России, составляла около 2 327 540 человек.

Для того чтобы представить национальный состав военнопленных, следует заметить, что в период Первой мировой войны среди находившихся на действительной военной службе в вооруженных силах Австро-Венгерской монархии около 25 % составляли австрийцы и немцы, 23 % – венгры, 13 % – чехи, 4 % – словаки, 9 %

¹ Интернационалисты. С. 22.

² Авербах О.И. Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Ч. 2. Пг, 1915. С. 250.

³ Интернационалисты. С. 31.

⁴ Там же.

– сербы и хорваты, 2 % - словенцы, 3 % – украинцы, 7 % - румыны и 1 % - итальянцы¹.

Размещение военнопленных по губерниям и правила их распределения

Как уже говорилось, по данным российского Генерального штаба на просторах от Днепра до Тихого океана оказалось свыше 2 млн солдат и офицеров Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции². «Руководствуясь соображениями военного и политического характера, царская администрация предполагала размещать пленных на местах, отдаленных от административных и экономических центров»³. Как сообщала газета «Енисейская мысль» в одном из апрельских номеров 1915 г., только в Красноярск попало 12 000 человек, в Канск - 5 000, в Ачинск - 2 300⁴. А ведь кроме Енисейской губернии было немало других мест, куда отправляли невольных узников. Это и Урал, и Туркестан, и, естественно, вся Сибирь и Дальний Восток. Вот несколько цифр, взятых из уникального издания – «Сибирской советской энциклопедии», которые показывают, сколько военнопленных оказалось на огромной территории от Уральских гор до Приморья: Тобольск – 5 000 человек, Тюмень и Курган – по столько же, Челябинск – 1 200, Омск – 14 000, Новониколаевск – 12 000, Барнаул – 2 500, Усть-Каменогорск – 1 000, Томск – 5 200, Бийск – 3 000, Иркутск - 8 800, Нижнеудинск – 2 200, Троицкославск – 6 700, Верхнеудинск – 8 500, Березовка (специальный военный городок) – 27 500, Чита – 32 000, Сретенск – 11 000, Нерчинск – 2 500, Даурия – 11 500, Никольск-Уссурийский – 16 500, Спасское – 8 000, Благовещенск – 5 000, Шкотово – 3 200, Раздольное – 8 300, Красная Речка – 900, Хабаровск – 5 000⁵. Причем число военнопленных постоянно увеличивалось и, например, в Красноярске уже к 1916 г. достигло 13 000 человек.

Во все возрастающем количестве пленных царизм видел источник дешевой трудовой силы, способной заменить призывавшихся в действующую армию рабочих и крестьян России. Делясь своим восторгом с царицей по поводу полученного им очередного сообщения «О пленении тысяч врагов», Николай II писал: «Сколько новых рук для работы на наших полях и фабриках!»⁶. Но если изначально планировалось размещать пленных в основном за Уралом, то до-

¹ Интернационалисты. С. 32.

² См.: Россия в первой мировой войне 1914-1918 г. (в цифрах). М., 1925. С. 4.

³ Интернационалисты. С. 33.

⁴ Енисейская мысль. 1915. 18 апр.

⁵ Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929. С. 517.

⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. 1916-1917 гг. Т. 4. М.-Л., 1926. С. 317.

вольно скоро «поступление огромных масс пленных и недостаток рабочей силы побудили царское правительство уже в 1915 г. начать размещать пленных по всей территории страны»¹.

Немцы, австрийцы и венгры считались менее надежными, чем пленные славянских национальностей и румыны, поэтому царские власти предпочитали размещать их главным образом за Уралом, в то время как пленных славян и румын содержали в европейской части России. В Европейской России были расположены многочисленные лагеря (от 2 000 до 10 000 человек), в Сибири – более крупные, в которых одновременно содержалось до 35 000 военнопленных².

В отношении же военнопленных славян Россия проводила особую политику. Царское правительство, разумеется, не могло игнорировать сочувственное настроение российской общественности по отношению к пленным представителям братских народов, воздействие чехословацкой общины и собственные геополитические интересы. Так как военнопленные чехи и словаки считались благонадежными, Военным министерством предполагалось создание из них боевых соединений в составе русской армии. Однако пленные, лишь недавно выхваченные из кровавых сражений, вовсе не хотели возвращаться в строй, тем более под чужим флагом. Поэтому положение военнопленных чехословаков в России было самое незавидное. Неблагонадежных немцев и мадьяр отправляли в Сибирь и Туркестан, в то время как чехословаков и других славян оставляли в центре России, где им приходилось выполнять тяжелые работы в самых скверных условиях. А так как было замечено, что чем хуже были условия, тем больше добровольцев записывалось в чехословацкие войска, условия содержания и труда военнопленных славян стали ухудшаться настолько, насколько это вообще возможно. В результате пленные тысячами погибали от тифа, цинги и голода, постоянно подвергались жестокому наказанию и избиениям. Итогом подобной «агитации» стало то, что пленные чехословаки впоследствии стали записываться везде как немцы или мадьяры, которых никто не трогал³.

«Всего в России к 1917 г. насчитывалось более 400 лагерей военнопленных, в том числе в Петроградском военном округе – 15, в Московском – 128, Казанском – 113, Иркутском – 30, Омском – 28»⁴.

Согласно ст. 50 Положения «О военнопленных» главное заведование всеми военнопленными на территории Империи принад-

¹ Вечерний Красноярск. 1996. 12 июля.

² Там же.

³ См.: Солнцева С.А. Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // Вопр. истории. 2000. № 4-5. С. 101-102.

⁴ Вечерний Красноярск. 1996. 12 июля.

лежало Военному министерству в лице Главного управления Генерального штаба. Гражданские власти обязывались оказывать всемерное содействие военному начальству¹.

Размещение и распределение военнопленных также осуществлялось на основе Положения «О военнопленных». Из расположения действующих войск военнопленные, сформированные в партии, отправлялись на сборные пункты, где и находились под присмотром уездных военных начальников до отправки в место назначения для работ (ст. 25-28 Положения)². В каждом сборном пункте, создававшемся при управлении уездного начальника, велись особые алфавитные списки, в которые заносили военнопленных, прибывающих на сборные пункты, причем в списках обозначались и места, куда военнопленные будут отправлены из сборного пункта.

Партии военнопленных формировали и отправляли с учетом звания пленных (например, высшие офицеры размещались в вагонах 1 и 2 классов (ст. 38-41); при этом команды разделяли на взводы, полуроты, роты, и даже более крупные части, а для командования ими назначали офицеров из числа пленных (ст. 54 Положения «О военнопленных»)³.

На местах военнопленные должны были размещаться в свободных казармах, за неимением таковых — в частных домах, непременно казарменным порядком, руководствуясь Уставом о Земских Повинностях (ст. 463 и 532 — в отношении удовлетворения общим требованиям о жилых помещениях); офицерам, давшим обязательство на честном слове, что они не будут удаляться за пределы означенного района, предоставлялось право проживать на частных квартирах в районе расположения части (ст. 56, 58 Положения о военнопленных)⁴.

Для сравнения коротко рассмотрим положение российских военнопленных в Германии и союзных с ней государствах. Всего на территории Германии в годы Первой мировой войны находилось 6 млн человек пленных. Около 3,8 млн из них были военнопленные и интернированные гражданские лица из России.

Следует отметить, что первоначально труд военнопленных в Германии не планировалось применять широко, особенно в промышленности и сельском хозяйстве, вследствие того, что в Германии существовала безработица, сохранявшаяся в достаточно большом объеме и после начала войны. И лишь в начале 1915 г. стала ощущаться нехватка рабочей силы. Поэтому уже в декабре 1914 г.

¹ Авербах О.И. Указ. соч. С. 342.

² Там же. С. 342-344.

³ Там же. С. 346.

⁴ Там же. С. 347-348.

большая часть военнопленных была переведена в состав рабочих команд (Arbeitskommando) и лишь не многие из них остались в лагерях. Использовались русские военнопленные в основном в сельском хозяйстве и на тяжелых работах, например, в шахтах. Естественно, военнопленные регулярно совершали попытки побегов. В случае провала подобных попыток пленных возвращали не в рабочие команды, а в лагеря, что означало ухудшение их положения. Чтобы этого не происходило, в тыловых зонах и областях рейха были созданы особые и штрафные лагеря, где военнопленные подвергались строгому режиму и вынуждены были выполнять самые тяжелые работы. В случаях же отказа от выполнения работ пленных сажали на хлеб и воду, а в прифронтовых и фронтовых областях военнопленных арестовывали, привязывали к столбу и лишали пищи. Такие данные приводятся немецкой исследовательницей Ирис Ленцен¹.

Российские же ученые приводят гораздо более мрачные факты. В Австро-Венгрии в 1917 г. «физически трудящимся» гражданам выдавали в день 140 г кукурузной муки, не занимающимся физическим трудом - около 80 г, солдатам - 1 кг хлеба на троих, военнопленным - на четверых, в связи с чем часть пленных гибла от истощения, не дойдя до тыла. В Германии положение было не лучше. Пленные получали 200 г хлеба на человека в сутки, причем содержание муки в нем не превышало 15 %, остальное составляли сосновые опилки. Все это, так же как и работа в тяжелейших условиях, приводило к огромной смертности. Кроме того, не способствовала выживанию и система практикуемых в Германии и Австро-Венгрии телесных наказаний. В Германии нередко пленных использовали вместо тяглового скота, издевались, били; население же воспитывалось в духе презрения и ненависти к пленным. В Австро-Венгрии, помимо наказания розгами, оковывания рук и ног от нескольких часов до нескольких дней, подвешивания на вывернутых назад руках, использовалось и заколачивание в гроб на 2-3 часа. В 1916 г. Верховное командование Русской армии получило сведения о том, что за отказ рыть окопы австрийцы распяли десятки наших военнопленных на деревьях, а около 150 человек было убито. При этом побег из плена в случае поимки беглеца карался смертью. На оккупированной территории австро-венгерские войска казнили и тех, кто давал беглецам записку². Наказания были несколько смягчены лишь к концу 1917 г.

¹ См.: Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914-1918 гг.) // Вопр. истории. 1998. № 4. С. 129-135.

² См.: Солнцева С.А. Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопр. истории. 2000. № 4-5. С. 100-101.

Общепризнанным является факт использования военнопленных, в нарушение ст. 6 Гаагской конвенции, для работ в военных целях, однако подобные нарушения допускались, пожалуй, всеми странами, участвовавшими в войне.

Положение военнопленных на территории России было несколько лучше, но тоже далеко от совершенства. Снабжение пленными низших чинов пищей и вещами осуществлялось обычно по наименьшему разряду, положенному для солдат. Например, согласно приказам Верховного Главнокомандующего № 446 и № 876 за 1916 г. обед с хлебом для низших чинов стоил 31 коп., без хлеба — 23 коп.; для военнопленных на театре военных действий — 19 коп., без хлеба — 12 коп., ужин соответственно — 16 и 12 коп. для низших чинов и 10 и 7 коп. для военнопленных. Наравне с аналогичными категориями русских солдат обеспечивались лишь больные пленные и санитары из пленных, которые ухаживали за острозаразными больными. Так же обстояло дело и со снабжением военнопленных вещами. Телеграмма в войска командующего Румынским фронтом (июнь 1916 г.) свидетельствует, что предметы обмундирования и обувь наиболее плохого качества распределялись в госпитали, рабочие дружины, военнопленным и т.д.¹

Однако нельзя не отметить и то, что положение военнопленных в Сибири было несколько лучше, нежели в большинстве районов России.

Как уже говорилось выше, на территории Сибири Главное Управление Генерального штаба размещало в основном менее надежных, по сравнению со славянами и румынами, пленных. Таким образом, на территорию Сибири попало около 335 000 немцев, австрийцев и венгров. Значительная часть этих военнопленных была размещена в двух сибирских военных округах: Омском (территория Западной Сибири) и Иркутском (Восточная Сибирь). На территории Иркутского военного округа насчитывалось около 30 крупных концентрационных лагерей для военнопленных, из них самый крупный находился в Красноярске.

Размещение военнопленных в Сибири

Военнопленные прибывали в Сибирь отдельными группами, от небольших до достаточно крупных. Их появление всегда вызывало живейший интерес у местной общественности.

¹ См.: Солнцева С.А. Указ. соч. С. 100.

Так, газета «Вечерний Красноярск» рассказывает о встрече первой партии военнопленных в Красноярск 18 сентября 1914 г. Даже несмотря на восьмичасовую задержку поезда, большинство встречающих терпеливо дожидалось прибытия пленных: «Около 2 часов утра к станции Красноярск подходит поезд с военнопленными. Несмотря на позднее время, они не спят. В открытые двери видятся серые и черные шинели, серые кепки, медные каски, обтянутые серой парусиной. Поезд безостановочно следует на военный пункт. Через 5 минут из вагона повалили пленные... Австрийские офицеры очень охотно вступают в контакт с публикой, германские держат себя надменно, ...их окружают наши солдаты и казаки. Идут беседы, расспросы».

Прибывших военнопленных разместили в Красноярском концентрационном лагере. Красноярский лагерь размещался в бараках: «4 барака находились на берегу Енисея напротив железнодорожного моста. Остальные 4 – в военном городке. Каждый барак был обнесен колючей проволокой и имел 4 охранных поста»¹. В лагерь попало 12 тыс. военнопленных, но уже к 1916 г. их было 13 тыс. Так, в Канск попало 5 000, в Ачинск - 2 300, в Иркутск - 8 800 военнопленных.

Труд военнопленных и нормативные акты, его регулирующие

В сентябре 1914 г. царь поручил Совету Министров разработать систему мероприятий по привлечению военнопленных к труду. 7 октября правительство утвердило Правила «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств». 10 октября появились Правила «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами», а 17 марта 1915 г. – «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях»².

Предприниматели получили свободу действий. Такой вот приказ удалось обнаружить в фондах государственного архива Новосибирской области по Томскому концентрационному лагерю от 8 августа 1915 г. № 26: «При новых казармах исключаются с довольствования в своих ротах с 8 августа военнопленные из числа 300 человек, отправленные на сельскохозяйственные работы в распоряжение заведующего Алтайским подрайоном» - говорилось в нем³.

¹ Вечерний Красноярск. 1996. 12 июля.

² См.: Енисейская мысль. 1915. 18 июня.

³ Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д. 144, оп. 1, д. 68, л. 6.

Осенью 1914 – зимой 1915 г. 700 пленных из красноярского лагеря «трудились на улучшении дорог от г. Красноярска до деревни Старцевой, от г. Красноярска до Знаменского женского монастыря, от села Кубеково до села Частоостровского». Весной и летом 1915 г. 1 500 военнопленных из ачинского и красноярского лагерей работало на ремонте почтовых трактов Ачинск - Минусинск и Красноярск - Енисейск¹.

27 апреля 1915 г. на пароходе «Россия» из Красноярска в Минусинск была отправлена первая партия военнопленных в количестве 100 человек на укладку линии Ачинско-Минусинской железной дороги². 7 мая на пароходе «Св. Николай» - еще 725 человек – туда же³. Спустя несколько дней на эти же работы уехали 3 000 пленных⁴. Как сообщала газета «Отклики Сибири» 17 июня 1915 г., «на днях из Красноярска было отправлено на Знаменский стекольный завод Даниловых около 100 человек»⁵. В распоряжение местного управления государственных имуществ отрядили 950 пленных. «Они будут отправлены на лесные работы», - решил енисейский губернатор⁶. Немало пленных австрийских, венгерских и германских солдат работало на рудниках «Юлия» и «Улень» в Минусинском уезде.

Под наблюдением специальных команд военнопленные были заняты на работах в других местах Сибири и Дальнего Востока: на лесных разработках в Нарымском крае, на шахтах Судженка и Марианка в Кузбассе, на Риддерском руднике на Алтае, в копиях Забайкалья и т.д.

28 февраля (13 марта) 1915 г. были утверждены Правила «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», которые значительно расширили возможность применения труда военнопленных на работах по сельскому хозяйству в районах, не входящих в театр военных действий.

В начале войны царская администрация не предполагала привлекать к труду в сельском хозяйстве и промышленности пленных немцев, австрийцев и венгров (как говорилось выше, они считались неблагонадежными). Но уже в 1915 г. к труду стали привлекать пленных этих национальностей. При этом славянские пленные должны были быть отделены от германских, австрийских и мадьярских военнопленных. В своем письме от 28 ноября 1915 г., за № 1500, к городскому главе губернатор Енисейской губернии обра-

¹ ГАКК. Ф. 595, оп. 63, д. 7264, лл. 4-4 об.

² Отклики Сибири. 1915. 28 апреля.

³ Отклики Сибири. 1915. 9 мая.

⁴ Енисейская мысль. 1915. 14 мая.

⁵ Отклики Сибири. 1915. 17 июня.

⁶ Отклики Сибири. 1915. 10 июня.

щал его внимание на необходимость ограждения военнопленных славянских национальностей, дружественно относящихся к России, от нападков со стороны пленных немцев, австрийцев и мадьяр, для чего предлагалось отделять пленных славян от германцев не только при нахождении их в лагере, но и при отправке на работы. Наблюдать за выполнением данного распоряжения надлежало полиции.

Однако, как уже было показано выше, подобные нормативные акты лишь провозглашали более гуманное и дружелюбное отношение к пленным славянам, а на деле только прикрывали царящую несправедливость.

Следует отметить, что некоторые положения Правил «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» противоречили как Положению «О военнопленных» 1914 г., так и Гаагской конвенции 1907 г. Например, ст. 51 Положения указывает, что военнопленные содержатся в виде команд, а ст. 3 Правил говорит, что пленные предоставляются в распоряжение губернских земств, уездных земских управ и распределяются ими между нуждающимися в рабочей силе сельскими хозяевами¹. В ст. 6 Правил об отпуске военнопленных говорится, что пленными распоряжаются земства, а военное ведомство снимает с себя всякую за них ответственность, в то время как ст. 7 Гаагской конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» указывает, что «содержание военнопленных возлагается на Правительство, во власти которого они находятся»².

В соответствии со ст. 7 Правил «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 г. принятые земской управой в свое распоряжение военнопленные предоставлялись достаточно обеспеченным хозяевам на работу исключительно за плату, размер которой устанавливался подлежащей земской управой. Кроме того, указывалось, что «из назначенной платы не менее половины выдается на руки военнопленным... а остальная часть поступает в возмещение расходов, производимых земствами в связи с приемом и содержанием военнопленных и на покрытие издержек по охране военнопленных. Могущий при этом образоваться остаток поступлений распределяется земской управой по окончании работ между заслужившими поощрение военнопленными»³.

Согласно ст. 8 Правил земские управления должны были обеспечить содержание военнопленных и медицинскую помощь с момента их приема и до передачи в отдельные хозяйства; наблюдать за получаемыми военнопленными; возвратить военнопленных по

¹ Авербах О.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 193.

² Действующее международное право... С. 578.

³ Авербах О.И. Указ. соч. Ч. 1 С. 194.

первому требованию военного начальства в пункты их приема и т.д. Охрана же военнопленных вверялась местным полицейским чинам.

Высочайше утвержденное Советом Министров Положение «Об изменении правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» 22 апреля 1915 г. изменяло и дополняло Правила «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 г. Данные Правила распространялись на лесные, гидротехнические, мелиоративные и иные работы ведомства Главного управления землеустройства и земледелия с тем, чтобы указанные в этих Правилах права и обязанности земских управ возлагались на начальников управлений земледелия и государственных имуществ или иных местных чинов Главного управления, по указаниям Главноуправляющего (ст. 1)¹.

В ст. 2 Положения указывалось, что все расходы по содержанию и окарауливанию военнопленных, привлекаемых на сельскохозяйственные и иные работы, должны возмещаться за счет специально ассигнуемых на потребности военного времени чрезвычайных, сверхместных кредитов, что изменяет ст. 7 Правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы².

Кроме Правил «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» был принят целый ряд документов об использовании труда военнопленных.

Первым, еще в ноябре 1914 г., с ходатайством о предоставлении военнопленных для работ обратилось к Военному министерству Министерство путей сообщения³. 10 октября 1914 г. было разрешено использовать военнопленных на строительстве железных дорог частными обществами. 7 октября 1914 г. были утверждены Правила «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ». 17 марта 1915 г. – Правила «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях». Эти законодательные акты сходны между собой. В них регламентируется порядок привлечения военнопленных к работам ведомствами, предприятиями, порядок передачи пленных от военного ведомства другим ведомствам, предприятиям; необходимые условия содержания военнопленных, их труд и порядок обратной их передачи военному ведомству⁴.

Правила «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ» довольно подробно регламентировали порядок взаимоотношений заинтересованных орга-

¹ Авербах О.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 417.

² Там же. Ч. 1. С. 195.

³ Интернационалисты в боях за власть Советов / Под ред. Л.А. Бирмана. М.: Мысль, 1965. С. 24.

⁴ См.: Авербах О.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 480-482.

низаций и ведомств, с одной стороны, и военным ведомством - с другой.

«Ведомство, пожелавшее воспользоваться трудом военнопленных, сообщало Военному Ведомству, в чем заключаются работы, где они будут проходить и какое число военнопленных для этого требуется», - отмечалось в документе¹.

После получения от Военного министерства разрешения на исполнение военнопленными каких-либо работ особо уполномоченное лицо принимает в свое распоряжение назначенное число военнопленных (без разделения по профессиям) и препровождает их к месту работы под военным конвоем. Уполномоченное же лицо, согласно ст. 4 Правил, составляет при этом и поименный список всех принятых военнопленных.

Первоначально, в соответствии со ст. 5 Правил, передаваемые пленные должны были обеспечиваться соответствующими времени года одеждой и обувью, а также бельем за счет Военного министерства; в дальнейшем эта обязанность возлагалась на принявшее военнопленных ведомство.

Статья 6 указывала, что для облегчения отношений с военнопленными в состав каждой партии, отправляемой на работы, должен входить, по крайней мере, один офицерский чин из числа военнопленных. По прибытии военнопленных на место работы они переходят в распоряжение начальника работ, на которого возлагается и надзор за военнопленными. Военный же конвой снимается.

Для надзора за военнопленными начальником работ назначалось достаточное количество вооруженных десятников и сторожей. Причем в ст. 15 специально оговаривается, что десятники и сторожа не должны допускать «послаблений в установленном для военнопленных режиме», но, с другой стороны, должны обращаться с ними «как с законными защитниками своего отечества, человеколюбиво». Однако зачастую подобных мер безопасности было мало. Поэтому ст. 10 Правил предусматривала, что «если число военнопленных рабочих очень значительно и надзора десятников и сторожей недостаточно, то надзор усиливается за счет ополченцев, направляемых на место работ начальником местной военной власти»².

В ст. 9 говорится, как должны размещаться военнопленные в местах работ: «В местах работ военнопленные размещаются в бараках и землянках и лишь при отсутствии таковых и невозможности срочно выстроить их - в ближайших селениях, в частных домах, но непременно казарменным порядком»³.

¹ См.: Авербах О.И. Указ. соч. С. 485.

² Там же. С. 486.

³ Там же. С. 487.

Статья 11 указывала, что начальник работ устанавливал для военнопленных часы работы и определенный рабочий урок, соответственно уроку среднего рабочего дня для соответствующей работы в данной местности.

Согласно ст. 14 начальник работ обо всех происшествиях в среде военнопленных (смерть, побеги, заболевания и т.д.) должен был незамедлительно сообщать, во-первых, подлежащему военному начальнику, во-вторых, своему ведомственному начальству, которое в свою очередь обязано было доводить эти сведения до Военного министерства.

Принятые 10 октября 1914 г. Правила «О допущении военнопленных на работы постройки железных дорог частными обществами» не являются в полном смысле самостоятельным нормативным актом; они, скорее, производны от Правил «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств». Можно сказать, что они адаптировали Правила от 7 октября 1914 г. для отпущения военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами. Это заключение можно сделать, прочитав упомянутые Правила: «Общества, ходатайства которых Министерством путей сообщения будут признаны заслуживающими уважения, должны выразить письменное согласие на подчинение Правилам «О порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств», так и указанным в нижеследующих 3-5 ст. условиям, на которых частные общества могли бы пользоваться трудом военнопленных».

Для того чтобы иметь возможность использовать труд военнопленных, правления обществ обращались в Министерство путей сообщения (в управление по постройке железных дорог) с ходатайством о предоставлении потребного количества военнопленных для постройки железных дорог.

В соответствии со ст. 3 Правил «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог» доставка военнопленных и их военного конвоя к месту работы и обратно для сдачи военному ведомству, а также содержание военнопленных (помещение, продовольствие, лечение, снабжение их одеждой, обувью и бельем), по ст. 8 тех же правил, относятся на счет правления обществ, пожелавших использовать труд пленных.

В ст. 4 говорилось, что «за каждый рабочий день, проведенный военнопленными на работах, правление общества дороги вно-

сило по 25 коп. на особо открываемые счета Министерства путей сообщения в его депозит по казначействам»¹.

Статья 5 предусматривала денежное вручение пленным в зависимости отощрения производительности их труда.

Еще один документ, регулирующий труд военнопленных, был принят 17 марта 1915 г.

Статья 1 Правил «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», независимо от Правил, утвержденных Советом министров 16 сентября 1914 г., 10 октября того же года, 17 и 28 февраля 1915 г., - допускала «вне района театра войны» отпуск «военнопленных для работ в частных предприятиях горной, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности и других крупных промышленных предприятиях, имеющих государственное или общественное значение».

В целях безопасности в ст. 2 устанавливалось правило отпускать военнопленных на работы партиями не менее 25 человек для каждого предприятия с условием, чтобы число военнопленных не превышало 15 % от общего числа рабочих данного предприятия.

В ст. 3-8, 10 закрепляется достаточно сложный порядок отпуска пленных. Так, в ст. 3 говорится: «Упомянутые в ст. 1 предприятия, желающие получить в свое распоряжение для исполнения работ военнопленных, подают о том заявление надлежащим фабричным инспекторам, окружным инженерам или соответствующим им должностным лицам на усмотрение местного Губернатора, который направляет его затем со своим заявлением в Главное управление Генерального штаба»².

К заявлениям частных предприятий об отпуске им для работ военнопленных ст. 4 Правил предъявляла требования об указании ряда существенных условий: характер работ, для которых испрашивается отпуск военнопленных; число военнопленных для каждого пункта назначения; время, на которое требуются военнопленные и т.д.

В соответствии со ст. 7 лица, уполномоченные для приема пленных, могли быть допущены в места их сбора и отправки для непосредственного выбора военнопленных, владеющих необходимыми специальностями.

Доставку военнопленных к месту работ и их содержание обществами и предприятиями регламентировала ст. 8, которая включила в себя отдельные положения ст. 3 Правил «О допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами», а также ст. 10 Правил «О порядке предоставления воен-

¹ Авербах О.И. Указ. соч. С. 488.

² Там же. Ч. 2. С. 488.

нопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств».

Выплату заработной платы пленным ст. 9 регламентирует следующим образом: «Просимые частными предприятиями военнопленные могут быть им предоставляемы исключительно для работ за плату, размеры которой устанавливаются предприятиям соответственно существующим местным ценам для каждой категории работ»¹. При этом не менее 1/3 из заработной платы пленных должно было отчисляться в особый фонд, на особо открываемые счета подлежащих Министерств, а из остающейся части заработной платы пленных покрывались «все расходы предприятия, возлагаемые на него данными правилами. Из этой же последней части заработной платы предприятиям предоставляется выдавать военнопленным, обнаружившим усердие в работе, на улучшение довольствия, денежный отпуск — не свыше, однако, 20 копеек за каждый рабочий день на человека»².

Охраной работающих в частных предприятиях военнопленных занималось губернское начальство; охрана осуществлялась полицией или особыми сторожами за счет средств данного предприятия.

В начале войны правительством и земствами на местах не предусматривалась возможность оплаты труда военнопленных. Подобная перспектива вызывала недовольство землевладельцев. Выражая их взгляды, министр внутренних дел П.А. Маклаков направил в конце марта 1915 г. в Совет Министров представление, в котором выразил мнение, что условия использования труда военнопленных не должны обременять землевладельцев, и резюмировал: «Пусть работают за хлеб и одежду»³.

Однако при работе без всякой компенсации производительность труда военнопленных была слишком низкой. Поэтому царское правительство внесло изменения в Правила пользования пленными на различных работах. Согласно Правилам «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 27 февраля 1915 г., при предоставлении их сельским хозяевам не менее половины заработной платы, устанавливаемой земскими управами, выдавалось им на руки⁴. Позже, в связи с требованиями российских промышленников, не желающих делить с казной доходы от дешевого принудительного труда пленных, отчисления части их заработка в фонд государства были уменьшены до 25 %, а затем с 1(14) апреля 1916 г.

¹ Авербах О.И. Указ. соч. С. 489.

² Там же. Ч. 2. С. 489.

³ Интернационалисты. М., 1967. С. 18.

⁴ Интернационалисты в боях за власть Советов / Под ред. Л.А. Бирмана. М.: Мысль, 1965. С. 37.

военное ведомство вообще отменило эти отчисления, одновременно разрешив увеличить денежную выдачу военнопленным до 50 коп. в день и предписав распространить этот порядок на всех пленных.

Если Рескриптом Императора от 2 сентября 1914 г. устанавливалась «желательность принудительного обращения военнопленных на казенные и общественные работы», то уже 17 марта 1916 г. Главное управление Генерального штаба предписывало, чтобы «ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался в лагере без назначения и все было бы отдано сельским хозяевам»¹.

Как реализовывалось указанное законодательство, мы рассмотрим в следующей главе.

Реализация законодательства империи на местах в Сибири

Как уже говорилось, наибольшее количество военнопленных было размещено в Сибири. Из 257 тыс. военнопленных, числившихся на 1(14) января 1915 г. в России, 186 тыс. находилось в ее азиатской части. Летом 1915 г. число военнопленных в военных округах Зауралья выросло и достигло в Иркутском военном округе 200 тыс. человек, Туркестанской - 200 тыс. и Омской - 152 тыс. человек². Это был огромный по своему объему рынок практически бесплатной рабочей силы, ведь труд военнопленных был очень дешев и применялся в самых различных отраслях.

В фондах Красноярского государственного архива мы обнаружили указ Главного управления Генерального штаба от 21 октября 1917 г. губернской и областной продовольственным управам. Указ был издан в целях установления должного порядка в отношении содержания состоящих на разного рода работах военнопленных. Он позволяет разобраться, как с момента издания Правил «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» шла реализация законодательства на местах.

Статья 2 циркуляра гласит: «Воспретить всем работодателям принуждать пленных продовольствоваться самостоятельно с выдачей на руки той части заработной платы, которая должна идти на их продовольствие и снабжение военнопленных по необходимым по положению...»³. Из этого следует, что Высочайше утвержденное Положение Совета Министров «Об изменении Правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 22 апреля 1915 г., в ст. 2 которого говорится: «Вопросы по содержанию и ока-

¹ Интернационалисты в боях за власть Советов... 1965. С. 39.

² См.: Интернационалисты. М.: Наука, 1967. С. 16

³ ГАКК. Ф. 904, оп. 1, д. 1, л. 18.

рауливанию военнопленных, привлекаемых на сельскохозяйственные работы, возмещаются за счет чрезвычайных сверхместных кредитов, ассигнуемых на потребности военного времени», действительно выполнялось, и питание военнопленных было поставлено под какой-то контроль (пусть лишь на бумаге) ответственных за пленных органов¹.

Анализируя ст. 3, мы можем прийти к выводу о том, что содержание пленных на работах было неудовлетворительным: «Привлечь гражданскую администрацию в лице губернских и уездных комиссаров к постоянному наблюдению за содержанием военнопленных на всех без исключения работах в районах данной губернии и принять меры, чтобы подлежащие им чины милиции были вполне осведомлены о порядке содержания военнопленных»².

В ст. 4 дается указание обязать все заводы и фабрики установить скрытый контроль за входом и выходом военнопленных и устанавливать для них комендантский час после 8 часов вечера.

Данный документ, кроме того, в ст. 6 предоставляет командующим войскам в округах право в необходимых случаях снимать военнопленных с работ, не запрашивая разрешения Главного управления Генерального штаба, а лишь уведомляя таковое о производственном снятии.

Более поздний документ, приказ по красноярскому гарнизону № 37 от августа 1918 г., содержит инструкции о порядке содержания военнопленных работодателями, а также о снятии пленных с работ. В нем в § 5 говорится: «При несоблюдении работодателями хотя бы одного из упомянутых требований, военнопленные подлежат возвращению обратно в лагерь распоряжением начальника гарнизона, причем работодатель передается суду»³. В § 1-4 говорится о правилах содержания военнопленных работодателями и частными предпринимателями, при нарушении коих военнопленные снимались с работ.

В заключение Генеральный штаб предлагал гражданским властям всерьез озаботиться положением военнопленных и принимать действенные меры в деле содержания их на работах, а не ограничиваться лишь перепиской с военно-окружным начальством⁴.

Одновременно Главным управлением Генерального штаба сообщено следующее интересное распоряжение. Приведем его целиком: «В Центральный комитет по делам о военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста посту-

¹ Авербах О.И. Указ. соч. Ч. 2. С. 417.

² ГАКК. Ф. 904, оп. 1, д. 1, л. 17.

³ ГАКК. Ф. 1800, оп. 1., д. 1, л. 5.

⁴ ГАКК. Ф. 904, оп. 1, д. 1, л. 17 об.

пили сведения о том, что работающие на некоторых фабриках и частных предприятиях военнопленные находятся на совершенно исключительном положении, а именно – живут свободно, одеты в цивильное платье, причем некоторые имеют по несколько пар сапог, на руках у них находятся довольно крупные денежные суммы, доходящие иногда до одной-двух тысяч рублей.

Имея в виду недопустимость такого положения у нас вражеских пленных, Центральный комитет постановил отобрать у военнопленных излишние запасы штатского платья и белья и обязал сдать в депозит деньги, оставив на руках лишь ограниченную сумму (не более 15 рублей в месяц).

Отобранные деньги подлежат хранению на особом счету пленного. Из одежды пленным разрешается иметь при себе: три комплекта белья, два комплекта одежды, считая в том и в другом случае комплект, имеющийся на военнопленном, и две пары обуви, из них одну пару на себя, одну запасную.

Верхняя одежда обязательно должна иметь установленное для военнопленного клеймо в виде наложенного на него яркой краской знака «военнопленный». Это относится и к запасам одежды»¹.

Эта статья показывает, что были нарушения в оплате труда, а именно была заработная плата большая, чем установлено законом. Из статьи видно, что пленные на работах находились на исключительном положении. В целом приказ указывает на то, что ряд статей Правил «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» не соблюдались, и дает понять, каково было действительное положение военнопленных в Сибири.

В основном военнопленные работали на городских работах на местах их расселения. Большой спрос на военнопленных поступал от всех ведомств, но главным образом – от Министерства земледелия.

Так, на первом съезде западно-сибирских городов было предложено всем городским управам организовать для военнопленных общественные работы. Первоначально на этом настаивали сибирские медики, полагавшие, что таким способом можно укрепить здоровье пленных, находившихся в душных казармах, и предотвратить распространение инфекционных болезней. Летом 1915 г. только в нескольких городах были организованы общественные работы для военнопленных. В Петропавловске военнопленных направляли в столярные и слесарные мастерские. Занять всех пленных не смогли. В Кургане работу нашли только для 600 из 700 пленных. В Омске, в доме братьев Нольте была организована мастерская, где трудились

¹ ГАКК. Ф. 904, оп. 1, д. 1, л. 15.

80 военнопленных. При мастерской из пленных австрийцев был организован оркестр¹.

Несколько сот военнопленных были привлечены Омским городским управлением к очистке улиц и площадей.

Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог предлагалось «применить труд военнопленных при устройстве заторов на реках Западной Сибири»².

До начала сентября 1915 г. в Омский уезд было направлено на сельскохозяйственные работы 7 300 военнопленных, в Петропавловский – 2 200³.

Местные золотопромышленники отказались от возможного использования труда военнопленных. Труд военнопленных в тайге не был продуктивен из-за незнания условий работы на приисках.

Высокий спрос на труд военнопленных объясняется дешевизной труда военнопленных, их большим количеством (от 2,5 млн чел.) и нехваткой рабочих рук, главным образом, мобилизованного мужского населения России. Например, в г. Томске отмечено огромное число желающих воспользоваться трудом военнопленных за плату, не превышающую 50 % существующей⁴.

Статья 2 Правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы гласила, в частности, что сельским хозяевам предоставляли военнопленных, преимущественного не мадьярского и не немецкого происхождения. Однако в Сибири выполнять подобные инструкции не всегда было возможно, хотя бы потому, что, согласно предписаниям Главного управления Генерального штаба, в 1914-1915 гг. военнопленные размещались в основном в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах, а немцы, австрийцы и венгры – в Иркутском и Приамурском. И понятно, что земствам последних округов выбирать не приходилось. Вдобавок к этому высокий спрос на труд военнопленных побуждал местное начальство отпускать на работы пленных без учета их национальности и места рождения: Командующий войсками Омского военного округа разрешил «отпускать по требованию городских властей потребованное количество пленных немцев и венгров для городских работ под надлежащим конвоем»⁵.

Журнал «Сибирская жизнь» в № 68 приводит следующую заметку: «За последние дни к омскому военному начальству стали обращаться в большом числе крестьяне и крестьянки Омского рай-

¹ Вестник Омского городского общественного управления. 1915. № 6-7. С. 41.

² Отклики Сибири. 1915. 13 апр.

³ Горюнин Л.М. Население Сибири накануне Октябрьской революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 97.

⁴ Сибирская жизнь. 1915. № 74.

⁵ Отклики Сибири. 1915. 12 апр.

она с просьбой на работы военнопленных. Так как эти ходатайства крестьян имеют связь с начавшимися посевными работами, то они беспрепятственно удовлетворяются»¹.

Если учесть, что почти половина всех пленных в Западной Сибири была размещена в сельской местности, то количество бывших германских и австрийских солдат, помогавших убирать хлеб русским крестьянам, исчислялось тысячами.

С разрешения командующего войсками Омского военного округа при Омском городском исполнительном комитете было открыто «Бюро труда» для проживающих в г. Омске военнопленных. «В него поступают списки военнопленных по их профессиям в мирное время и в настоящие время»².

В Сибирь попадали пленные самых различных специальностей: портные, сапожники, маляры, механики, гончары, кондитеры, работники интеллектуального труда и т.д.³

В «Сибирской жизни» за 1915 г. было напечатано следующее обращение: «К сведению горожан сообщаем, что в старых городских казармах (угол Монастырской и Нечаевской) среди военнопленных славян, румын, итальянцев и эльзас-лотаринцев находится в данное время без работ: портных 16, полировщиков 3, сапожников 21, стпельщиков 1, слесарей 16, механиков 4, маляров 14, музыкантов 3, кондитеров 9, сахарщиков 8, садовников 2, ткачей 1, кузнецов 8, гончаров 1, каменщиков 22, обойщиков 3, мясников 2, кровельщиков 2, машинистов 1, кожевников 1, чернорабочих 28, интеллигентного труда 14, каменщиков 44, мельников 2, шорников 1»⁴.

Среди военнопленных в Томске находился пленный профессор Краковского университета по английской литературе Роман Дабовский, в Канске Енисейской губернии – профессор Лейбницкого университета Фидман⁵.

Из-за нехватки собственных врачей лечебные заведения лагерей привлекали для работы пленных врачей. Им было разрешено «пользоваться ежедневным отпуском с 8 часов утра до 8 часов вечера»⁶.

Из всего изложенного видно, что в период конца 1914 – начала 1917 г. труд военнопленных по всей России и, в частности, в Сибири применялся очень широко. И, действительно, газеты того времени пестрели статьями и заметками о жизни, быте военнопленных и особенно о работах, ими выполняемых. Перечислять подоб-

¹ Сибирская жизнь. 1915. 1 апр. № 68.

² Отклики Сибири. 1915. 15 янв. № 11.

³ Сибирская жизнь. 1915. 1 апр. № 74.

⁴ Там же. 1915. 12 июня.

⁵ Там же. 1915. 20 февраля. № 39.

⁶ Там же. 1915. 13 мая. № 96.

ные публикации не имеет смысла ввиду огромного их числа. «Труд военнопленных», «Пленные из Перемышля», «Расквартирование военнопленных», «Сибирь и военнопленные» - вот лишь несколько заголовков из газеты «Отклики Сибири» за 1915 г.¹

Однако представляется важным рассмотреть реальные условия, в которых жили и трудились военнопленные Сибири, а также то, что для них делалось местными властями.

Содержание военнопленных в Сибири

Как уже говорилось в начале данной работы, многие нормы Гаагской конвенции 1907 г. повсеместно нарушались в России. Например, не военное ведомство, а земские управы, согласно вышедшим 7 октября 1914 г. Правилам «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», обязывали: «Обеспечить содержание военнопленных и медицинскую помощь со времени приема их и до дня передачи в отдельные хозяйства»; «Иметь наблюдение за получением военнопленными продовольствия, по возможности, наравне с низшими воинскими чинами, а также одежды и обуви, необходимых для сохранения здоровья, и за санитарным состоянием на их местах»².

В соответствии с официальными распоряжениями русских властей «способ довольствия военнопленных» был единым по всей стране. Пленные солдаты питались из общего котла по нормам, установленным для низших чинов русской армии. Ежедневно пленному полагались: обед из щей или супа с 0,25 фунтами мяса, 0,43 золотников чаю, 6 золотников сахара, 3 фунта хлеба³. Офицеры получали от военного ведомства квартиру и жалование, и, в зависимости от чина, 50-100 руб. в месяц. Понятно, что нормы питания низших чинов не всегда выдерживались на практике. Так, по заявлению представителей Международного Красного Креста Тормейра и Форрьера, осмотревших в 1915 г. лагеря Туркестана и Сибири, питание пленных было неудовлетворительным. Да и вообще, согласно их отчету, помещения, где содержались военнопленные, находились в антисанитарном состоянии, у пленных не было одежды и предметов первой необходимости⁴. Однако в Сибири военнопленные не голодали, что объяснялось богатством края и широким привлечением

¹ См.: Отклики Сибири. 1915. 19 июля, 21 июня, 19 июня, 18 июня, 4-5 апр., 12 марта и т.д.

² Авербах О.И. Указ. соч. Ч. 1. С. 340.

³ Вестник Омского городского общественного управления. 1915. № 2. С. 9.

⁴ См.: Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран - участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967. С. 24-25.

пленных к участию в сельскохозяйственных работах, труду в частных мастерских и на железной дороге.

По воспоминаниям бывшего венгерского офицера, ставшего после Октябрьской революции бойцом Красной Армии, Йожефа Берната, «солдаты, находившиеся в Красноярском лагере, зимой и летом жили в наспех сколоченных деревянных бараках или же в примитивных землянках»¹.

Сразу после пленения тысяч солдат перед российским правительством встал вопрос о размещении военнопленных. Число военнопленных постоянно увеличивалось, поэтому приходилось селить военнопленных в помещениях, зачастую не отвечающих требованиям жилища.

Пленных размещали в казармах солдат, лагерях, в заброшенных монастырях, даже в помещениях школ, на период летних каникул, на квартирах обывателей.

В Томске в Доме науки размещались 1 200 военнопленных. Для этого были очищены все комнаты данного культурно-просветительского учреждения.

В Омске военнопленных разместили в помещениях скотобойни в количестве 1 000 человек, в цирке – 1 200 человек, в здании бывшей ветеринарной лаборатории - 150 человек².

По сообщению газеты «Отклики Сибири», казармы, где размещались военнопленные низших чинов, - 2-этажные каменные здания, в которых помещается в обычное время до 400 солдат. В казармах были установлены нары в два этажа, из-за чего в помещениях было недостаточно светло.

26 марта на втором заседании по обсуждению вопросов о военнопленных в г. Омске был рассмотрен вопрос о размещении их по квартирам обывателей города. На нем признавалось, что «подобное размещение может повлечь за собой распространение эпидемиологических заболеваний среди горожан, а поэтому найдено размещение по квартирам обывателей нежелательным»³.

После взятия Перемышля в апреле 1915 г. число военнопленных значительно увеличилось. Начальник военного ведомства губернии на основании этого «предложил городскому главе принять энергичные меры по отводу большого числа мест для расквартирования военнопленных казарменным порядком»⁴.

Газеты того времени утверждают, что условия содержания военнопленных в лагерях, бараках были достаточно неплохими: «В

¹ Бернат Й. Из воспоминаний учителя: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. Новосибирск: Воениздат. С. 304.

² Вестник Омского городского управления. 1915. № 2. С. 934.

³ Отклики Сибири. 1915. 14 апр.

⁴ Сибирская жизнь. 1915. 4 апр.

переселенческих бараках, за рекой Енисей ... пленные целые дни проводят на открытом воздухе, устраивая различного рода спортивные игры»¹. В газете «Отклики Сибири» за октябрь 1914 г. сообщается: «Воду, освещение, отопление, как и квартиры, доставляет пленным город. Питание пленные получают от военного ведомства, с солдатской кухни, где готовят обычно горячее (каша). Сами же пленные получают чай. По словам самих пленных, в общем, они питаются сыто, живут в тепле»².

Но все-таки есть противоречия, о которых говорят некоторые очевидцы - сами пленные. Вот что вспоминает бывший военнопленный Арманд Мюллер из лагеря Песчанка-1 (под Читой): «Размещали нас в грязных, холодных бараках по 100 и более человек, иногда привозили на совершенно голое место и военнопленные должны были сами строить жилища. В бараках были устроены нары в несколько этажей, военнопленным не давали ни шинелей, ни белья, ни обуви, ни одеял, не хватало продуктов питания, безобразно было составлено медицинское обслуживание»³.

В красноярских лагерях условия содержания пленных были также далеко не идеальными: «Помещения, где размещали военнопленных, были плохо освещенными, в некоторых температура среди зимы была всего 6 градусов. Солдаты были плохо одеты, постельное белье низшим чинам не выдавалось. Не были организованы мастерские по починке одежды и обуви»⁴.

Возможно, такие разногласия были связаны с тем, что в начале обеспечения было гораздо лучше, нежели во время углубившегося кризиса, когда значительно увеличилось число военнопленных. В результате военнопленные были фактически отданы на произвол местных властей, комендантов лагерей и охраны, частных предпринимателей и подрядчиков⁵.

Вполне понятно также и то, что при подобном снижении контроля за положением пленных со стороны государства и местных земств, предприниматели, с целью получения наивысших прибылей, снижали затраты на содержание военнопленных до минимума⁶.

На съезде городов Западной Сибири санитарный врач г. Омска В. Клячин нарисовал весьма мрачную картину быта пленных. При гигиенической норме 2 куб. сажени воздуха на человека в скотобойне, где находились военнопленные, на каждого приходилось менее 0,5 сажени. К тому же большинство зданий, где были расквар-

¹ Отклики Сибири. 1915. 17 апр.

² Там же. 1915. 12 окт.

³ Мюллер А.В. В пламени революции. Иркутск, 1957. С. 9.

⁴ Вечерний Красноярск. 1996. 12 июня.

⁵ Интернационалисты в боях за власть Советов / Под ред. Л.А. Бирмана. М.: Мысль, 1965. С. 25.

⁶ Там же. С. 37.

тированы военнопленные, нуждалось в серьезном ремонте. Теснота, в которой жили военнопленные, способствовала распространению среди них инфекционных заболеваний. Так, к 1 апреля 1915 г. среди 13 500 военнопленных, размещенных в Омском военном округе, было зарегистрировано 518 случаев сыпного тифа, 124 – брюшного, 177 больных дизентерией¹.

«Во время войны среди размещенных в Красноярске военнопленных зарегистрировано 1 550 случаев заболевания сыпным тифом и 226 брюшным», – информировала своих читателей 2 мая 1915 г. газета «Отклики Сибири». Чуть позже она написала: «Среди рабочих военнопленных на Ачинско-Минусинской железной дороге констатированы случаи заболевания сыпным тифом».

* * *

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что во время Первой мировой войны как в России, так и в других воюющих государствах в отношении военнопленных не особенно соблюдались нормы международного права. Положения основного международно-правового акта, закрепляющего правовой статус военнопленных – Гаагской конвенции от 5 октября 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», нарушались не только на местах органами местного управления, но и непосредственно законодательством Российской Империи.

Собственно положение военнопленных в России бы двояким. С одной стороны, под эгидой учения «панславизма», говорящего о том, что все славяне братья, военнопленные чехи, словенцы и румыны водворялись в концентрационные лагеря европейской части России, где испытывали тяжелейшие лишения и подвергались жестоким издевательствам, с целью склонения их к войне на стороне России. С другой стороны, немецкие и австрийские военнопленные, как неблагонадежные, попадали за Урал, в Сибирь, где с ними обращались достаточно мягко и уважительно.

Разумеется, нельзя не отметить тот факт, что Первая мировая война оказалась тяжелейшим испытанием для нашей страны. И чем сложнее складывалась обстановка на фронтах, чем острее вставали хозяйственные и социальные вопросы внутри страны, тем хуже становилось и положение военнопленных. А все это вместе и явилось одной из важнейших предпосылок развивающегося кризиса власти.

¹ Вестник Омского государственного управления. 1915. № 6-7. С. 41.

Это не могло не привести и, как следствие, привело к началу Февральской революции 1917 г.

Список литературы

1. Авербах О.И. Законодательные акты чрезвычайного характера, вызванные войной. Ч. 1-2 / О.И. Авербах. Пг, 1914-1915.
2. Бернат Й. Из воспоминаний учителя: Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции / Й. Бернат. М.: Воениздат, 1976.
3. Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. документов. М., 1968, С. 7-9, 11, 12.
4. Вестник Омского городского общественного управления. 1915. № 2, 6-7.
5. Вечерний Красноярск. 1996. 12 июля.
6. Военная энциклопедия. СПб, Т. 6. 1912. С. 526.
7. ГАКК. Ф. 595, оп. 63, д. 7264.
8. ГАКК. Ф. 904, оп. 1, д. 1.
9. Горюнин Л.М. Население Сибири накануне Октябрьской революции / Л.М. Горюнин, В.И. Пронин // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992.
10. ГАКК. Ф. 1800, оп. 1, д. 1.
11. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д. 144, оп. 1, д. 68.
12. Действующее международное право. Т. 2. М., 1992.
13. Енисейская мысль. 1915.
14. Жданов Н. Русские военнопленные в Мировой войне 1914-1918 гг. / Н. Жданов. М., 1920.
15. Интернационалисты в боях за власть Советов / Под ред. Л.А. Бирмана. М.: Мысль, 1965.
16. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967.
17. Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой. Минувшее. М., 1991.
18. Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914-1918 гг.) / И. Ленцен // Вопр. истории. 1998. № 4.
19. Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны / И.В. Маевский. М., 1957.
20. Мюллер А.В. В пламени революции / А.В. Мюллер. Иркутск, 1957. С. 9.
21. Отклики Сибири. 1915.
22. Отчет члена, состоящего при Центральном справочном бюро о военнопленных Особого комитета помощи военным Е.Г. Шинке-

- вича, по командировке в Омский военный округ для обследования степени нужды военнопленных австро-венгерской армии. Пг, 1915.
23. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. 1916-1917 гг. М.-Л., 1926.
 24. Приказы по военному ведомству. Пг, 1914.
 25. Россия в первой мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925.
 26. Сибирская жизнь. 1914-1915.
 27. Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929.
 28. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг, 1917. Отд. 1, 1-е полуг. С. 602.
 29. Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) / С.А. Солнцева // Вопр. истории. 2002. № 1.
 30. Сыч А.И. О некоторых социально-психологических последствиях первой мировой войны / А.И. Сыч // Вопр. истории. 2001. № 11-12.
 31. Щелокаева Т.А. Эволюция правового статуса военнопленных в XX веке / Т.А. Щелокаева // История государства и права. 2001. № 2.
 32. Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К.». Т. 10. 9-е изд. М., Бг.

Международное признание правительства А.В. Колчака (1918-1920 гг.): историко-правовой анализ

В мировой практике нередки случаи, когда в отдельно взятом государстве существуют сразу несколько правительств, каждое из которых претендует на верховную власть. Как правило, это случается в результате государственного переворота и происходит в условиях гражданской войны. Наряду с внутренними политическими и правовыми изменениями в жизни данных государств значительное место занимают и проблемы международно-правового характера. Одной из наиболее главных проблем является проблема международно-правового признания новых правительств. Значение данного признания очень велико, так как в большинстве случаев именно от этого зависит дальнейшее существование самого правительства.

Образование правительства А. В. Колчака

В истории нашего государства подобная ситуация имела место в 1917–1920 гг. Толчком к процессам формирования региональных «правительств» явился октябрьский переворот 1917 г. Именно после него сложилась уникальная в своем роде ситуация, когда одна из ведущих держав мира раскололась на целый ряд государствовподобных образований, претендующих на верховную власть в России. Обусловлено это было двумя факторами: во-первых, насильственно узурпированным характером Советской власти и, во-вторых, отсутствием у новой власти легитимности. Но если первый фактор не играл существенной роли (свергнутое большевиками Временное правительство также не могло похвастаться законностью своего происхождения), то отсутствие легитимности имело немаловажное значение. Ведь в условиях политической нестабильности залогом жизнеспособности любого правительства выступало признание и поддержка этого правительства населением страны, чего именно не было у большевиков. Особенно ярко это проявилось после разгона Учредительного собрания, которое отказалось узаконить диктатуру партии большевиков. С этого момента ленинское правительство окончательно утратило право считаться законной властью, а в раз-

* © Г.Н. Емцов, 2002.

ных регионах страны стали возникать альтернативные правительства.

Раскол страны на два лагеря — «за» и «против» Советской власти — начался еще осенью 1917 г. Сразу в нескольких местах возникли различные антисоветские организации, которые ставили своей целью восстановление законного режима¹. В условиях гражданской войны на территории России сформировалось два политических центра:

— «красный», в лице советских республик, возглавляемых рабоче-крестьянскими правительствами (Совет народных комиссаров РСФСР, Временное рабоче-крестьянское правительство Украины; Советское правительство Литовско-Белорусской республики и др.);

— «белый», в лице ряда государствовподобных образований, возглавляемых контрреволюционными правительствами (Временное Сибирское правительство, правительство Юга России, правительство Северной области и др.).

Однако все созданные в противовес Советской власти правительства носили очаговый характер. По большей части их деятельность ограничивалась пределами отдельно взятого района или области, и они не претендовали на всероссийский характер. По мере того, как увеличивалось число наиболее активных противников октябрьского переворота, все актуальнее становился вопрос об организации на территориях, освобожденных от большевиков, единой всероссийской власти. При этом практически всеми бесспорно признавалось, что создаваемая власть будет носить временный характер, а окончательно этот вопрос решит лишь законно избранное Учредительное собрание, независимо от того, останется ли это собрание тем же самым, которое было разогнано большевиками, или же оно будет создано в новом составе. Однако реальной силы, которой бы подчинились все областные правительства, в первый период гражданской войны (октябрь 1917 г. — сентябрь 1918 г.) на территории «белой» России не существовало.

Впервые о всероссийском характере государственной власти в «белой» России заговорили осенью 1918 г. К объединению усилий всех антибольшевистских сил, действовавших до этого разрозненно, толкали военные, политические, правовые и другие причины стратегического характера. Кроме того, в пользу централизации белого движения говорил еще один немаловажный фактор: к лету 1918 г. стало ясно, что без помощи стран Антанты одержать победу над большевизмом будет очень трудно. Но в сложившейся ситуации, ко-

¹ См.: Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России. М., 1996. С. 40-41.

гда на территориях, освобожденных от Советской власти, ежедневно возникали и исчезали контрреволюционные правительства, союзники не могли определиться, кому оказывать поддержку. Взвесив все эти факторы, лидеры белого движения приняли решение о создании единого всероссийского правительства. С этой целью в сентябре 1918 г. в г. Уфу съехались представители различных правительств и национальных образований, главным образом Урала, Сибири и Дальнего Востока. 23 сентября 1918 г. Уфимским Государственным совещанием было сформировано демократическое Временное Всероссийское правительство в форме Директории¹.

Однако с первых же дней работы этого правительства стало ясно, что оно не в состоянии выполнять возложенные на него задачи. Каждое заседание проходило в политических спорах, которые ни к чему не приводили. Назревал кризис власти. В этой ситуации высшие лидеры кадетской партии, возглавлявшие правую оппозицию, при поддержке Ставки и Генерального штаба подготовили государственный переворот с целью свержения власти Директории и установления единоличной диктатуры. Переворот этот произошел 18 ноября 1918 г. в Омске.

18 ноября 1918 г. организаторы переворота под предлогом обвинения в измене арестовали двух членов Директории, оставшихся в Омске, и при поддержке председателя омского Совета Министров, бывшего в то время одним из членов Директории, объявили Всероссийское правительство распущенным. В результате ликвидации Директории единственным высшим органом власти в государстве стал Совет Министров омского правительства, который, воспользовавшись этим положением, передал всю полноту верховной государственной власти военному и морскому министру А. В. Колчаку². Таким образом, А. В. Колчак, получив наименование Верховного Правителя, стал единоличным главой государства.

Роль признания в международной практике начала XX в.

В начале XX в. в международном праве господствовала конститутивная теория признания. Согласно этой теории государство или правительство приобретало международные права и обязанности лишь с момента признания. По утверждению одного из сторонников этой теории Д. Анцилотти, международная правосубъектность

¹ См.: К образованию Всероссийской власти в Сибири (из дневника П.В. Вологодского: 8 сентября - 4 ноября 1918 г.) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 143.

² См., напр.: Зензинов В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Париж, 1919. С. 9-10.

«становится действительной и конкретной одновременно с признанием» и «не может быть правоотношений с государством, еще не получившим признание»¹. Таким образом, факт международного признания для белых правительств в период гражданской войны гарантировал бы им жизнеспособность. И наоборот, непризнание означало неминуемую смерть их как участников международных отношений.

К началу гражданской войны в России мировой практике было известно несколько доктрин, касавшихся вопроса признания новых правительств, возникающих в результате государственных переворотов и гражданских войн. В качестве примера можно привести доктрины, возникшие в международной практике США. Наибольшую известность в свое время приобрели доктрины Джефферсона, Руттерфорда Хэя, Тобара, Вильсона и др.

Доктрина президента Джефферсона возникла в эпоху борьбы североамериканских штатов за независимость. Естественно, в ее основе лежал принцип, предусматривавший, что всякое правительство, созданное в соответствии с «волей нации», должно получить признание Соединенных Штатов. «Нашим принципам, - говорилось в инструкции Джефферсона, - соответствует признавать правомерным любое правительство, которое сформировано реально провозглашенной волей нации...»². Впервые эта доктрина была применена Соединенными Штатами по отношению к революционному правительству Франции в период Великой французской буржуазной революции 1789–1794 гг.

Гражданская война в США 1861–1864 гг., в ходе которой было образовано альтернативное правительство Юга, внесла существенные изменения в доктрину Джефферсона. Новая концепция, получившая название доктрины Руттерфорда Хэя, гласила: «Правительство Соединенных Штатов придерживается принципа, что революции в республиканских государствах не должны приниматься, пока народ не оформил их органическим законом с торжественностью, которая бы казалась достаточной, чтобы гарантировать их стабильность и постоянство. Это является результатом размышления о наших собственных национальных испытаниях»³.

В 1907 г. появилась на свет еще более консервативная доктрина, автором которой был министр иностранных дел Эквадора Карлос Тобар. Доктрина Тобара провозглашала прямой отказ признавать те правительства, которые возникли благодаря революциям

¹ Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. С. 164–165 / Цит. по: Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 1999. С. 116.

² Цит. по: Лазарев М.И. Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки. М.: Юрид. лит., 1967. С. 115.

³ Там же. С. 132.

и вопреки конституции¹. Эта позиция была незамедлительно принята на вооружение правительством США и чуть позднее изложена в доктрине президента Вильсона. В частности, в декларации В. Вильсона говорилось: «Мы остаемся особенными друзьями тех, кто сумеет держаться в рамках конституционной законности»². Именно с этой доктриной Соединенные Штаты встретили события 1917 г. в России. Аналогичной позиции придерживались и другие державы (Франция, Великобритания, Италия и т.д.).

Таким образом, можно сделать два вывода: во-первых, институт международного признания в период гражданской войны имел для противоборствующих сторон первостепенное значение; во-вторых, залогом этого признания выступала «конституционная законность» возникшего правительства.

Борьба колчаковского правительства за международное признание

Вопрос о признании и со стороны лидеров белого движения, и со стороны союзников ни перед кем не стоял так актуально, как он стоял перед Колчаком. Если все другие правительства были созданы, можно сказать, легальным путем в результате падения Советской власти в той или иной местности, то Колчак, как бы то ни было, был узурпатором. Поэтому от отношения к нему русской и мировой общественности зависело его существование вообще.

Для того чтобы завоевать всеобщее доверие, правительство, возглавляемое Колчаком, сделало несколько официальных заявлений. Так, уже на третий день после переворота, скорее для союзных держав, чем для кого-либо, им было сделано заявление, которое гласило: «Российское правительство считает себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 г. правительств России»³. Это означало, прежде всего, то, что колчаковское правительство принимало на себя все долги перед иностранными государствами, данные ранее царским правительством. Далее, 7 декабря 1918 г., была опубликована декларация, которая должна была служить доказательством демократической направленности созданной власти: «Опираясь на проснувшиеся здоровые национальные чувства, Российское правительство стремится к воссозданию госу-

¹ См: Там же. С. 138.

² Цит. по: Лазарев М.И. Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки... С. 142.

³ Миленко Г.Л. Российское правительство и его задачи. Омск, 1919. С. 2.

дарственности на началах истинного народоправства, свободы и равенства»¹.

Следует отметить, что такая политика колчаковского правительства принесла ожидаемые результаты. Несмотря на ряд протестов против захвата власти Колчаком (например, протесты Самарского КОМУЧа, атамана Семенова и т. д.), верховная власть адмирала Колчака была в конце концов признана всеми лидерами белого движения. 3 мая 1919 г. заявило о своем подчинении Временное правительство Северной области, а 30 мая 1919 г. такой же приказ издал Деникин².

Сразу же возникла проблема соотношения власти Верховного Правителя и областных правительств. Однако вскоре была принята следующая схема разделения полномочий: за областными правительствами временно оставались функции по урегулированию текущих дел, не касающихся общегосударственных вопросов, до того момента, пока не произойдет действительное слияние³.

К числу вопросов, требующих немедленного разрешения, относился и вопрос об отношениях со странами Антанты. Особенно эта проблема обострилась в ходе интервенции. За свою помощь в борьбе против большевиков союзники требовали всевозможных уступок, начиная от таможенных и заканчивая территориальными.

26 мая Совет четырех⁴ (с участием представителя Японии) утвердил текст ноты Колчаку, в которой выражалась готовность признать его «Верховным Правителем России» при выполнении ряда условий:

- созыв (после захвата Москвы) Учредительного собрания;
- проведение «свободных выборов» в органы местного самоуправления;
- признание независимости Финляндии и Польши;
- признание автономии Эстонии, Латвии, Литвы, Закавказской и Закаспийской территорий с последующей передачей в Лигу Наций вопроса о взаимоотношении с ними России;
- передача на рассмотрение Парижской мирной конференции вопроса о «румынской части Бессарабии».

В отношении первого условия позиция Верховного Правителя была предельно ясна. В его речах и в других декларативных документах неоднократно высказывалось, что Колчак прямо признает

¹ Там же. С. 4-5.

² См.: Голос всероссийской власти. Гельсингфорс, 1919. Вып. 2. С. 11-13.

³ Там же.

⁴ В Совет четырех входили представители стран, одержавших победу в Первой мировой войне: президент Франции Ж. Клемансо, премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж, президент США Т.В. Вильсон, премьер-министр Италии Ф. Нитти.

себя ответственным перед Учредительным собранием, которое созовется после разгрома большевиков. Об этом было сказано, в частности, в ответном послании А.В. Колчака союзным державам¹.

Выполнение второго условия – проведение «свободных выборов» в органы местного самоуправления – было затруднено несколькими факторами. Во-первых, системы местных органов самоуправления в Сибири до 1917 г. не существовало, а созданные большевиками местные Советы депутатов были распущены в июле 1918 г. Воссоздание же земских органов и городских дум шло медленными темпами. Кроме этого, нормальному функционированию местных органов препятствовало военное положение, на котором находилась большая часть территории, подвластной колчаковскому правительству.

Самые горячие споры разгорелись вокруг третьего условия. Признание независимости Польши и Финляндии прямо свидетельствовало бы об отказе правительства А.В. Колчака от принципов возрождения единой и неделимой России. Но, с другой стороны, неуклонное следование этим принципам лишало Колчака некоторых выгод. Так, например, фельдмаршал фон Маннергейм предложил адмиралу двинуть свои финские войска на Петроград, если адмирал признает независимость Финляндии; генерал Юденич сообщил, что он может приступить к подготовке похода на Петроград, если адмирал даст ему разрешение считаться с фактом объявления Эстонией ее независимости, потому что в обратном случае возникшее в Эстонии правительство не допустит формирования на его территории русских военных частей². В ответе адмирала Колчака союзным державам вопросы независимости Финляндии, Польши, Эстонии и других российских окраин были, конечно же, затронуты. Нотой от 4 июня Колчак согласился признать независимость Польши, отметив, что окончательное утверждение границ между Польшей и Россией должно быть отложено до созыва Учредительного собрания³. Подобным же образом – с передачей окончательного решения будущему Учредительному собранию – получила признание де-факто и Финляндия⁴.

По четвертому условию колчаковское правительство согласилось подготовить при участии Лиги Наций решение вопроса об автономии национальных групп прибалтийских государств, Кавказа и Закаспийской территории.

¹ Голос всероссийской власти. Гельсингфорс, 1919. Вып. 2. С. 6.

² Гинс Г.К. Адмирал А.В. Колчак // Возрождение. 1970. № 226. С. 90.

³ Зубачевский В. Гражданская война в России и послевоенный мир: геополитические аспекты // История. 2000. № 19. С. 3.

⁴ См.: Голос всероссийской власти. Гельсингфорс, 1919. Вып. 2. С. 7.

Аналогичным образом разрешалась и позиция Верховного Правителя и в отношении вопроса о «румынской части Бессарабии».

Данная позиция по представленным в ноте от 26 мая условиям легла в основу официального ответа правительства А.В. Колчака союзникам, который был дан 4 июня 1918 г. А уже 12 июня поступила и ответная телеграмма от союзников, в которой говорилось, что «Союзные и Соучаствующие Державы... счастливы тону ответа, который в общем совпадает со сделанными ими предложениями» и что они «расположены дать адмиралу Колчаку и действующим заодно с ним» силам поддержку, упомянутую в их первом письме¹. Иными словами, Колчаку в ближайшее время обещалось официальное признание со стороны стран Антанты. По сути же это означало признание омского правительства «де-факто» в качестве правительства России².

Но обстоятельства сложились не в пользу Верховного Правителя. Резкое ухудшение положения на фронте сначала притормозило процедуру признания, а затем и вовсе сделало ее бессмысленной.

Правовые предпосылки признания правительства А.В. Колчака

Проблема международно-правового признания колчаковского правительства (как верховного «белого» правительства) неизбежно приводит нас к вопросу о соотношении его с правительством большевиков, а также к вопросу о пределах их юрисдикции и о правопреемстве по отношению к прежней власти, существовавшей до октября 1917 г. Для этого представляется необходимым установить статус Советской республики и государствовподобных образований — как внутри России, так и на международном уровне.

Исходной предпосылкой для ответа на поставленные вопросы является правильная и адекватная оценка общественно-политической ситуации в России в период с 1917 по 1920 гг. с точки зрения международного права. Что представляло собой вооруженное столкновение «белых» и «красных», и какой термин в данном случае более уместен — «мятеж», «восстание», «гражданская война» или «немеждународный вооруженный конфликт»?

Современная теория международного права разграничивает эти понятия в зависимости от того, какой характер носит вооруженное столкновение и каков конституционно-правовой статус участвующих в нем сил. По своему характеру внутренний вооруженный

¹ См.: Голос всероссийской власти. Гельсингфорс, 1919. Вып. 2. С. 10.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Отв. ред. С.С. Хромов. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 428-429.

конфликт может принимать разнообразные формы, которые в известной степени условны. Зачастую невозможно провести грань между «мятежом» и «восстанием», между «восстанием» и «гражданской войной». Но в целом можно согласиться с общепринятой концепцией, что мятеж и подобные им акты являются отдельными инцидентами, которые могут трансформироваться в более масштабные формы вооруженного конфликта. «Если ситуация усугубляется и приобретает более серьезные масштабы и пропорции, ... организационный характер лидеров и представляет эффективное в течение времени сопротивление установленному правительству, то можно говорить о восстании, ... когда восстание идет еще дальше и восставшие контролируют часть территории государства и организуют ответственное правительство, тогда ситуация перерастает в гражданскую войну»¹.

Однако этим не исчерпывается анализ общественно-политической ситуации 1917–1920 гг. Следует признать, что её правовая оценка во многом зависит от того, какая роль отводится Советскому правительству, возникшему в октябре 1917 г. в результате государственного переворота в Петрограде.

Советская историко-правовая доктрина давала однозначный ответ, признавая правительство большевиков «единственным законным правительством Российского государства», а Советская республика, возглавляемая правительством большевиков, являлась единственным государственным образованием на территории России в период с октября 1917 г. по декабрь 1922 г. В таком случае все другие политические силы, противоборствующие этому правительству, приобретали статус мятежников и повстанцев. А так как повстанцы, по мнению советских юристов, не обладали основными признаками государственности (территория, население, государственная власть), то ни одно альтернативное правительство, будь то «белое» или какое-либо другое, не обладало международной правосубъектностью.

В то же время, согласно современной теории международного права, повстанцы могут обрести международную правосубъектность лишь в том случае, если они будут признаны законным правительством в качестве «воюющей стороны». А для этого повстанцы должны: а) иметь организацию; б) иметь во главе ответственные за их поведение органы; в) установить свою власть на части территории; г) соблюдать в своих действиях «законы и обычаи» войны².

¹ Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов // Моск. журн. междунар. права. 2000. № 1. С. 96.

² См.: Арцибасов И.Н. Егоров С.А. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 43.

Анализ белого движения в годы гражданской войны позволяет сделать вывод о том, что всем перечисленным требованиям «белые» полностью удовлетворяли. Во-первых, белое движение было достаточно организовано: оно имело свои политические и правовые институты, вооруженные силы, идеологию и т.д.; во-вторых, руководство действиями «белых» осуществляли сформированные ими правительства, которые одновременно и несли ответственность за эти действия; в-третьих, уже к концу 1918 г. «белые» контролировали $\frac{3}{4}$ территории России; в-четвертых, возглавляемые кадровыми генералами и офицерами, белогвардейские формирования вели боевые действия по всем правилам войны. Таким образом, остается выяснить, признало ли правительство большевиков «белых» в качестве «воюющей стороны».

Как отмечается в отечественной международно-правовой литературе, признание это может быть молчаливым и ярко выраженным¹. Обзор внешней политики Советской России приводит нас к выводу, что, несмотря на формальное непризнание «белых» правительств, большевики фактически их признали, что выразилось в неоднократных попытках заключить с ними перемирие, в организации взаимных переговоров и т.д.² Кроме этого, аналогичным образом фактическое признание было получено «белыми» и от «третьей стороны» — иностранных держав. Следовательно, «белые» правительства с момента их фактического признания приобретали международную правосубъектность в качестве «воюющей стороны».

Таким образом, если придерживаться советской историко-правовой доктрины и если использовать современные юридические конструкции, то в период гражданской войны «белые» правительства выступали как «воюющая сторона».

Согласно противоположной концепции, большевистское правительство, насильственно узурпировавшее верховную власть в стране, считалось незаконным. Законным признавалось свергнутое большевиками Временное правительство. Во-первых, переход власти в его руки в феврале 1917 г. произошел мирным путем, без кровопролития, а во-вторых, Временное правительство получило поддержку не только внутри страны, но и на международном уровне. Так, уже в марте 1917 г. Временное правительство, возглавляемое

¹ См.: Аршибасов И.Н. С.А. Егоров Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия... С. 44.

² Так, 15 февраля 1919 г. Советское правительство приняло предложение президента США В. Вильсона об участии в конференции на Принцевых островах (в Мраморном море), на которой предполагалось провести мирные переговоры между представителями как Советского правительства, так и всех белогвардейских «правительств». Но «белые» (в т.ч. и Верховный Правитель А.В. Колчак) отказались от участия в конференции (См.: Айрапетян М.Э., Деборин Г.А. Этапы внешней политики СССР. М., 1961. С. 85).

князем Г.Е. Львовым, было признано Соединенными Штатами и другими ведущими державами¹. Следовательно, как и в период с февраля по октябрь 1917 г., после большевистского переворота Временное правительство А.Ф. Керенского, даже будучи свергнутым, юридически оставалось единственной законной властью в стране. Косвенным подтверждением этому, кстати, может служить признание, которое было дано эмигрантскому правительству А.Ф. Керенского, Соединенными Штатами и Францией².

Что же касается белых правительств, возникших после октября 1917 г., то, поставив своей целью восстановление «законной власти» и возрождение в стране дооктябрьских порядков, они, таким образом, и с политической, и с правовой точек зрения являлись правопреемниками Временного правительства. Это, в свою очередь, свидетельствует об их законности.

Таким образом, если следовать антисоветской доктрине, то белые правительства, как правопреемники Временного правительства, являлись носителями верховной власти в стране, тогда как большевики выступали в качестве стороны, восставшей против законного правительства. Основным же правительством, которое в 1918 г. в большей степени претендовало на международное признание, являлась Уфимская Директория. Во-первых, оно выражало интересы большинства белых правительств, а во-вторых, оно, в отличие от всех других, было сформировано самым что ни на есть демократическим путем.

Естественно, в свете изложенных рассуждений, встает вопрос о правомочности Верховного Правителя А.В. Колчака и его правительства. Можно ли признавать за Колчаком право на международное признание, если его приход к власти был совершен в порядке переворота? С одной стороны, переворот этот был совершен насильственным путем и этим ничем не отличался от октябрьского переворота большевиков. Следовательно, никаких прав колчаковское правительство не имело. С другой же стороны, переворот этот был надлежащим образом «оформлен» законодательными актами 18 ноября 1918 г., т.е. оправдан юридически. Оправдан он был и исходя из политических соображений — диктаторский режим Верховного Правителя был более выгоден белому движению, нежели демократическое правление Директории. Наконец, власть Верховного Правителя с течением времени была поддержана всеми лидерами белого движения, что свидетельствовало о ее легитимности в белой России. Именно эти черты отличали колчаковское правительство от правительства

¹ См.: Фельдман Д.И. Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. С. 19.

² Там же. С. 105.

большевиков. Стало быть, правительство А.В. Колчака обладало такими же (и даже большими) правами на международное признание, что и свергнутая им Директория.

В отечественной науке международного права утвердилась позиция, согласно которой основным критерием «законности» правительств является не «конституционность» их образования, а эффективность их деятельности, которая выражается в поддержании повседневной связи с собственным народом, действенном управлении, в осуществлении регулярного контроля над жизнью народа и т.д.¹ Иными словами, системообразующим признаком в данном случае является не легальность власти, а ее легитимность. Этим признаком и обладало правительство А.В. Колчака.

Список литературы

1. Айрапетян М.Э. Этапы внешней политики СССР / М.Э. Айрапетян, Г.А. Деборин. М., 1961.
2. Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро. Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов / Альберто Гваделупе Фернандеш де Кастро // Москов. журн. междунар. права. 2000. № 1.
3. Арцибасов И.Н. Вооруженный конфликт: право, политика, дипломатия / И.Н. Арцибасов, С.А. Егоров. М.: Междунар. отношения, 1989.
4. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств / В.В. Гармиза. М.: Мысль, 1970.
5. Гинс Г.К. Адмирал А.В. Колчак / Г.К. Гинс // Возрождение. 1970. № 226.
6. Голос всероссийской власти. Гельсингфорс, 1919. Вып. 2.
7. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / Отв. ред. С.С. Хромов. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
8. Захарова Н.В. Правопреемство государств / Н.В. Захарова. М.: Междунар. отношения, 1973.
9. Зензинов В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года / В. Зензинов. Париж, 1919.
10. Зубачевский В. Гражданская война в России и послевоенный мир: геополитические аспекты / В. Зубачевский // История. 2000. № 19.

¹ Моджорян Л.А. Основные права и обязанности государства. М.: Юрид. лит., 1965. С. 107 / Цит. по: Фельдман Д.И., Курдюков Г.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности... С. 91.

11. К образованию Всероссийской власти в Сибири (из дневника П.В. Вологодского: 8 сентября - 4 ноября 1918 г.) // Отечественная история. 2000. № 6.
12. Лазарев М.И. Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки / М.И. Лазарев. М.: Юрид. лит., 1967.
13. Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 1999.
14. Миленко Г.Л. Российское правительство и его задачи / Г.Л. Миленко. Омск, 1919.
15. Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России / В.П. Слободин. М., 1996.
16. Фельдман Д.И. Основные тенденции развития международной правосубъектности / Д.И. Фельдман, Г.И. Курдюков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974.

Фашизм как крайняя форма антидемократического режима

Рассматривая государство только с точки зрения форм правления и государственного устройства, мы никогда не получим его полной характеристики, так как это внешние формы организации государства. Важнее всего знать, как на самом деле функционирует государство, как осуществляется государственная власть, каким способам и методам властвования отдается предпочтение, какова при этом роль личности, социальных групп и общества в целом во влиянии на государство, и наоборот, какова степень участия в политических процессах отдельного гражданина. Поэтому ошибочно оценивать государство только с позиции форм государственного правления и устройства. Привлекая категорию «политический режим», можно получить наиболее полное представление о конкретном государстве.

Для характеристики этих процессов применяется понятие «политический режим». Политический режим в большей степени открывает социально-политическую, глубинную сущность и название государства. Форма политического режима дает ответ на вопрос, какие политические взаимоотношения существуют между властью и населением.

Что касается характеристик, которые служат основанием для определения принадлежности режима к демократической или антидемократической разновидности, то в современных исследованиях их набор выглядит весьма классическим, тогда как реальность всегда была более разнообразна.

Понятно, что в чистом виде ни один из политических режимов в действительности не существует. В том или ином конкретном государстве присутствуют различные по своему содержанию методы официального властвования.

Кроме того, достаточно сложно дать представление о формировании механизма той или иной разновидности политического режима.

История развития западноевропейских государств XX в. показала, что наиболее жестоким и антигуманным явился фашизм, как крайняя форма антидемократического режима.

* © Т.В. Будилина, В.И. Юрьев, 2002.

Не претендуя на завершенность, можно выделить отличительные черты фашизма:

- претворение в жизнь идей антикоммунизма, шовинизма, расизма, милитаризма;
- максимальный контроль фашистской партии над всеми проявлениями общественной и личной жизни людей;
- применение крайних форм насилия для подавления инакомыслия и оппозиций;
- агрессивная захватническая внешняя политика;
- широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики;
- крикливая демагогия в целях маскировки ее истинного содержания;
- способность путем националистической и социальной демагогии политически активизировать население;
- наличие относительно широкой социальной поддержки в большинстве социальных слоев.

Исследуя эту сложную разновидность антидемократического политического режима, важно выявить его исторические корни и проанализировать, что позволило ему в дальнейшем превратиться в идеологию миллионов.

Фашизм (итал. Fascismo, fascio - пучок, связка, объединение) - правозкстремистское тоталитарное политическое течение, возникшее в европейских странах в период общего кризиса капитализма и выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил. Фашизм у власти - открыто террористическая диктатура наиболее реакционных сил общества. Это, прежде всего, шовинизм, антикоммунизм, расизм, широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики. Внешняя политика фашизма - политика захватов.

Термин впервые использован организацией «Фашио ди комбаттименто» в Италии в 1919 г. Муссолини превратил фашизм в мощную политическую силу в стране. К концу 1930-х гг. фашистские режимы утвердились в Испании (фалангисты), Португалии, Австрии, в Балканских странах, Франции, в государствах Латинской Америки и Японии.

В Англии в 1932 г. был создан Британский союз фашистов во главе с Мосли, который в 1934-1936 гг. приобрел резко антисемитскую направленность. Акт об общественном порядке 1936 г., запретивший частные военизированные формирования, а также носить униформы участникам политических движений в Великобритании («чернорубашечники»), существенно снизил возможность превращения фашизма в активную политическую силу в стране.

После прихода фашистов к власти в Италии (1922 г.), Германии (1933 г.) и Испании (1939 г.) начали складываться полицейские тоталитарные государства. После Второй мировой войны фашистские методы правления характерны для военных диктатур в Парагвае, Чили, для южно-африканских расистов.

Идеологию фашизма правильнее всего охарактеризовать как «собирательную» идеологию. В борьбе за создание массовой социальной основы фашизм выдвинул систему взглядов, использовавшую в значительной мере реакционные учения и теории, сложившиеся до его появления (расистские идеи, антидемократические концепции Ницше, Шпенглера, Джентиле; антисемитизм, геополитика, пангерманизм и др.).

Идеологи фашизма и национал-социализма объявили Ф. Ницше своим предтечей. Обходя те аспекты ницшеанского учения, которые явно расходились с фашистской и национал-социалистической идеологией, рассчитанной на массовое движение, они акцентировали внимание на моментах общности и преемственности между ницшеанством и собственной идеологией. Ряд идей Ницше (о расе господ, новом порядке, о национальной миссии немцев, сверхчеловеке, воле к власти и т.д.) получили соответствующую интерпретацию и модификацию в духе идеологии национал-социализма. Национал-социализм (нацизм) - наиболее радикальный из известных в истории этого типа движений и режимов вариант тоталитарного господства и агрессивности на международной арене. Он является выражением неадекватной правоконсервативной реакции определенных слоев германского общества на результаты Первой мировой войны и кризисные процессы в стране в послевоенный период. Эта реакция выразилась в конструировании особой нацистской идеологии, в центре которой - конгломерат идей военной экспансии, расового неравенства, национализма, «классовой гармонии» (теории «народного сообщества» и «корпоративности»), вождизма («принцип фюрерства»), всевластия государственной машины («теория тотального государства»).

Фашистские идеологи также использовали выгодные им аспекты теории элит В. Парето и концепции политического класса Г. Моска. Оба итальянских мыслителя исходили из идеи о наличии в сфере управляющей деятельности каждого общества двух значительно обособленных групп - правящих и управляемых. Они утверждали, что в обществе всегда правит «ничтожное меньшинство» в виде политического класса (Г. Моска) или «правлящей элиты» (В. Парето). Элита в широком смысле весьма сходна по значению с аристократией (власть лучших) или, в более современной формулировке, с меритократией (власть достойных). Все общества отличаются

друг от друга в основном вследствие различий, корнящихся в природе своих элит. В результате меньшинство управляет большинством, прибегая к двум разновидностям приемов и средств - силы и хитрости. Политические элиты подразделяются на два семейства, названия которых восходят к Макиавелли. Предпочитающие насилие - «элита львов», а предпочитающие изворотливость - «элита лис».

К следующему идеологическому источнику немецкого национал-социализма можно отнести труды Х.С. Чемберлена. Он впервые соединил концепцию исконного неравенства рас, их деления на «полноценные» и «неполноценные», идею борьбы «благородных» рас против «неполноценных» как содержания всемирной истории с «германством».

Переработанный в свою пользу «мыслительный материал», который использовали немецко-фашистские идеологи, подобрал в себя самые худшие с точки зрения общечеловеческих ценностей продукты в истории не только немецкой, но и мировой культуры. При этом использовались любые средства и приемы, несмотря на их низость и предосудительность. На основе такого исходного материала национал-социалисты развивали свои представления о политике, господстве, государстве.

В наиболее концентрированном виде все эти идеи были выражены в книге А. Гитлера «*Meine Kampf*» (1925 г.). В политическом плане они отразились в создании тоталитарной политической партии (НСДАП), которая реализовала данную идеологию на практике в виде всепроникающей партийно-государственной диктатуры. Весьма существенная черта фашистской идеологии - крикливая демагогия в целях маскировки ее истинного содержания. Этой цели служило, в частности, спекулятивное использование фашизмом популярности идей социализма в массах. Возникнув как реакция на революционный подъем, наступление которого возвестила революция в России (октябрь 1917 г.), фашизм превратился в ожесточенного и опасного противника всего прогрессивного человечества.

От других форм реакционной диктатуры фашизм отличается широкими связями с определенной, достаточно многочисленной частью населения, не относящейся к правящим классам, способностью мобилизовать и политически активизировать ее в интересах эксплуататорского строя. Фашизм опирается на мелкую и среднюю буржуазию, деклассированные и преступные элементы, отсталые слои трудящихся.

Таким образом, идеология фашизма - крайний антикоммунизм, расизм, шовинизм, тоталитаризм, вождизм, экспансионизм и агрессия в сочетании с безудержной социальной демагогией.

При определенном различии установившихся в 1920-1940-х гг. в странах Европы фашистских диктатур их основные характеристики совпадают, поскольку одинаковой являлась классовая сущность этих режимов - антикоммунизм, террористическое подавление инакомыслия и оппозиций, широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики, максимальный контроль над всеми проявлениями общественной и личной жизни людей, милитаризация экономики, подготовка и проведение агрессивных войн.

Фашистское движение и фашистские режимы возникли в основном в Европе после Первой мировой войны как наиболее агрессивные формы реакции в борьбе против революционного движения. Фашизм - порождение империализма. Монополистическая буржуазия, а в ряде стран и немонополистическая, напуганная ростом революционного и национально-освободительного движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, санкционирует насилие в таких масштабах и формах, которые не укладывались в рамки обычных представлений о консервативном типе политики. Фашизм как политический метод становится реальным воплощением нового, экстремистского варианта империалистической политики.

Эта тенденция была прослежена В.И. Лениным еще задолго до появления первых фашистских групп и диктатур, когда еще понятия «фашизм» не существовало. В его труде «Империализм как высшая стадия капитализма» были раскрыты закономерности, присущие государственно-монополистическому капитализму, которые ведут к подобным диктатурам. В.И. Ленин показал неразрывную связь усиления государственной машины империализма с неслыханным ростом ее чиновничьего и военного аппарата, предназначенного для репрессий против широких народных масс, пролетариата как в монархических, так и в «свободных» республиканских странах. Ленин писал: «...Бешеная защита империализма, всевозможное приукрашивание его - знамение времени»¹.

В других работах он отмечал, что «европейская буржуазия судорожно цепляется за военщину и реакцию из страха перед рабочим движением»², что она «готова продать любому авантюристу всю свою «цивилизацию» за меры «строгости» против рабочих или за лишний пятак на рубль прибыли»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 407.

² Там же, Т. 23. С. 144.

³ Там же, Т. 22. С. 189.

В отличие от других буржуазных партий, замалчивавших кризис капиталистической системы, фашисты «смело» критиковали ее, предлагали свой выход из кризиса и даже демагогически заявляли о ликвидации классов и классовых различий, о введении социального равенства. Спекулируя на стремлении народных масс к социализму, они называли себя «революционерами», социалистическим движением («национал-социалистами», сторонниками «корпоративного общества» и т.п.). Поэтому в ряды фашистской партии вступали не только открытые прислужники монополистического капитала: чиновники, военщина, полицейские агенты, но и опутанные ими широкие слои мелкой буржуазии и даже часть рабочих, испытывавших тяжелые последствия наступления крупного капитала, экономического кризиса. Захватывая власть и выполняя социальный заказ буржуазии, фашисты стремились прежде всего истребить передовую часть рабочего класса, его организации, применяя самое грубое беззаконие и насилие. Следует еще раз заметить, что фашизм повсюду опирался на национализм, расизм, шовинизм, милитаризм, а в ряде стран (особенно в Германии) и на реваншизм.

Разоблачая социал-демократов, утверждавших, что фашизм - это якобы власть восставшей мелкой буржуазии, стоящей над пролетариатом и буржуазией, Георгий Димитров на VII конгрессе Коминтерна говорил: «Фашизм - это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм - это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике - это шовинизм в самой грубой форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»¹.

Последующие исторические события полностью подтвердили правильность этих выводов.

Приход фашизма к власти в Италии, Германии и других странах не был обыкновенной заменой одного буржуазного правительства другим. «Это означало смену одной государственной формы классового господства буржуазии - буржуазной демократии другой его формой - открытой террористической диктатурой»².

Фашизм приходил к власти во взаимной, подчас острой борьбе со старыми буржуазными партиями или определенной частью их, борьбе разных групп монополистической буржуазии, борьбе в самом фашистском лагере, которая иногда доходила до вооруженных

¹ Г. Димитров. Избр. произведения. Т. I. (1910-1937). М., 1957. С. 377.

² История второй мировой войны. 1939-1945. Т. I. М.: Полит. лит., 1973. С. 58.

столкновений. Однако во всех случаях путь фашизма к власти прокладывали правящие круги буржуазии.

Вся внутренняя и внешняя политика фашизма определялась интересами монополий, особенно тех, которые были связаны с военным производством. Магнаты тяжелой индустрии и «пушечные короли» энергично подталкивали развитие милитаризма как во внутренней, так и во внешней его форме, а в фашизме видели наиболее пригодный инструмент для укрепления своей власти и осуществления своих корыстных планов завоевания мирового господства.

Везде милитаризм служил постоянной опорой для авторитарно-диктаторских устремлений внутри господствующих классов, создавал атмосферу национал-шовинистического угара. Он готовил кадры, способные на любые преступления. Не случайно почти вся фашистская «элита» в той или иной мере прошла казарменную школу военщины.

В.И. Ленин отметил: «...преступнейшая и реакционнейшая империалистическая война 1914-1918 гг. воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех даже самых демократических республиках именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор...»¹.

Из их рядов и вышли многие фашистские лидеры: Хорти в Венгрии, Антонеску в Румынии, Пилсудский в Польше, Франко в Испании и многие другие. Муссолини и Гитлер также прошли хорошую выучку у милитаристов.

Специфика условий установления тоталитарного режима, особенности идеологии накладывают свой отпечаток на облик возникающего общества, в чем нетрудно убедиться на конкретных примерах Италии, Германии, Испании, Болгарии, Румынии, Польши, Японии и других государствах, не случайно попавших под «пресс» фашизма.

Фашистское движение в Италии, возглавленное Муссолини, возникло в 1919 г. на периферии политической жизни: у его истоков стояли романтически настроенные интеллигенты, мечтавшие о «Великой Италии», маргиналы социалистического движения. Здесь национальная идея была соединена с требованиями социальной справедливости. Открыто шла спекуляция на ущемленных национальных чувствах (Италия, понесшая значительные потери в мировой войне, получила от союзников значительно меньше, чем рассчитывала). Резкой критике подвергалось государство и правящие политические партии за неспособность обеспечить преодоление экономического спада, решить проблему безработицы, резкого снижения жизненного

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 57.

уровня. Одновременно осуждалось ориентирующееся на коммунистов и социалистов рабочее движение - за забастовки, наносящие удары по экономике нации. Выдвигались популистские лозунги типа «Земля тому, кто ее обрабатывает». Формировался культ сильной личности - Муссолини, якобы способного вывести страну из кризиса.

В мае 1921 г. фашистское движение получило около 7 % мест в парламенте, в ноябре оно конституировалось в партию, численность которой составила около 300 тысяч членов, примерно 40 % из них составили городские и сельские рабочие. Были созданы вооруженные отряды - фашистская милиция и фашистские профсоюзы. Углубление социального и экономического кризиса в стране, раздробленность политических сил, постоянная смена кабинетов, ситуация нарастающей анархии и паралич власти создали условия для массовой демонстрации сил фашистской партии, устроившей «поход на Рим». Эта акция не была ни переворотом, ни революцией, это был лишь парад фашистской милиции и членов партии, требовавших передать власть Муссолини. 31 октября 1922 г. он был назначен главой коалиционного правительства, в которое вошли представители других партий (либералы, демократы и т.п.).

Принципиально важно то, что режим Муссолини установился с соблюдением демократической процедуры, первые же его меры встретили одобрение парламентского большинства, хотя объективно являлись почвой для установления тоталитаризма. Так, фашистская милиция была легализована, получив статус «добровольной милиции национальной безопасности». В органы центральной и местной власти назначались советники от фашистской партии (комиссары), которая укрепила свои позиции, слившись с близкими по идеологии группировками.

На парламентских выборах 1924 г. фашистская партия составила коалицию с частью либералов и демократов (национальный блок), которая получила 374 места в парламенте (оппозиция - 157). Этому успеху способствовала стабилизация экономического положения страны, хотя трудно сказать, была ли она итогом мер правительства или же следствием завершения мирового экономического кризиса, началом общей стабилизации в Европе.

Закрепившись в парламенте, режим Муссолини ускоренным темпом приступил к строительству тоталитарного механизма власти. С 1925 г. начали вводиться запреты на деятельность оппозиционных партий, был принят закон о чистке государственного аппарата от «не национально мыслящих» элементов, префекты получили право запрещать выпуск газет, «опасных для общественного спокойствия». В 1925 - 1926 гг. были изданы законы, согласно которым гла-

ва правительства нес ответственность только перед королем, получил право издавать декреты и управлять на их основании, не дожидаясь одобрения парламента.

Фактически и законодательная, и исполнительная власти оказались сосредоточены в одних руках, функции парламента становились чисто символическими. В 1926 г. был принят закон о роспуске всех «антинациональных» партий, лишены депутатских мандатов представители антифашистской оппозиции, запрещена выступавшая с критикой режима печать. Начали набирать силу репрессии: лица, заподозренные в противостоянии фашизму, подлежали высылке из страны и лишению гражданства.

Был учрежден особый трибунал по защите государства, введена смертная казнь. Под контроль государства и партии были поставлены профсоюзы. Все эти меры определялись как «чрезвычайные», принятые временно, сроком на пять лет (позднее они продлевались вплоть до краха фашизма в Италии), в ответ на покушение на Муссолини (четвертое по счету). Неизвестно, не было ли оно инсценировкой.

Разгромив оппозицию, предельно ослабив или подчинив себе гражданское общество, режим использовал мощь государства для установления контроля над экономикой.

Уже в 1926 г. фашистское государство решило, что без его опеки крестьянство не сможет выращивать хлеб. Начались «битвы за урожай», компании «мелиорации» и «повышения урожайности». В 1927 г. большой фашистский совет, высший орган партии, принял хартию труда, предполагавшую возможность вмешательства государства в управление экономикой, регламентацию трудовых отношений.

Реализация этих мер, первоначально не встретивших поддержки бизнесменов, развернулась в полном объеме с началом мирового экономического кризиса 1929-1932 гг. В 1930 г. был создан Национальный совет корпораций, призванный обеспечить интеграцию экономической и политической власти; в него вошли министры, представители партии, эксперты, бизнесмены и профсоюзные лидеры. В 1934 г. корпоративная система стала тотальной, была также введена государственная монополия внешней торговли.

На все ключевые посты назначались члены фашистской партии, численность которой достигла 1,8 млн человек. Была принята программа перевооружения армии: введено двухлетнее допризывное обучение граждан, предусмотрено регулярное прохождение сборов военнообязанными после завершения срока службы.

Следует отметить, что события в Германии и Италии развивались несколько по-разному, однако эти различия лишь оттеняют

глубинное единство произошедших в этих странах перемен на фоне прихода к власти фашизма.

Так, в Италии партия Муссолини исходно сложилась как тоталитарная, однако, поскольку период времени между ее возникновением и приходом к власти был очень коротким (3 года), она не успела обрести широкой поддержки избирателей, переходный период к созданию тоталитарного общества оказался длительным (около 10 лет). По сути дела, кабинет Муссолини сознательно усиливал тоталитарные тенденции в обществе, а по мере их роста укрепляла позиции и фашистская партия.

В Германии ситуация была противоположной. Тоталитарная партия свыше десятилетия была в оппозиции, обрела массовую поддержку до своего прихода к власти и смогла за очень короткий срок - один-два года - сделать Германию тоталитарным государством.

Особую роль в истории предвоенной Европы сыграло установление фашистской диктатуры в Испании.

Первый период фашистской диктатуры в Испании приходится на 1923-1939 гг. Военный переворот, совершенный генералом Primo де Ривера в 1923 г. при прямом содействии монархии, завершился разгоном парламента (кортесов), отменой буржуазных свобод и конституционных гарантий (личной неприкосновенности), роспуском политических партий, переходом власти в руки военной хунты. Военному перевороту помогла колониальная авантюра Испании в Марокко. Позорные поражения испанской армии в борьбе против римских племен, сражавшихся под руководством Абд-эль Керима, усилили общее недовольство грязной войной, а заодно и правительством, которое ее вело.

Отменив декрет о 8-часовом рабочем дне и запретив стачки под страхом уголовного наказания, Primo де Ривера стремился упрочить господство буржуазии над рабочим классом введением корпоративной системы по итальянскому образцу.

Как и в Италии, создавались «корпорации», составленные из предпринимателей, представителей допущенных (правительственных) профсоюзов и государственных чиновников. Но все было напрасно. Рабочий класс Испании не подчинился диктатуре. Крестьянские массы вели упорную борьбу за землю. Правящая хунта «раздиралась» борьбой за власть. Продолжение военной диктатуры грозило революционным взрывом. В январе 1930 г. Primo де Ривера отказался от власти и эмигрировал из страны.

За крахом диктатуры последовало свержение монархии (апрель 1931 г.). События разворачивались быстро. В антимонархиче-

ском движении сплотились самые разные силы - от рабочих и крестьян до левобуржуазных партий и социалистов.

Монархия пыталась спасти себя частичными уступками, но безрезультатно. Дело было не только в самой монархии, но и во всех тех пережитках прошлого, которые она защищала: господство помещиков, католической церкви и военной хунты; отсутствие свобод; социальное и национальное угнетение.

В апреле 1931 г. республиканцы одерживают блестящие победы на муниципальных выборах. Вслед за тем они образуют республиканские правительства сначала в Барселоне, а затем в Мадриде. Король Альфонс бежал во Францию.

Революция, ликвидировавшая испанскую монархию, была буржуазно-демократической. Такой же оказалась по своему содержанию конституция Испанской республики, утвержденная в 1931 г. Учредительным собранием.

Статья 1 Конституции гласила: «Испания есть демократическая республика трудящихся всех классов, построенная на началах свободы и справедливости». За этим содержанием следовали принципы: равенство всех перед законом; отказ от государственной религии и отделение церкви от государства, равное право для всех независимо от происхождения, пола, богатства, политических взглядов и пр.; неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, неприкосновенность переписки, право собраний и союзов.

Законодательная власть вручалась парламенту (кортесам), набранному на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Избирательное право предоставлялось гражданам обоего пола, начиная с 23 лет.

Учредительное собрание приняло законы о 8-часовом рабочем дне и социальном страховании.

Однако всему этому не суждено было претвориться в жизнь. Закон о социальном страховании, как и многие другие, остался на бумаге.

В обстановке всеобщего недовольства исходом революции происходит размежевание сил. В то время как рабочий класс был расколот по вине социал-демократических лидеров, а компартия оставалась недостаточно сильной, богатая Каталония сделалась автономной областью в рамках единой Испанской республики.

Конституция объявляла ликвидированными феодальные отношения. На выборах 1933 г. Испанской конфедерации автономных правых удалось одержать крупную победу и составить правительство.

Реакционный курс правых партий, их откровенный отказ от завоеваний революции вызвали знаменитое восстание астурийских

шахтеров, поддержанное восстанием в Каталонии и всеобщей забастовкой в Мадриде, Севилье и других городах. С помощью марокканских войск и иностранного легиона правительство подавило восстание: 2 тыс. шахтеров было убито и не менее 30 тыс. приговорено к заключению. Автономия Каталонии была ликвидирована.

В период «черного двухлетия», которым были названы особенно мрачные 1934-1935 гг., реакции удалось ликвидировать основные социальные достижения революции: крестьяне сгонялись с земли, рабочие более других испытали на себе последствия контрреволюционного террора. Компартия вынуждена была уйти в подполье.

Тем не менее торжество реакции было призрачным. Каждый новый ее шаг усиливал кризис режима, способствовал отходу ее бывших сторонников. В стране назревала революционная ситуация. Возник Народный фронт в составе коммунистов, социалистов, республиканцев, членов Всеобщего рабочего союза и др.

На выборах, проходивших в феврале 1936 г., история преподала правым поучительный урок: партии Народного фронта получили 268 мест в парламенте (из 473).

Правительство левой ориентации, возникшее после выборов, вернуло страну к завоеваниям революции: были выпущены из тюрем политические заключенные, восстановлена автономия Каталонии, приняты законы, улучшавшие положение рабочих, началось осуществление аграрной реформы.

Победа Народного фронта активизировала испанский фашизм, группировавшийся в партии «Фаланга» и вокруг нее. В середине июля 1936 г. в испанском Марокко, а вслед за тем во многих городах самой Испании начался военно-фашистский мятеж, главой которого стал генерал Франко.

Мятежники получили щедрую помощь - военными материалами и людьми - со стороны Германии и Италии. На их стороне оказались правительства Англии и Франции.

На помощь республиканской Испании пришли тысячи замечательных бойцов-демократов из всех стран мира, которые создали знаменитую интернациональную бригаду. На стороне республиканцев находился, конечно, и советский народ.

Героически бился народ Испании и особенно испанские коммунисты. Весь мир следил за исходом этой борьбы, одни - со страхом, другие - с восхищением и надеждой.

Два с половиной года длилась гражданская война в Испании. То, за что бились республиканцы, они пытались осуществить уже в ходе войны: была начата национализация крупной промышленности, более 300 тыс. крестьянских семей получили безвозмездно 5,5

млн га земли, были приняты законы о 48-часовой рабочей неделе, охране труда, социальном обеспечении. Не только Каталония, но и Баскония получили национальную автономию.

В конце 1936 г. наступило ухудшение военного положения Испанской республики. В январе 1939 г. пала Барселона. В конце марта испанский фашизм торжествовал победу. Спустя несколько месяцев генерал Франко сделался и по закону и фактически единоличным диктатором Испании.

В это время Англия и Франция проводили политику невмешательства в испанские дела, чем потворствовали фашизму. Советский Союз, несмотря на все трудности, снабжал республиканскую Испанию оружием, а советские добровольцы, главным образом танкисты и летчики, принимали непосредственное участие в боях с фашистскими армиями.

Завоевания революции были аннулированы. Рабочее законодательство отменено, трудовые договоры, профсоюзы, стачки и пр. запрещались. Крестьяне должны были вернуть землю помещикам и заплатить (за все три года) арендные платежи. В стране свирепствовал безудержный террор.

Фактически участвуя в войне на стороне гитлеровской Германии, помогая ей ресурсами и людьми, Испания считалась юридически «нейтральной». Режим Франко надолго пережил войну, сохранившись до ноября 1975 г., т.е. до смерти диктатора.

Своеобразие государственного устройства Японии повлияло на становление в ней фашизма. Правящие классы Японии в особой степени тяготели к военно-монархической диктатуре. Иначе и быть не могло, поскольку конкурентная способность японской промышленности обеспечивалась низким жизненным уровнем рабочего, который удавалось удерживать благодаря совсем уж нищенскому существованию японского крестьянина, соглашавшегося на любую работу и за любую плату.

В то время как 74 % крестьян владели 22 % земли, кучке помещиков принадлежало 42 %. Четыре миллиона крестьянских хозяйств имели крошечные наделы (по 0,5 га) или вовсе не имели земли. Поэтому крестьяне устремлялись в города. Экономические и политические интересы тесно связывали японские монополии с помещиками и профессиональной военщиной.

Союз этот преследовал две главные цели: обуздание рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, завоевание внешних рынков для японской промышленности - с другой. Деревня, жившая натуральным хозяйством, почти не покупала изделий промышленности. Внутренний рынок был поневоле узким. Превратить натуральное

крестьянское хозяйство в товарное могла бы только земельная реформа, но ее не хотели помещики.

С помещиками и реакционным дворянством не хотели ссориться капиталисты: и те и другие имели общего врага - пролетариат и крестьянство.

Выходом из этой ситуации признавалось завоевание чужих территорий, завоевание внешних рынков. Отсюда выдвижение военной силы, агрессивная внешняя политика, отсюда указанный выше союз.

Ни одно из крупных империалистических государств не осуществляло столь робко и столь непоследовательно немногие либеральные реформы, как Япония.

В 1925 г. здесь вводится «всеобщее» мужское избирательное право, при этом права голоса были лишены военнослужащие, студенты, лица, не имеющие годичного ценза оседлости, пользующиеся благотворительностью, и, наконец, главы знатных фамилий (чтобы последние не смешивались с прочими гражданами). От кандидата в депутаты был потребован крупный залог в размере 2 тыс. йен, поступавший в казну, если оказывалось, что кандидат не набрал минимума голосов. Среди других либеральных реформ отметим введение суда присяжных.

И нигде - вплоть до установления военно-монархической диктатуры - не осуществлялась в таких масштабах, как в Японии, борьба с рабочим движением.

Укажем, например, на закон «Об охране общественного спокойствия» 1925 г., установивший многолетние каторжные работы за участие в организациях, ставивших целью уничтожение частной собственности и изменение политического строя. В 1928 г. японское правительство запрещает все сколько-нибудь левые организации. Тысячи рабочих и крестьян были брошены в тюрьмы. Специальный указ устанавливал длительное тюремное заключение для рядовых коммунистов и смертную казнь для активистов компартии.

В 1938 г. японский парламент принимает пресловутый «закон о всеобщей мобилизации нации», разрешавший предпринимателям удлинять по своему усмотрению рабочий день и снижать заработную плату. Забастовки были объявлены преступлением. Конфликты между рабочими и капиталистами передавались на окончательное решение арбитражной секции «особой полиции».

Парламент Японии играл ничтожную роль. Нижняя палата его собиралась не более чем на три месяца в год. Остальные девять месяцев правительство (пользуясь правом издавать указы) законодательствовало само.

Конституция не устанавливала ответственности правительства перед парламентом, вследствие чего палата не располагала средством для эффективного влияния на политику. В то же время правительство, прибегнув к императорскому указу, могло в любой момент распустить палату.

Поощряемые крупным капиталом, в стране множились и крепились разного рода фашистские организации. Одна из них, объединявшая «молодое офицерство», но руководимая генералами требовала ликвидации парламента и партийных кабинетов. Она хотела установления военно-фашистской диктатуры во главе с императором.

В 1932 г. «молодое офицерство» учинило настоящий военный мятеж. Вместо того чтобы усмирить его участников, правительство пошло навстречу их требованиям: партийный кабинет был устранен, а на его место пришли генералы и адмиралы.

Во всем этом была своя закономерность. Последовательное усиление роли военных в определении политики, их проникновение на все важные посты в государственном аппарате служили, хотя и своеобразно, целям подчинения японской государственной машины кучке наиболее крупных, наиболее агрессивных монополий, жаждавших войны вовне и сохранения зверских форм эксплуатации внутри страны.

Уже в 1933 г. Япония, выйдя из Лиги Наций, вторгается в Китай, намереваясь превратить его в колонию. Она дважды делает попытку вторжения на территорию СССР: первый раз у озера Ханка, второй - у озера Хасан, но каждый раз с огромным для себя уроном.

Лелея заветный план порабощения Азии и Океании, Япония вступает в союз с гитлеровской Германией. Заимствуя у последней лозунги «нового порядка», «избранной расы» и «исторической миссии», Япония готовилась к переделу мира с тем, чтобы «великая нация» получила «великую территорию».

Фашизация японского государственного строя получила свое развитие с началом Второй мировой войны и в ходе ее.

В 1940 г. японские правящие круги, но в особенности генералитет, сделали премьер-министром принца Коноэ, бывшего идеологом тоталитарного военно-фашистского режима. Наиболее важные посты в правительстве были поручены представителям концернов тяжелой промышленности.

Вслед за тем начинается создание так называемой новой политической структуры. В осуществление этого плана политические партии (за исключением, разумеется, коммунистической) объявили о самороспуске. Все вместе они составили «Ассоциацию помощи трону» - государственную организацию, финансируемую правительством и им же руководимую.

Органами ассоциации на местах служили соседские общины - средневековый институт, возрожденный реакцией. Каждая такая община объединяла 10-12 семей. Несколько общин составляли «ассоциацию улицы», поселка и т.д.

Ассоциация помощи трону предписывала членам общины следить за поведением соседей и доносить обо всем замеченном. Одна община должна была следить за другой.

На заводах и фабриках вместо запрещенных профсоюзов создавались «общества служения отечеству через производство», куда рабочих загоняли силой. Здесь точно так же добивались взаимной слежки и слепого повиновения.

Непременным элементом «новой политической структуры» сделались унификация прессы, строжайшая цензура, шовинистическая пропаганда. Ни о каких «свободах» не могло быть и речи.

Экономическая жизнь контролировалась специальными ассоциациями промышленников и финансистов, наделенными административными полномочиями. Это называлось «новой экономической структурой». Японский парламент, вернее, то, что от него осталось, потерял всякое значение. Члены его назначались правительством или (что то же самое) избирались по особым спискам, составленным правительством.

Так получили свое проявление основные признаки фашизма в Японии. Однако были и некоторые отличия:

а) в Германии и Италии фашистские партии контролировали армию, в Японии именно армия играла роль главной политической силы;

б) как и в Италии, так и в Японии фашизм не ликвидировал монархию; разница в том, что итальянский король не играл ни малейшей роли, тогда как японский император несколько не утратил ни своей абсолютной власти, ни своего влияния (сохранились и все связанные с монархией учреждения вроде «Тайного совета» и пр.).

Таким образом, японский фашизм выступал в специфической форме военно-монархической диктатуры.

Кроме названных государств, фашистские режимы присутствовали и в других странах Европы и Азии.

Германия после Первой мировой войны была также охвачена социально-экономическим кризисом, глубина которого, однако, оказалась намного большей, чем в Италии, равно как и острота связанных с ним противоречий. Кроме того, существовали и предпосылки развития массового националистического движения. К ноябрю 1918 г. Германия уже не могла вынести тягот войны, ее армия утратила способность сопротивляться. Поскольку войска Антанты не оккупировали территорию страны, хотя союзники навязали ей крайне

тяжелые условия мира, возник миф, будто Германия не была побеждена. Ее капитуляция изображалась националистами как итог «измены» в тылу со стороны как лидеров рабочего движения (немецких большевиков), так и «верхов», плутократов, пошедших на капитуляцию перед Антантой. Уже в 1919 г. в стране возникли десятки национал-патриотических групп, ориентированных на цели будущего реванша, тесно связанных с различными организациями и объединениями фронтовиков. Немецкая рабочая партия, в которую в 1919 г. вступил Гитлер, была одной из таких групп, арена ее деятельности ограничивалась Мюнхеном. В 1919 г. в ней состояло не более 100 человек, а в 1920 г., когда партия начала издавать свою газету «Фелькишер беобахтер», - не более 3 000 человек¹. В принятой тогда же программе партии, переименованной в НСДАП (национал-социалистическая немецкая рабочая партия), клеймились «изменники»-плутократы, выдвигались антисемитские и «патриотические» лозунги, содержались требования экспроприации нетрудовых доходов, передачи концернов государству, обобществления и передачи мелким торговцам универсальных магазинов, крестьянству - помещичьих земель.

В 1921 г. НСДАП создала свои штурмовые отряды, ее единоличным лидером («фюрером») стал Гитлер. К 1923 г. в партии было уже 56 тыс. членов. То, что этой партии удалось выделиться среди многих других сходных группировок, поглотить их, объясняется, скорее всего, умением использовать особо беззастенчивые методы социальной демагогии, а также весьма жесткими действиями в пользу «закона и порядка» против поддерживающей Компартию Германии части рабочего движения, что не могло не привлечь к НСДАП симпатии властей. С точки зрения «верхов» Веймарской республики, КПП представляла собой намного большую угрозу демократии, чем НСДАП.

В 1923 г. КПП пыталась вооруженным путем захватить власть (Гамбургское восстание в октябре 1923 г., рабочие республики в Тюрингии и Саксонии). В этих условиях НСДАП в ноябре 1923 г. предприняла своеобразную попытку повторить «марш на Рим» Муссолини. Расчет состоял в том, что это выступление поддержит армия и те фракции правительства, которым нужна была «сильная рука» для подавления коммунистического движения. Надежды эти оказались несостоятельными - выступления КПП уже были подавлены, правительство контролировало ситуацию в стране и не нуждалось в Гитлере для наведения порядка. В результате «фюреру» пришлось 13 месяцев провести в тюрьме, где он написал книгу «Майн кампф», позднее

¹ Мельников Д., Черная Л. Преступник номер один: националистский режим и его фюрер. М., 1991. С. 53, 55, 58.

ставшую библией германского тоталитаризма. За это время НСДАП распалась на несколько группировок, но география их деятельности расширилась, охватив почти всю страну, тоталитарные силы упрочили свои позиции. На выборах в рейхстаг в мае 1924 г. эти группировки, создав Национальный блок, получили около 2 млн голосов, а в Баварии стали второй по силе политической партией¹.

Выйдя из тюрьмы, Гитлер активно развернул борьбу за восстановление контроля над движением. В 1926 г. в партии состояло всего 17 тыс. человек, в 1927 г. - 40 тыс., в 1929 г. - 120 тыс.² За это время в НСДАП были созданы территориальные и производственные ячейки, организации для работы с различными слоями населения.

Переломными для фашизма в Германии стали 1929-1932 гг. Разразившийся мировой экономический кризис с особой силой проявился в этой стране, еще не оправившейся от последствий поражения в Первой мировой войне.

Быстрое падение популярности правительства и традиционных политических партий сопровождалось, с одной стороны, ростом влияния КПП, призывавшей обеспечить выход из кризиса за счет установления в Германии диктатуры пролетариата, с другой - усилением воздействия на массы НСДАП, которая предлагала стране режим сильной личности - Гитлера, обещавшего сплотить нацию на платформе национал-социализма. Развитие событий начала 1930-х гг. показало, что влияние НСДАП росло быстрее, чем КПП. В 1928 г. национал-социалисты получили на выборах в рейхстаг всего 800 тыс. голосов, в 1930 г. - 6 400 голосов. На президентских выборах 1932 г. выдвинувший свою кандидатуру Гитлер имел во втором туре 13 млн голосов (победивший на выборах Гинденбург - 19 млн; кандидат от КПП Тельман - 3,7 млн). Такую же поддержку избирателей НСДАП получила на парламентских выборах в июле 1932 г. (свыше 13 млн голосов, КПП - около 5,3 млн)³.

Идеи создания коалиционного правительства с участием лидеров НСДАП обсуждались партиями «центра» с 1930 г. Однако «фюрер», не желая делить власть, выдвигал неприемлемые требования для возможных партнеров, выжидая еще большего их ослабления. Когда стало ясно, что НСДАП проходит пик своего влияния, ситуация изменилась. Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, в его кабинет вошли также представители наиболее близких по идеологии с национал-социалистами партий (националистов и Стального шлема).

¹ Мельников Д. Л. Черная. Указ. соч. С. 96.

² Германская история в новое и новейшее время. Т. 2. М., 1970. С. 132.

³ Там же. Т. 2. С. 142, 143, 157, 161, 166, 169

Поджог рейхстага 27 февраля 1933 г., приписанный коммунистам и давший основание объявить КПГ вне закона, аннулировать полученные ею на состоявшихся 5 марта выборах мандаты и поддержки партиями центра предложения о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, открыли путь очень быстрой консолидации тоталитарного режима. В том же году были запрещены все партии, кроме НСДАП, вся оппозиционная и независимая печать; антифашисты брошены в концлагеря. Тогда же было покончено с самоуправлением земель, штурмовые отряды НСДАП частично ликвидированы, частично слиты с государственным репрессивным аппаратом. С момента создания Генерального совета немецкого хозяйства экономика также начала переходить под контроль государства. В 1934 г. были совмещены посты президента и рейхсканцлера, что окончательно означало утверждение тоталитарной структуры власти.

И в Германии, и в Италии крупные собственники, опасаясь роста влияния коммунистов, повторения советской модели развития, разочарованные в способности традиционных партий, которые ориентированы на буржуазно-демократические ценности, обеспечить выход из кризиса, оказали поддержку фашизму. Это, однако, не означает, что фашистские режимы послушно выполнили полученный «социальный заказ» и оказались простым орудием крупных собственников.

Следует отметить, что социальной опорой фашистских движений были люди, принадлежавшие к разным слоям (рабочие, крестьянство, люмпен-пролетарии, городские и сельские мелкие буржуа), которых объединяло стремление в условиях кризиса обеспечить себе гарантированное существование, повысить уровень жизни, в первую очередь, за счет перераспределения общественного богатства, экспроприации прибыли крупных собственников, а затем - грабежа других народов. Не удовлетворив хотя бы частично эти стремления, фашизм не смог бы устранить коммунистов и социалистов с политической арены, поставить массы под свой контроль. Важно уяснить - фашизм вышел за рамки капитализма, доказав, что альтернативой последнему может быть отнюдь не только пролетарская диктатура.

Первые шаги, предпринятые в Германии, были направлены на ликвидацию безработицы за счет субсидирования государством общественных работ и программ создания новых рабочих мест, введение налоговых льгот мелким собственникам - потребовали средств, которые государство получило за счет «аризации» экономики, т.е. экспроприации собственности евреев (евреи составляли примерно 1/15 численности буржуазии в Германии, неарийцы в целом - 1/4), включая банки и предприятия, национализированные государством и частично переданные германским банкирам и промышленникам.

Фактически режим подкупил значительную часть населения и выиграл время для проведения более глубоких перемен в обществе.

В 1934 г. в Германии были ликвидированы штурмовые отряды, их руководство во главе с Э. Ремом уничтожено. Тем самым люмпенские слои, которые составляли костяк этих отрядов, с трудом подчинявшиеся дисциплине, представлявшие своего рода «вольницу», способную к неожиданным акциям, были приведены к беспрекословному повиновению.

Еще более мощный удар был нанесен по верхушке буржуазии. Согласно закону «О подготовке органического построения народного хозяйства» от 27 февраля 1934 г. было создано шесть имперских хозяйственных групп (промышленности, торговли, энергетики, ремесла, банков, страхового дела). Страна была разделена на 18 хозяйственных округов, все предприятия включены в соответствующие отраслевые и территориальные объединения, которые распределяли заказы, кредиты, поставки сырья, определяли уровень цен и зарплаты, номенклатуру выпускаемой продукции. Над всей этой структурой стояло министерство экономики.

Результатом реформы стало создание системы тоталитарного бесправия. Рабочие лишались права на забастовки, на свободный выбор места работы и жительства, выезда за границу; продолжительность рабочего дня устанавливалась чиновниками. Большинство предпринимателей заняли руководящие посты в управлении экономикой, но и они утратили былые привилегии. Количество нанимаемых работников, уровень зарплаты, цены на продукцию (порой ниже издержек производства), возможность экспортировать ее, получать сырье - все определялось чиновниками, которые имели право принять решение о закрытии предприятия либо его перепрофилировании.

Рынок капиталов, товаров, рабочей силы практически перестал существовать, примерно 80 % производимой продукции являлось госзаказом. Высокие прибыли собственников существовали только на бумаге, и разного рода поборы обеспечивали их перекачку в казну тоталитарного государства.

Для предпринимателей, выпускавших военную продукцию или участвовавших в программе «ариизации», были установлены привилегии: в их распоряжении оставалось до 15 % дохода на вложенный капитал и 25 % прибыли. Для всех остальных предельный уровень дивидендов на вложенный капитал был установлен на уровне 6-8 %. Излишки сверх этого уровня должны были вкладываться в бумаги государственных займов или жертвоваться на фашистскую партию. Кроме того, за счет прибыли в штате предприятий было необходимо содержать представителей партии, профсоюзов, государственных контролеров качества - не менее 15 % рабочей силы.

В итоге подобной политики реальная зарплата не сократилась, но и не возросла, хотя продолжительность рабочего дня и интенсивность труда увеличились. В то же время доля национального дохода, которая шла на личное потребление граждан, упала на 20 % в основном за счет ограничения доходов лиц со средним и высоким уровнем жизни. Высвободившиеся средства были направлены государством прежде всего на осуществление программ милитаризации. Созданная в Германии социально-экономическая система, собственно, уже не была капитализмом, поскольку государство вступило на путь централизованного распределения рабочей силы, узурпировало право распоряжаться капиталом, средствами производства, сделав их собственниками лишь номинальными владельцами.

Источником власти и влияния стало не обладание собственностью, а положение в иерархическом механизме власти, принадлежность к партийно-государственной бюрократии, высшие позиции в которой отнюдь не были гарантированы представителям ведущих финансово-монополистических групп дофашистской Германии. В любом случае высшие посты, а значит, и право принимать решения, принадлежали бонзам НСДАП, ближайшему окружению Гитлера. Не монополии подчинили себе государство, а государство - монополии.

На первый взгляд, подобный режим, если он ущемлял интересы всех основных социальных слоев и классов общества, вообще не мог существовать или же держался с помощью террора и репрессий. Последние, несомненно, играли свою роль, поскольку из-за террора, исключавшего возможность открыто выразить несогласие, не подвергая свою жизнь опасности, формировался определенный поведенческий стереотип, давший людям возможность выжить. Однако не только посредством террора держались тоталитарные режимы, были и иные, более важные факторы их живучести. Тоталитарный режим требует беспрекословного повиновения, принятия утвержденных им норм поведения и идейных воззрений, вторгается и в сферу личной жизни; права даруются государством и им же могут быть отчуждены. Взамен предполагается стабильно обеспеченное (хотя бы на минимальном уровне) существование и определенная система положительных стимулов, важнейшим из которых выступает возможность продвижения по ступеням тоталитарной иерархии, что связано с обретением дополнительных прав и доступа к материальным благам. При этом свобода выбора для индивида, в том числе и свобода отказаться от использования предложенных ему льгот, практически отсутствует либо рассматривается как вызов режиму. Тоталитаризм шел на смену демократии в тех случаях, когда люди разочаровывались в демократических «правилах игры» в условиях разрухи, кризиса, предпочитая личной свободе опеку власти. При этом менялись и

понятия справедливости: все более оправданным начинало казаться уравнилельное распределение. Добровольно становясь рядовым организованным по армейскому принципу общества, гражданин ожидал, что при безупречном выполнении обязанностей, вытекающих из принятых идеологических догматов, он будет автоматически поощряться, продвигаться по служебной лестнице.

В утвердившемся тоталитарном обществе, строго говоря, нет стабильного господствующего класса, нет социального разделения. Есть лишь профессиональные группы, разделение функций. Чиновники и функционеры тоталитарной партии, конечно, имеют больше власти и привилегий, чем те, кто находится на нижних этажах пирамиды. Тем не менее их право распоряжаться собственностью не является ни пожизненным, ни наследственным.

В тоталитарной системе, по сути, не может быть разделения властей, поскольку на всех уровнях и во всех своих ипостасях власть едина: это одна и та же партия, возглавляемая одним вождем. Все искусство политики сводится к технологии осуществления власти и проведению бюрократической интриги. На всех этажах пирамиды и между ними (чем ближе к вершине, тем острее) идет борьба за власть, которая используется вождем как средство обеспечения жизнеспособности тоталитарного механизма. Периодически «перетряхивая» кадры, обеспечивая продвижение «добропорядочных граждан» наверх, они ограничивают возможности коррупции, обогащения бюрократии, создавая в то же время дополнительные стимулы «лояльного» поведения для тех, кто находится на нижних этажах власти.

Завершенный тоталитаризм создает «бесклассовое общество»: это общество - государство, иерархическая пирамида, основу которой составляют рядовые граждане, чья жизнь регламентируется установленными свыше нормами. Эксплуатация сохраняется лишь в том смысле, что созданный работником прибавочный продукт присваивается государством и направляется на реализацию проектов, осуществляемых, естественно, в высших интересах нации (общества).

В Германии, так же как и в Италии, процесс завершения строительства тоталитарного общества был прерван их поражением в войне. Здесь не была до конца стерта (хотя и стала символической) грань между собственником и управляющим, не вся собственность успела стать государственной. Особенность тоталитарной системы состоит в том, что люди, которые в силу своего происхождения, образования, взглядов отвергали тоталитарную идеологию и нормы поведения или же по каким-то признакам воспринимались как «враги», становились как бы вне закона и вне тоталитарного общества. Они могли подвергнуться физическому уничтожению, оказаться в положении рабов, обреченных заниматься принудительным трудом. Тотали-

тарные идеологии должны обосновывать единство управляемых и управляющих, однако из этого не вытекает их тождества. Идеологическая формула гитлеризма: одна избранная нация - одна партия - один фюрер. Для фашизма «врагом» внутри Германии были, по определению, национальные (неарийские) меньшинства, а также те немцы, которые «плохо служили» национальной идее в нацистской упаковке. Вовне - опять-таки по определению - все нации, которые отвергали претензии тоталитарного режима Гитлера на то, чтобы от имени «высшей» арийской расы руководить миром.

Таким образом, главный враг оказывался не внутри, а вне страны, идеология обосновывала и требовала проведения активной экспансионистской, захватнической политики, что вполне закономерно: нацизм и возник как движение реванша за поражение в Первой мировой войне. Метод гитлеровского режима - обещать людям многое, требовать от них сверхусилий и жертвенности ради высших целей. Германский тоталитаризм сделал ставку исключительно на подготовку к войне, на обеспечение благополучия немцам за счет покорения других народов.

Германские промышленники и военщина увидели в Гитлере личность, способную говорить «на языке народа», но преданную интересам капитала. Они готовили кадры вождей через различные кружки и курсы. Ефрейтора Гитлера заметили в 1919 г. и зачислили на курсы пропагандистов рейхсвера Баварского военного округа. Став офицером-пропагандистом, он «стажировался» в пропаганде милитаристского реваншизма. Гитлер участвовал в пресловутом антиреспубликанском генеральном путче Людендорфа - Каппа, по заданию военщины внедрился в ряды германской рабочей партии - предшественницы гитлеровской НСДАП. Интеллектуальному уровню недоучки - будущему фюреру - соответствовало крайне примитивное объяснение всех мировых проблем борьбой рас, фанатичная проповедь превосходства «арийской» расы и ее права на господство, решительное отрицание гуманистических ценностей, непомерное восхваление любого насилия.

Именно люди с такими низменными качествами получали поддержку и протекцию монополистических кругов и военщины. В них данные группы видели тип «сильной» личности, способной на самые крайние средства борьбы за интересы капитала. «Случайно ли, что вожаками фашизма, как на подбор, оказывались и оказываются типы феноменальных подонков: люди без следа совести и морали, хотя бы буржуазной, полуманьяки, полуобразованные (хотя отнюдь не тупые) с садистским уклоном, нередко с уголовным прошлым?... Нельзя переходить к фашистской или военно-авторитарной диктату-

ре, не создавая новый тип государственного деятеля: тип политика-преступника»¹.

Фашизм, пройдя все стадии своего развития, завершился крахом, и тому способствовал ряд условий.

В Германии нацизм начался с ликвидации буржуазно-демократических свобод. Этим целям служила серия чрезвычайных декретов, приходящаяся на первые месяцы 1933 г. Всем им присваивались громкие названия: чем подлее было содержание, тем громче кричали «о благе народа и государства».

Февральский декрет, названный «В защиту народа и государства», отменял свободу личности, слова, печати, собраний. Февральский же «чрезвычайный» декрет «В защиту германского народа» наделял неограниченными полномочиями полицию и т.д.

Неслыханные репрессии обрушились прежде всех и больше всех на коммунистов. Как уже отмечалось, в ночь на 28 февраля 1933 г. гитлеровцы подожгли здание рейхстага. Сделали они это для того, чтобы получить предлог гонений на компартию. В стране развертывалась настоящая травля коммунистов. В начале марта 1933 г. гитлеровцы арестовали Э. Тельмана. Им удалось схватить находившегося в то время в эмиграции в Германии руководителя болгарских коммунистов Г. Димитрова. КПГ была объявлена вне закона. Тысячи коммунистов были убиты без суда и следствия, десятки тысяч заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Вскоре наступила очередь всех других партий, включая буржуазные. Преследованию подвергли и социально-демократическую партию; нацисты преподали им практический урок легальности и конституционности.

В декабре 1933 г. издается Закон «Об обеспечении единства партии и государства», объявляющий фашистскую партию «носителем немецкой государственной мысли». Таким образом, право на существование получила только одна нацистская партия. Она стала частью правительственной машины. Пребывание в рейхстаге и на государственной службе связывалось присягой на верность «национал-социализму».

Центральные и местные органы фашистской партии имели правительственные функции. Решение съездов партии получало силу закона. Более того, впоследствии было определено, что любое назначение на государственную должность, произведенное без согласия соответствующего органа фашистской партии, считалось недействительным.

¹ Генри Э. Заметки по истории современности. М., 1970. С. 150.

Партия имела особое устройство. Члены партии должны были беспрекословно подчиняться приказам местных «фюреров», которых (как и в Италии) назначали сверху.

В непосредственном подчинении партийного центра находились палаческие «штурмовые отряды» (СС) и некоторые особые воинские части, укомплектованные фанатичными сторонниками Гитлера.

Преступления, совершенные членами партии, рассматривались особыми судами на тайных заседаниях. Уголовные преступления чаще всего вообще сходили им с рук. «Важна преданность, - твердил Гитлер, - а если при этом сопрут что-нибудь, плевать на это».

Здесь же был принят закон о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий. Это приравнивалось к уничтожению рейхстага и остатков Веймарской конституции.

Массовый террор сопровождался гонениями против прогрессивной интеллигенции. Ее лучшие представители вынуждены были эмигрировать из страны. Тот, кто не успел это сделать, оказались в застенках гестапо. В Германии на кострах жгли книги великих писателей и ученых. Страну захлестывали волны кровавых еврейских разгромов. Зверство и варварские преступления фашистской диктатуры ужасали весь мир.

По своему обыкновению, гитлеровцы прибегли к провокации. Они возвели ее так же, как систематический обман, в регулярное оружие политики. Гитлер учил лгать народу, и притом лгать крупно, ибо мелкая ложь, как он полагал, вызывает меньше доверия.

Профессиональные союзы трудящихся Германии были распущены в мае 1933 г., средства этих союзов конфискованы. Используя опыт Италии, гитлеровцы создали собственные «профсоюзы», в которые насильно загоняли людей.

Особое место в системе репрессивного аппарата заняла тайная государственная карательная полиция - гестапо, располагавшая огромным аппаратом, значительными средствами и неограниченными полномочиями. В 1936 г. она была объединена с уголовной полицией (КРИПО) в полицию безопасности (ЗИПО). Она вместе с полицией порядка (ОРПО), включающей охранную полицию и жандармерию, а также со специальной службой порядка (СД) находилась в ведении рейхсфюрера СС Гимлера.

Мы видим здесь не одну полицию, а несколько. Гестапо подчиняется правительству. Штурмовики и эсэсовцы - партии. Одна полиция следила за другой и ни одна не доверяла другой.

Государственная власть фашистской Германии сосредоточилась в правительстве, правительственная власть - в особе «фюрера».

После смерти президента Гиндебурга 1 августа 1934 г. по постановлению правительства должность президента была упразднена, а

его полномочия передавались «фюреру», который одновременно оставался главой правительства и партии. Ни перед кем не ответственный, «фюрер» пребывал в этой роли пожизненно и мог назначить себе преемника. С этого времени Гитлер начинает планомерную работу по уничтожению всех возможных путей существования оппозиции, что было прямым воплощением программных установок нацистов и основного внедряемого ими требования - фанатичного, слепого подчинения воле «фюрера всего германского народа».

Рейхстаг сохранялся, но только для парадных демонстраций. Иногда в демагогических и внешнеполитических целях гитлеровцы проводили «народные опросы». При этом заранее объявлялось, что всякий, кто воспользуется правом голосовать тайно, будет считаться «врагом народа». Формально не отмененная Веймарская конституция прекратила свое действие.

В Германии были уничтожены органы местного самоуправления. Деление на земли, а соответственно и земельные ландтаги, упразднялось «во имя единства нации». Управление областями поручалось чиновникам, которых назначало правительство.

Значительные изменения произошли и в судебной системе Германии. Судьи руководствовались в своей работе принципом полного отрицания личных прав немецких граждан. За любой вид оппозиционной режиму деятельности незамедлительно следовало обвинение в государственной измене. С целью расправы с противниками фашистского режима в каждом судебном округе были созданы особые суды, а в 1934 г. образовалась еще одна форма исключительного суда - Народный трибунал по вопросам государственной измены. Деятельность последнего осуществлялась даже без предварительного следствия, защитников обвиняемому назначал сам трибунал, а его приговоры носили окончательный характер и не подлежали обжалованию. Кроме того, в армии действовали военно-полевые суды, выносившие ежемесячно более 10 000 приговоров. Основываясь на решениях этих судов, расстреливались все подозреваемые в измене и дезертирстве, суровым репрессиям и преследованиям подвергались их родственники.

Агрессивная внешняя политика, направленная на мировое господство, требовала, в свою очередь, сосредоточения огромных материальных ресурсов. Поэтому закономерно произошло непосредственное вмешательство фашистского государства в экономику. Как говорилось ранее, здесь интересы фашистской партии и магнатов немецкой промышленности всецело совпадали. Первым шагом к установлению тоталитарной формы правления в экономике явилось создание в 1933 г. Генерального совета немецкого хозяйства. Данный орган был призван определять общие направления развития экономики Германии.

Вторым можно обозначить, как отмечалось, Закон «О подготовке органического построения народного хозяйства» от 27 февраля 1934 г. Он воплотил нацистские идеи «фюрерства» и «самоуправления» в экономике, предписывая создание хозяйственных объединений, которые становились единственными представителями соответствующих отраслей хозяйства. Все отрасли хозяйства были поделены на «имперские группы», число которых сначала было 12, а затем сократилось до 6 (промышленности, торговли, банков, энергетики, страхования, ремесленного производства). Одновременно создавались окружные группы промышленности в хозяйственных округах - как территориальная структура управления хозяйством. Общее руководство промышленностью вначале осуществлялось Министерством имперского хозяйства. А отраслевые и территориальные промышленные группы находились под руководством «фюреров» - представителей монополистического капитала.

Начиная с 1935 г. проводилась активная милитаризация немецкой экономики, которая проявилась в следующих моментах:

- 1) налаживание массового роста производства вооружения;
- 2) подчинение всех отраслей задачам подготовки и проведения войны.

В связи с этим в 1935 г. издается секретный Закон «Об имперской обороне» и на его основе утверждается Совет имперской обороны и особое ведомство - Управление генерального уполномоченного по военной экономике.

Перевод экономики на военные рельсы, централизованное планирование ограничивали предпринимательскую инициативу, устранили конкуренцию и тормозили образование новых производств. В свою очередь, расширение военного производства приводило к росту государственного долга, непомерному увеличению налогов и обнищанию основной массы населения.

Политика тотального контроля над рабочим классом становилась основополагающей во время подготовки и ведения войны. Первым делом после захвата власти фашисты разогнали рабочие профсоюзы и создали «Немецкий трудовой фронт» как единственную официально разрешенную организацию рабочих, которая примыкала к НСДАП. В нее вошли предпринимательские союзы, а самих предпринимателей объявляли «вождями» предприятий. Они имели полное право определять условия труда, увольнять, взыскивать штрафы на основе Закона «О порядке национального труда» (1934 г.) и других впоследствии принятых нормативных актов. С 1934 г. вводился принудительный порядок набора рабочей силы для работы на военных заводах под видом выполнения задачи «особого государственного-политического значения». В 1938 г. местным органам власти было

разрешено привлекать в принудительном порядке население к любым видам работ в свободное от основной работы время. Кроме того, повсеместно закрывались торговые и ремесленные предприятия, не являвшиеся жизненно важными для военной экономики и снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости.

Всестороннее вмешательство государства в экономику, полнейшая милитаризация промышленности целенаправленно привели к пересмотру ряда институтов гражданского права. Были осуществлены попытки создания нового, так называемого «народного гражданского кодекса». Сущность этого документа базировалась на гитлеровском принципе понимания индивидуальной свободы, которая «должна быть ограничена, если она противоречит свободе нации». В ходе предлагаемых перемен намечалось убрать из кодекса понятие «правоспособность» и заменить его термином «партийный статус лица». Правоведы-нацисты хотели также отменить понятие «субъективные права» или, в крайнем случае, заменить его понятием «субъективные права члена НСРПГ».

Кроме этого, соответственно, большие изменения произошли в армии. С 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность для мужчин от 18 до 45 лет со сроком службы сначала в 1 год, а затем - в 2 года. Солдаты воспитывались в духе ярого антикоммунизма, поклонения силе и презрения к другим народам. В 1934 г. Гитлер получил полномочия главнокомандующего вместе с полномочиями президента. Он ввел клятву верности солдат и офицеров вермахта в личной верности ему и одновременной готовности пожертвовать собой ради ее соблюдения. Позже эта клятва была введена для всех государственных служащих. Гитлер ликвидировал в 1938 г. военное министерство как промежуточную инстанцию между ним и армией, превратив его из военно-политического управления в свой личный штаб верховного командования вооруженных сил (ОКБ), центральным органом которого стал штаб оперативного руководства. Кроме того, Гитлер создал мощный разведывательный аппарат секретной службы рейха. В 1941 г. был сформирован особый штаб руководства разведывательной и диверсионной работой в СССР, в ведении которого находилось 60 школ, занимающихся подготовкой агенты для разведывательной и диверсионной деятельности.

Следует заметить, что с момента своего создания гитлеровская армия стала важнейшим звеном в механизме подавления противников фашизма. Начиная с 1936 г., с издания приказа Гитлера «О применении армией оружия», армия могла активно использоваться для подавления «внутренних беспорядков».

Установив свое господство почти над всей Европой, германские фашисты развернули политику жесточайшего геноцида. Миллионы людей погибали от голода, болезней, непосильного труда и террора. Военнопленных и рабочих массами угоняли на принудительные работы в Германию. Вместе с тем первоначальные военные успехи и ограбление оккупированной Европы коррумпировали многих немцев. Одним из массово-психологических устоев нацистского режима стал отмеченный В. Руге третий компонент ослепления (наряду с демагогией и террором) - «подкуп успехом».

Мощная военно-экономическая база оккупированных государств была поставлена на службу гитлеровской Германии. Главным препятствием на пути к мировому господству оставался для германского фашизма Советский Союз. Гитлеровцы стремились не только сломить его военную силу, захватить территорию, поработить или истребить советский народ, но и уничтожить социалистический общественный строй. Гитлер заявлял, что ликвидация большевизма является целью всей его жизни и смыслом национал-социализма. Следовательно, германский фашизм своей целью ставил «защиту цивилизации от угрозы большевизма», а фактически - уничтожение СССР. План «Барбаросса» - план нападения на СССР - и генеральный план «Ост» были самыми человеконенавистническими порождениями бредовой фантазии фашистов и военщины. На эту карту ими было поставлено все. 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа.

В этой войне советский народ, на плечи которого выпала главная тяжесть борьбы против фашистской Германии, отстоял свободу и независимость своей Родины, выполнил свой интернациональный долг - спас человечество от угрозы порабощения злейшим врагом - германским фашизмом. Под ударами Советской Армии и армий стран антигитлеровской коалиции фашистский «рейх», который его создатели хвастливо называли «тысячелетним», рухнул. За 12 лет своего существования «третий рейх» причинил огромное зло народам мира, в том числе и немецкому. В ходе Второй мировой войны, в которой участвовало 61 государство, 11 млн человек было уничтожено в фашистских концлагерях, 95 млн стали инвалидами. Из 50 млн жизней, которые унесла развязанная фашистами война, наиболее тяжелые жертвы понес советский народ, потерявший свыше 20 млн своих сыновей и дочерей.

Все же возмездие настигло нацистских лидеров - они предстали перед судом народов - Международным Военным Трибуналом в Нюрнберге (открылся 20 ноября 1945 г.) и понесли заслуженное наказание. Здесь судили не просто военных преступников, пусть даже

главных, в Нюрнберге судили фашизм - политическую систему открытой террористической диктатуры, идеологию, выражающую интересы наиболее шовинистических, агрессивных кругов монополистического капитала. Нюрнбергский процесс вошел в историю как процесс антифашистский и антимилитаристский. Он способствовал раскрытию подлинных движущих сил агрессии. Международный трибунал вынес приговор не только фашистским главарям, но и всем тем силам, которые стремились и ныне стремятся к войне. В этом его огромное значение для современности. Кроме того, Нюрнбергский процесс сыграл большую роль в прогрессивном развитии международного права. Материалы процесса, приговор трибунала, принципы Нюрнберга имеют в этом отношении неоценимое значение. Впервые в истории зачинщики и организаторы Второй мировой войны, повинные в гибели миллионов людей, понесли суровое наказание. Агрессор не только потерпел поражение, но и был заклеен как военный преступник международным правосудием.

Уроки Второй мировой войны свидетельствуют о том большом значении, которое имели совместные действия великих держав в борьбе против общего врага - фашистской Германии. В этом же убеждают и уроки Нюрнбергского процесса: единство действий необходимо для достижения благородной цели - исключения несправедливых войн из жизни человечества.

Как известно, дальнейшая судьба Германии решалась следующим образом. Союзники по четырехстороннему соглашению от 5 июля 1945 г. приняли декларацию о поражении Германии, которая явилась юридической основой их законодательной и административной деятельности и создания военно-контрольного механизма управления оккупированными территориями.

В июле-августе 1946 г. состоялась Потсдамская конференция, на которой были приняты важнейшие соглашения по «германскому вопросу». Здесь же впервые была принята и обнародована программа полного уничтожения германского милитаризма и нацизма. В документе «Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начале контрольного периода» были признаны в качестве основных принципов политики союзников по отношению к Германии и закреплены следующие: демилитаризация, декартелизация, денацификация и демократизация. Контроль за реализацией Потсдамских соглашений был призван осуществлять Союзный контрольный совет (СКС), который включал главы военных администраций союзников. Решения данного органа должны были приниматься на основе консенсуса.

Не останавливаясь на расколе Германии на две части: ГДР и ФРГ и дальнейшем их объединении, а также проведенных реформах

в различных сферах жизни, отметим только, что осуществленные преобразования в политической, экономической, социальной и других сферах в Германии в последующие годы, которые позволили вывести эту страну на первые позиции в мире по многим показателям, свидетельствуют о правильности выбранного курса.

Опыт истории учит: при появлении нестабильности экономической и политической системы, возникновении внутренних или международных кризисов в буржуазных государствах может произойти изменение формы классового господства, буржуазная демократия уступает место открытой террористической диктатуре. Так было в Германии, так было и в других странах, и мы теперь хорошо знаем катастрофические последствия прихода фашистских лидеров к власти.

Главный урок разгрома фашизма - нельзя несправедливыми средствами достичь благополучия. Иллюзия достижения мирового господства вскружила голову фашистам и населению стран, которые их поддерживали. Протivoестественность и античеловечность этих идей закономерно привели фашизм к полному разгрому, к позорному финалу, а Германию - к катастрофе. Насилие рождает сопротивление. И чем больше насилие, тем сопротивление сильнее. Не может никакой «порядок» держаться на силе, на подавлении - против этого восстает сама природа человека. Такое стремление непобедимо, тогда как сопровождающая человечество на протяжении всей его истории идея мирового господства была, есть и навсегда останется иллюзией.

Однако в послевоенный период сформировалось такое явление, как «неофашизм».

С укреплением во власти в Германии фашизма он превратился в смертельную угрозу для демократических сил не только европейских стран, но и всего человечества. Агрессия фашистских держав поставила под вопрос независимость, само существование многих народов Европы, и не только Европы. Если бы фашистский блок одержал победу, под угрозой оказалась бы сама человеческая цивилизация.

Разгром фашистских держав в ходе Второй мировой войны привел к тотальному краху фашизма. Однако в некоторых капиталистических странах правящим классам удалось сохранить фашистские режимы. Период «холодной войны» с характерным для него антикоммунизмом привел к оживлению фашистских элементов. Крайне правые организации и движения, имеющие фашистский или полуфашистский характер, существуют сейчас во многих странах.

Действуя в современных изменившихся условиях, фашистские силы, естественно, принимают новое обличье. Поэтому, говоря о современном фашизме, чаще всего употребляют термин «неофашизм».

Как отмечалось, неонацизм - это определенного типа тоталитарные радикальные консервативные политические движения, политические партии и режимы, возникшие в индустриально-развитых странах - вскоре после окончания Второй мировой войны, в основном в Европе, а также соответствующая им идеология.

Важнейшие отличительные черты всех неонацистских политических течений и организаций - воинствующий антикоммунизм и антисоветизм, крайний национализм, расизм, критика ультраправых позиций буржуазных правительств (даже самых консервативных), действующих в рамках буржуазной парламентской системы; применение насильственных, террористических методов политической борьбы. Политические и идеологические позиции неонацизма отражают настроения и интересы наиболее реакционных элементов буржуазии. Используя модифицированные методы социальной и националистической демагогии, неонацисты пытаются охватить своим влиянием большую часть населения своих стран (в первую очередь мелких и средних предпринимателей, чиновников среднего уровня, некоторые прослойки молодежи и т.д.).

В неонацизме можно выделить два основных направления.

Первое представляет собой лишь слегка трансформированное фашистское движение, пытающееся сберечь все, что только возможно, из идеологии и методов германского национал-социализма и итальянского фашизма 1930-1940-х гг. К этому направлению примыкают фашистские группы и группировки в разных странах, объединившиеся вокруг международных неонацистских центров. В большинстве своем подобные организации предпочитают избегать публичности и действуют преимущественно полуконспиративными или полностью конспиративными методами. Реваншизм - реальная объединяющая сила неонацистов этого вида. Однако возможности неонацистских организаций подобного типа весьма ограничены. Слишком тесная связь с бесславным прошлым мешает им выйти за узкие пределы круга своих традиционных сторонников и привлечь на свою сторону сколь-нибудь значительные категории населения. Быстро прогрессирующий процесс «старения кадров» еще больше сужает политические перспективы подобных организаций, обрекая их на положение второсортной или третьесортной агентуры.

Гораздо большую опасность представляет другое направление в неонацизме, пытающееся использовать в своих интересах явления разложения современного капиталистического общества. Неонацистские партии и организации, примыкающие к этому направлению, обычно сочетают нелегальные или полунелегальные методы с сохранением внешней лояльности к законности и парламентским институтам. Они делают упор на современных проблемах и рекламируют

себя как организации сегодняшнего дня. Постоянно лавируя, они пытаются спекулировать на ломке традиционной социальной структуры в результате научно-технической революции и на действительных язвах капиталистической системы. К числу таких партий и организаций относятся, например, различные течения «ультра» в Соединенных Штатах, «Итальянское социальное движение» в Италии, «Республиканская партия» в Германии, «Национальный фронт» во Франции и т.д. Они заявляют, что являются правоконсервативными политическими группировками. Их социальную базу, в первую очередь, составляют маргинальные слои населения. Подобная тактика помогла некоторым из этих партий превратиться во влиятельную силу, накладывающую глубокий отпечаток на политическую атмосферу в стране. На Западе неофашизм опирается на поддержку крайне реакционных фракций буржуазии, которые используют его в качестве противовеса растущему демократическому движению и революционным организациям рабочего класса, а также рассматривают его как «пожарную команду» на случай обострения социально-политического кризиса. Поэтому неофашистские партии и организации, даже относительно немногочисленные, обычно располагают крупными финансовыми средствами и пользуются покровительством отдельных звеньев государственного аппарата. Они различны, поскольку слои возможной социальной опоры, например, во Франции, Бельгии и др., с одной стороны, а в России, Болгарии, Румынии и др., с другой стороны, различаются.

Неофашизм генетически и исторически связан с фашизмом, однако отличается от него тем, что ему приходится действовать в условиях, когда большинство стран уже имеют «прививку фашизма», т.е. опыт борьбы с ним в той или иной стране. Неофашистами созданы международные объединения типа Европейского социального движения (Мальмский интернационал), Европейской национальной партии, Мирового союза национал-социалистов и т.д.

В Российской Федерации действует несколько партий и организаций неофашистского направления.

Одной из таких организаций является Русское национальное единство (РНЕ). Появление данной организации в России 1990-х гг. было обусловлено некоторыми факторами, при стечении которых это осуществилось.

После развала СССР в России стало появляться множество организаций и объединений националистического и профашистского характера. Появление Русского национального единства не было случайным. Воспоминания о войне в Афганистане, бесконечные конфликты на Северном Кавказе, общество «Память», либерализм в свободе мышления и другие факторы оказали влияние на людей, кото-

рые были настроены неформально и сразу перестали воспринимать прошлую советскую идеологию. Резкая реакция на настроения внутри страны привела А. Баркашова и его соратников к созданию организации военно-патриотического союза молодежи, более похожего на воскреснее собрание дивизии СС «Адольф Гитлер». Поставив перед собой цель создания подобной организации, А. Баркашов знал, что по новым демократическим законам это будет всего лишь невинной шалостью безработных, пэтушников и ветеранов войны в Афганистане.

К 1994 г. РНЕ открыла свои неофициальные представительства во многих крупных городах России, принимала участие в местных выборах и занимала места в местных парламентах и правительствах. Переняв идеи, форму и символику (символом РНЕ является стилизованная правосторонняя свастика), Александр Петрович Баркашов и его соратники переняли форму действия и функционирования партии, сделав ее неким подобием войск и формирований СС. Так, например, в южных районах России РНЕ фактически заменило все существовавшие ранее молодежные организации типа ДОСААФ и ВЛКСМ.

По утверждению руководства РНЕ, сегодня официально зарегистрированы 32 организации. Своеобразные «филиалы» существуют на Украине, в Белоруссии, Казахстане и Эстонии.

Рассматривая неонацизм, следует отметить, что его распространение и заметное оживление связано с нестабильностью в политической, экономической, идеологической, культурной и других сферах жизни общества. Степень влияния неонацистских движений и неонацистской идеологии напрямую зависит от расстановки политических сил, остроты социально-политического кризиса в той или иной стране, эффективности и целеустремленности противостоящих неонацизму политических сил. Несмотря на ограниченное влияние, неонацистские организации и группы в настоящее время все же представляют серьезную опасность и в обстановке социальных и политических потрясений могут стать важной составной частью объединения всех реакционных сил.

Необходимо ясно представлять себе бесчеловечную суть и проявления фашизма самых различных форм и окрасок, чтобы противостоять ему и одерживать над ним победы.

Фашизм в значительной степени представляет собой реакцию и отчаянный оборонительный рефлекс, самой его природе присуще то, что предпосылки, на которых он базируется, являются всего лишь предпосылками, т.е. фашистские движения нуждаются больше, нежели иные политические группировки, в выдающемся вожде. Именно он аккумулирует все отрицательные эмоции, называет по имени врагов, обращает депрессию в опьянение и приводит бессилие к сознанию им своей силы. К наиболее внушительным достижениям Гитлера и относится как раз то, сколь большие перспективы сумел

угадать он в кризисе нервов и использовать их; он, как никто другой, сумел подчинить себе идеологические и динамические возможности межвоенных лет. Но с его концом все это неизбежно рухнуло, и введенные в степень, сфокусированные и вводившиеся в действие чувства немедленно вернулись к своему расслабленному, неупорядоченному первоначальному состоянию.

Каждое государство, прошедшее через фашистскую диктатуру, может назвать своего «фюрера». Эти лидеры возглавляют партии, организации и группы фашистского толка в различных странах в современных условиях, объединяя в своих рядах все больше и больше сподвижников. Поэтому необходимо крайне ответственно и критически относиться к их выступлениям, агитации в средствах массовой информации и практическим действиям; изучать причины растущей популярности, особенно среди молодежи в последние годы.

Не следует забывать, что в прошлом фашистский синдром едва ли выступал когда-либо в чистой, содержащей все его элементы форме и что всегда возможен его резкий переход в новые разновидности.

Так, левый фашист Массимо Рокка в своем раннем теоретическом исследовании «Идеи фашизма» (1924 г.) правильно пророчествовал: «И пусть враждебные фашизму идеологи не строят себе никаких иллюзий: если когда-либо фашизм падет, то на месте его сейчас же возникнет аналогичное движение, ибо это будет отвечать непреодолимым потребностям нашей эпохи: потребностям не только итальянской, но латинской и даже европейской, которая сводится к жажде дисциплины, религии, уверенности, народившейся на свет в результате длительной оргии свободы, критики, всяких сомнений и шатаний».

И действительно, анализируя политическую ситуацию в мировом масштабе, приходишь к мысли, что во многих странах существуют крайне правые организации и движения, имеющие фашистский или полуфашистский характер, количество которых растет день ото дня. Действуя в современных изменившихся условиях, фашистские силы, естественно, принимают новую форму и обличие. Поэтому, говоря о современном фашизме, чаще всего употребляют термин «неофашизм». Несмотря на некоторое ослабление позиции неофашизма в 1960-1970-е гг., он заметно активизируется и «поднимает голову» в настоящее время, продолжает упорно бороться за свое существование, остается потенциальной опасностью для политического развития ряда стран, в том числе и России. И как уже отмечалось, в обстановке социальных и политических потрясений неофашистские организации и группы представляют серьезную опасность и могут стать важной составной частью объединения реакционных сил.

Неофашизм, какое бы обличие он ни принимал, ныне не менее опасен, чем десятилетия назад. Он несет угрозу человечеству, будущему цивилизации. Народы планеты должны быть бдительны, об этом властно напоминают уроки истории. Важнейшая задача современности - эффективное и целеустремленное разоблачение данного явления, формирование стойкого мировоззрения и активной политической позиции населения, воспитание подрастающего поколения последовательными антифашистами и создание тем самым мощной силы, способной стать решительной альтернативой фашизму. Только международное единство и сплочение сторонников демократии и прогресса - необходимое условие успешной борьбы против неофашизма.

Список литературы

1. Белардинелли С. Джованни Джентиле и христианство / С. Белардинелли; Пер. с нем. Д. Атлас // *Вопр. философии*. 2001. № 5. С. 94-102.
2. Белоусов Л.С. Репрессивный аппарат режима Муссолини / Л.С. Белоусов // *Новая и новейшая история*. 1999. № 2. С. 29-43.
3. Берман Г.Д. Западная традиция права – эпоха формирования / Г.Д. Берман. М., 1997.
4. Бланк А.С. Старый и новый фашизм: Полит.-социол. очерк / А.С. Бланк. М.: Политиздат, 1982.
5. Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть: сравнит. описание. В 2 т. Т. 2. / А. Буллок. Смоленск: Русич, 1994.
6. Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма, 1933-1939 / В.А. Буханов. Свердловск, 1991.
7. Галкин А.А. Германский фашизм / Отв. ред. Б.И. Коваль. 2-е изд. / А.А. Галкин. М.: Наука, 1989.
8. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления / А.А. Галкин // *Полис*. 1995. № 2. С. 6-15.
9. Галкин А.А. Фашистский идейный синдром: генезис германского варианта / А.А. Галкин // *Вопр. философии*. 1988. № 11.
10. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство: Пер. с болг. / Ж. Желев. М.: Новости, 1991.
11. Кузнецова Е.Н. Тоталитарный политический режим: теория и история / Е.Н. Кузнецова // *Сов. государство и право: проблемы развития*. Самара, 1992. С. 79-86, 67, 82.
12. Макарова Л.М. Буржуазные исследователи о проблеме единства личности и государства в фашистской Германии / Л.М. Макарова // *Актуальные проблемы историографии всеобщей истории*. Сыктывкар, 1990. С. 99-109.

13. Мелентьева Н. Фашизм как «стиль»: Анализ политологических концепций немецкого историка и социолога Армина Мелера / Н. Мелентьева // Элементы. 1993. № 4. С. 55-61.
14. Мельников Д.Е. Империя смерти: Аппарат насилия в нацистской Германии, 1933-1945 / Д.Е. Мельников, Л.Б. Черная. М.: Политиздат, 1987.
15. Милза П. Что такое фашизм? / П. Милза // Полис. 1995. № 2. С. 156-163.
16. Мировое политическое развитие: век XX / Н.В. Загладин и др. М.: Аспект-Пресс, 1995.
17. Рагинский М.Ю. Нюрнберг: перед судом истории / М.Ю. Рагинский. М.: Политиздат, 1986.
18. Руге В. Как Гитлер пришел к власти: Германский фашизм и монополии / В. Руге; Сокр. пер. с нем. Г. Рудого. М.: Мысль, 1985.
19. Драбкин Я.С. Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Я.С. Драбкин, Н.П. Комолова и др. М.: Памятники исторической мысли, 1996.
20. Трагедия Чили: Материалы и документы. М.: Политиздат, 1974.
21. Устрялов Н.В. Итальянский фашизм / Н.В. Устрялов. М.: Вузовская книга, 1999.
22. Христианство и тоталитарные вызовы XX столетия: на примере России, Германии, Италии и Польши: Материалы конференции // Вопр. философии. 2001. № 5. С. 33-102.
23. Черкасов Н.С. ФРГ: «Спор историков» продолжается? / Н.С. Черкасов // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 171-184.

Лоббизм. Понятие и способы регулирования

Из средневековой латыни пришло в английский язык слово «лобби». Первоначально оно употреблялось для обозначения проходов или крытых галерей в монастырях, в 40-х гг. XVIII в. так называли вестибюль и два коридора в здании Палаты общин британского парламента, куда депутаты ходили голосовать и где они имели возможность встречаться с другими заинтересованными в их деятельности лицами, которые не допускались на пленарные заседания этой палаты.

Если говорить об американской истории лоббизма, то возникновение термина зафиксировано в 1808 г. в протоколах конгресса десятого созыва. Американский автор Уэнди Росс утверждает, что лоббизм обязан своим существованием принятой в 1791 г. первой поправке к Конституции США. Именно данная поправка провозгласила право народа «мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб». Благодаря этому праву различные группы населения стали посылать своих ходатаев в конгресс, чтобы те в кулуарах «хватали за пуговицы» конгрессменов «Капитолия» и доводили до их сведения требования данных групп. Таким образом Америка получила не только новый политический термин, но и профессию – лоббист.

Основные причины возникновения лоббизма прежде всего кроются во множественности интересов различных группировок внутри самого правящего класса, а также промежуточных социальных, профессиональных групп. Очевидно, что, по мере того как государство брало на себя все более активную роль во всех сферах жизни, представители этих групп стали все чаще обращаться к государственным органам власти, пытаясь воздействовать на них в собственных целях. Так возник лоббизм в современном мире.

Термины «лоббизм» и «лоббист» имеют в настоящее время определенные особенности. Н.Г. Зяблук выделил их в четыре основные группы:

1. В общепринятом смысле под лоббизмом обычно понимается совокупность средств и методов воздействия на органы государственной власти, применяемых различными заинтересованными группами (предпринимательскими союзами, корпорациями, профсоюзами и другими общественными организациями) с целью до-

добиться от этих органов благоприятных для себя решений. Этот лоббизм является наиболее распространенным.

2. В практической политике лоббизм используется и в отношениях между исполнительной и законодательной властями: когда правительство, направив в парламент законопроект, встречает там сильное противодействие и вынуждено предпринимать лоббистские по характеру усилия, чтобы добиться от депутатов нужного решения. Но существует и обратный процесс, когда уже парламент по тому или иному поводу оказывает давление на исполнительную власть.

3. Понятия «лоббизм» и «лоббист» могут употребляться в узком (прямом) и широком (переносном смысле слова). Так, в узком смысле лоббизм – это профессиональная деятельность определенных организаций или должностных лиц в организациях, которые постоянно или периодически выступают в роли лоббистов. В широком смысле лоббистом называют любое должностное лицо, будь то президент корпорации или министр, если оно предпринимает действия, которые можно квалифицировать как лоббизм.

4. С юридической точки зрения лоббистом в США считается любое лицо, зарегистрировавшееся в таком качестве согласно действующему закону о регулировании лоббистской деятельности.

При существовании огромного количества определений этого института хотелось бы выделить определение В. Павлова, которое наиболее точно подчеркивает тонкости данного термина: «Лоббизм – это специфический институт политической системы, с помощью которого различные общественные и коммерческие организации воздействуют на процесс принятия государственных решений в пределах конституционных полномочий граждан участвовать в управлении делами государства, предусмотренных конституцией. Лоббистская группа – это организация, которая защищает определенные материальные, духовные или другие интересы с помощью оплачиваемых сотрудников (агентов), нанятых для воздействия на законодательный процесс»¹.

Таким образом, выяснив подходы к определению понятия лоббизма, перейдем к раскрытию форм и методов лоббистской деятельности.

Лоббизм соответствует национальному облику своей страны. Так, в США в декабре 1995 г. был принят закон об открытости лоббизма. Он призван урегулировать лоббистскую деятельность на юридических началах, ликвидировать лазейки в практике лоббизма. Закон требует, чтобы лоббисты указывали своих клиентов, опреде-

¹ Павлов Е. Есть ли в России лоббизм // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 19.

ляли специфику деятельности и рассказывали, сколько платят им и сколько платят они. В то же время он ориентирован на то, чтобы этот правовой институт был понятен индивидам, на защиту интересов которых он был направлен.

Вступление в действие закона привело к тому, что число зафиксированных государственными органами лоббистов к весне 1996 г. увеличилось в два раза и достигло почти 40 000 тыс. человек¹.

Во Франции в 1884 г. был принят закон о свободе союзов, который способствовал защите «цеховых интересов» лоббистов. Фактически последние представляли перед политиками своих патронов – «королей» сахара, табака, стали. В настоящее время во Франции более 1 500 таких групп, имеющих в основном профессиональный профиль. Новый шаг к признанию статуса лоббистов в стране был сделан в 1981 г., когда голлистская партия, находившаяся у власти 23 года, проиграла парламентские выборы.

Традиции французского парламентаризма заключаются в том, что депутаты обязательно выражают чьи-то интересы, столь же обязательно при этом заявляют, что стоят лишь на защите интересов народа. Лоббистов они называют экспертами, а технику лоббирования предпочитают выбирать и осуществлять самостоятельно. 69 % французских чиновников считают, что лоббисты могут выступать как посредники, но 49 % признают, что они не могут определять характер политического решения ни на каком уровне. Лоббист должен изготовить «продукт», который может и не понадобиться заказчику. Таким образом, процесс легализации лоббистских функций во Франции не отвечает потребностям времени и во многом отстает от аналогичного процесса в США.

Более весомые позиции занимают лоббисты в Великобритании. В Лондоне функционируют около 40 относительно небольших лоббистских фирм, цель которых – влиять на законодателей и журналистов. В Великобритании депутат парламента должен ежегодно официально отчитываться о своих доходах, это заставляет его предпочесть юридически регламентированные контакты с лоббистами.

Лоббизм в Японии отличается своими особенностями. Его представители опираются на власти области той страны, в которой заинтересованы их хозяева. Так, лоббистское представительство концерна «Тойота» добилось для него создания свободной торговой зоны в штате Кентукки (США), что привело к продаже автомобилей с наименьшими для концерна затратами. В то же время японские лобби находят подходы и к высшим властям других стран. В конце

¹ Аравина М.И. Ю.Ю. Кузнецов Лоббизм: национальные образцы и степень социальной приемлемости // Сопис. 2000. № 9. С. 61.

1989 г. бывший президент США Р. Рейган совершил визит в Страну восходящего солнца, где сделал доклад, гонорар за который составил 2 млн долларов. Это рассматривалось наблюдателями как скрытая оплата прежних услуг. Кроме того, в США укрепляют свои позиции японские банки, создаются целые «мыслительные центры», и все это при ключевой роли лоббистов.

При всех историко-культурных и правовых различиях, характерных для лоббистов любой страны, в их деятельности есть много общих черт. Бернар Ле Грель в своей книге «Профессия лоббиста» выдвинул пять золотых правил лоббирования: «20 % – права, 20 % – политики, 20 % – экономики, 20 % – дипломатии и 20 % – коммуникаций»¹.

В период демократических преобразований в России возникают новые проблемы во взаимодействии государственной власти и экономики, власти и личности, которые приобретают особый характер из-за провозглашенных в конституции целей создания социального государства, формирования рыночной инфраструктуры. Это, в свою очередь, устанавливает новые отношения между органами государственной власти и экономическими образованиями (финансово-промышленными группировками, крупными предприятиями, корпорациями), т.е. речь идет о создании благоприятной управленческой и правовой среды для рыночной экономики, ряда социально-политических институтов, в том числе и лоббизма.

С начала 90-х гг. XX в. российский лоббизм открыто развивается, необходимые для этого условия (расслоение общества на значительное число страт и расширенный доступ к власти) уже созданы.

Говоря о лоббизме в России, следует отметить, что он носит неформальный, теневой характер. Лоббизм не признается официально, не разработан правовой статус этого института, лоббистов и их клиентов, из-за чего Россия сталкивается сегодня с проблемами, которые стояли перед западными демократиями в середине XX в.

Одним из главных недостатков лоббизма является «проблема уклонов», когда наиболее обеспеченные граждане, образуя свои объединения и аккумулируя значительные официальные средства, оказывают более сильное влияние, чем социальные движения и группы. Ассоциации бизнесменов сориентированы на оказание долгосрочного влияния на законодательство. Благотворительные, культурные и досуговые организации часто оказываются вне зоны внимательного отношения со стороны властей.

¹ Цит. по: Аравина М.И., Кузнецова Ю.Ю. Лоббизм: национальные образцы и степень социальной приемлемости. С. 58.

Вторая проблема лоббизма - взяточничество. В XIX в. она была особенно острой – конгрессмены откровенно брали взятки за политическое покровительство. В середине XX в. такие случаи тоже имели место, но это уже вызывало громкие скандалы, часто стоившие законодателям их кресла.

Эти основные недостатки, свойственные лоббизму, до конца преодолеть никогда не удастся, возможно лишь держать их под контролем и регулировать.

Одной из положительных сторон лоббизма является то, что он заставляет конкурировать большинство с меньшинством за влияние на ветви власти. Избирательное право не дает почти никаких шансов меньшинству для удовлетворения его интересов. Лоббизм же позволяет реально обеспечить интересы меньшинства, служит инструментом самоорганизации гражданского общества, с его помощью мобилизуется общественная поддержка какому-либо законопроекту, оказывается реальное влияние на политику. Лоббизм позволяет расширить информационную поддержку принимаемых решений, лоббисты обеспечивают органы государственной власти потоками информации по тому или иному вопросу, вносимому на парламентские слушания. При обсуждении сталкиваются и конкурируют различные интересы; власти, выступая в роли судей, убеждаются в том, что приоритетно, а что второстепенно.

Таким образом, лоббизм выступает средством достижения компромисса между разнообразными интересами, инструментом их примирения.

В России на сегодняшний день существует несколько десятков могущественных в политическом и финансовом смысле группы, основным методом влияния которых являются «крутящиеся двери» - когда чиновники федеральной власти, уходя в отставку, возглавляют финансово-промышленные группы, занимаются лоббированием, а затем вновь возвращаются в политику. Эти группы концентрируют в своих руках контроль за той или иной частью экономики и политической системы. Одновременно со становлением групп образуются структуры, призванные формировать их интересы, содействовать реализации, оказывать давление на правительство.

Российские группы давления – это прежде всего конгломераты торгово-финансовых и промышленных объединений. В новых секторах экономики формируются лоббистские группы, однако они не имеют прямого представительства своих интересов, поэтому приходится строить сложные лоббистские институты, привлекать иногда несколько тысяч членов, чтобы быть услышанными. Так, Российскому союзу промышленников и предпринимателей, возглавляемо-

му А. Вольским, для «весомости» пришлось привлечь более 300 тыс. членов.

Цели российских и американских лоббистов схожи, но форма воздействия отлична. Российские аграрии добиваются своего преимущества благодаря партийно-политической и электоральной силе воздействия. Ассоциации российских банков лоббируют во всех ветвях власти одновременно. Но ни одна из лоббистских групп России не стала похожа на западные группы давления, так как не обладает одновременно экономическим весом, экспертными возможностями, определенной совместимостью с политической властью.

В целом же рассматриваемый институт лоббизма является неотъемлемой частью развитого государства. В течение нескольких лет Государственная Дума РФ разрабатывает законопроект «О регулировании лоббистской деятельности». В октябре 1995 г. законопроект был внесен на пленарное слушание, но не был принят из-за отсутствия необходимого кворума. Принятие закона отнесено на неопределенное время.

Целями законопроекта являются: помощь в реализации прав граждан на участие в управлении делами государства воздействием на процесс принятия решений органами государственной власти; правовое регулирование взаимодействия юридических лиц и их представителей, осуществляющих коммерческую и некоммерческую деятельность с федеральными органами государственной власти.

Законопроект распространяется на лоббистскую деятельность в отношении федеральных органов как законодательной, так и исполнительной власти. По мнению разработчиков, лоббистами не могут быть лица, занимающие должности в федеральных органах власти, иностранцы, лица без гражданства или с двойным гражданством, лица, имеющие судимость за уголовные преступления, лица, не имеющие высшего образования, недееспособные¹. Однако по тексту законопроекта возникают некоторые вопросы. Так, в нем проведено четкое отличие лоббистской деятельности от иных форм участия граждан в управлении государством (референдума, деятельности партий и т.д.).

Американские законы 1946 и 1995 гг., послужившие образцом для составления российского законопроекта о лоббизме, более конкретны. Например, клиентом по представленному законопроекту может быть только юридическое лицо, обязательно негосударственное, а лоббистом — только физическое лицо. В США самыми эффективными и в то же время законопослушными лоббистами являются юридические (лоббистские) фирмы. Право регистрироваться уста-

¹ Механизм регулирования лоббистской деятельности в современной России (Материалы «круглого стола») // Государство и право. 1998. № 1. С. 101.

новлено для них законодательно, поскольку считается, что их так проще контролировать.

В отечественном законопроекте допускается лоббистская деятельность без вознаграждения, на добровольной основе. В то же время профессиональным признаком лоббиста в демократических странах является получение вознаграждения за свою деятельность. Думается, что это правильно. Речь идет об услуге, далеко не ординарной. Ряд предусмотренных ограничений на занятие лоббистской деятельностью, на наш взгляд, мало обоснованы. Так, не ясно, по какой причине лица, не имеющие высшего образования, не могут лоббировать. Лоббист – не эксперт и не должен обладать специальными знаниями.

Работа над усовершенствованием законопроекта продолжается. В мае 1997 г. в Московской высшей школе социальных и экономических наук состоялось заседание «круглого стола» на тему «Механизм регулирования лоббистской деятельности в современной России», в котором приняли участие специалисты в области права, политологии, социологии.

Участники «круглого стола» отметили, что проблема лоббизма является одной из самых актуальных в современной России и находится вне правового пространства и законодательного регулирования. Размеры лоббизма в сегодняшней России не имеют аналогов в мире и в истории. В условиях неразвитости политико-правовой системы и несовершенства представительной власти лоббизм становится основной формой представительства интересов, но при этом находится вне внимания государственных органов, прессы, общественности и закона.

Однако механизм взаимодействия общества и власти в процессе принятия политических решений сегодня не публичен, коррумпирован и хаотичен; каналы влияния на органы государственной власти монополизированы сильнейшими группами давления, а целый ряд общественных движений и организаций не имеют возможности донести свои интересы до властей.

Правовое регулирование лоббизма позволит существенно снизить уровень криминализации процесса взаимодействия представителей различных групп интересов с представителями власти, обеспечит гласность и открытость принятия важнейших государственных решений.

Вместе с тем в США и странах Западной Европы принятые законы о лоббизме явились естественным результатом развития политической системы. А в нашем случае встает извечный вопрос: станет ли рассматриваемый закон всего лишь юридическим закреплением уже существующих структур и механизмов влияния на процесс при-

нятия решений, то есть закреплением «дикого» лоббизма, или, принимая данный закон, Государственная Дума тем самым устанавливает систему не присущих российской практике политических отношений? В этой связи возникает еще один вопрос: насколько эффективным может оказаться закон о лоббизме, не останется ли он лишь на бумаге, никак не отразившись на политической ситуации в целом?

Другой негативной стороной принятия закона является то, что законопроект рассматривают в период, когда не решены многие важные социальные проблемы, а лоббистская деятельность, как показывает опыт, преследует узкие, частные интересы крупных капиталов, в результате чего могут быть проигнорированы интересы общественных организаций, так как последним в большинстве случаев придется рассчитывать на услуги лоббистов, которые согласны работать за символическое вознаграждение. В итоге может возникнуть опасность того, что лоббирование в интересах узких слоев населения может отвлечь депутатов от решения серьезных социальных вопросов и тем самым вогнать нашу страну в еще более кризисное состояние. Тем не менее трудности в попытке законодательно регламентировать лоббистские контакты ни в коей мере не снижают значимости принятия закона о лоббизме. Вопрос состоит только в том, что само понятие лоббизма и его проявления в российской действительности гораздо шире и многообразнее и вряд ли могут поддаваться законодательному регулированию в полном объеме.

Практика лоббирования при всех ее теневых сторонах содержит в себе важные позитивные элементы. В современной России, где парламентские формы правления находятся на стадии становления, а оппозиция в лице различных фракций и групп в Государственной Думе слабо структурирована, депутаты испытывают сильные односторонние давления со стороны министерств и ведомств. Нередко ценные предложения или насущные требования избирателей, организаций и ассоциаций вообще не выносятся на обсуждение. Создание различных групп давления или заинтересованных групп могло бы стать мощным рычагом преодоления такого положения.

Лоббизм как система неправительственных организаций или групп защиты общественных интересов на местном уровне в нашей стране может сыграть несомненную позитивную роль. Он может способствовать формированию системы общественного самоуправления, позволит при определенных условиях эффективно решать социально-экономические проблемы на уровне города, района, микрорайона.

Представляется важной роль лоббизма в нашей стране и при обсуждении важнейших общегосударственных законопроектов (о

собственности, о земле, о хранении ядерных отходов и т.д.), а также на уровне исполнения общегосударственных законов министерствами и ведомствами.

Список литературы

1. Аравина М.И. Лоббизм: национальные образцы и степень социальной приемлемости / М.И. Аравина, Ю.Ю. Кузнецов // Социс. 2000. № 9.
2. Зяблюк Н.Г. Лоббизм и судебная система США / Н.Г. Зяблюк // Государство и право. № 8, 9.
3. Зяблюк Н.Г. Лоббизм в США как политический институт / Н.Г. Зяблюк // США. 1995. № 1, 2.
4. Лоббизм в России: этапы большого пути // Социс. 1996. № 3, 4.
5. Любимов А.П. Проблема правового формирования лоббизма / А.П. Любимов // Государство и право. 1999. № 7.
6. Механизм регулирования лоббистской деятельности в современной России: Материалы «круглого стола» // Государство и право. 1998. № 1.
7. Павлов Е. Есть ли в России лоббизм / Е. Павлов // Российская юстиция. 1998. № 8.
8. Павлов В. Лоббистскую деятельность — в рамки закона / В. Павлов // Российская юстиция. 1998. № 9.
9. Савельев В.А. США: Сенат и политика / В.А. Савельев. М.: Мысль, 1996.
10. Уэнди Росс. Лоббисты в конгрессе / Росс Уэнди // США. 1994. № 4.

Роль монопольной политической власти в распаде Союза ССР (историко-политологический аспект)

Распаду и гибели империй всегда предшествовали многочисленные причины, которые, как правило, не находились на поверхности, а их выявление требовало немалых усилий. То же самое характерно и для распада СССР. Именно этим объясняется особая сложность разработки данной проблемы.

Сама по себе масштабность темы требует от автора выбора определенного аспекта, в рамках которого только и возможно наиболее полно ответить на поставленные вопросы. Разработка темы «Роль монопольной власти в распаде СССР» позволит, на наш взгляд, сосредоточить внимание на главной причине распада Союза, ибо прежде всего во властных структурах определяется политика и осуществляется власть в масштабах всего государства.

Актуальность вопроса вряд ли может вызвать сомнения. Вот уже на протяжении десяти лет с момента распада Союза этот процесс вызывает живой интерес не только отечественных, но и зарубежных историков, политологов и юристов. Причем по многим вопросам существуют не только различающиеся, но и прямо противоположные точки зрения.

Повышенный интерес к причинам распада СССР обусловлен несколькими обстоятельствами:

1) по своему национально-территориальному устройству Россия имеет много общего с СССР, и сценарий распада союзного государства может вполне повториться на российском уровне. Чтобы предотвратить этот процесс, надо знать хотя бы основные причины, которые привели к такому финалу;

2) появилась потребность в пересмотре критериев «великой державы», акценты делаются теперь не на превосходстве военного потенциала, масштабности территории и численности населения, а оценивается уровень жизни людей, экономический, технологический и духовный прогресс общества, наличие гарантий прав и свобод человека. Все это ставит совершенно новые задачи перед субъектами власти;

3) появление значительного количества публикаций с разными подходами к проблеме требует их осмысления и критической оценки.

Это предопределило цель нашего исследования — обоснование объективности процесса распада СССР, силы и бессилия монопольной власти в этом процессе и, как результат, обвального характера распада Союза, обусловленного крушением тоталитарной системы.

Отсюда ставятся следующие задачи:

1. Выявить предпосылки формирования монопольной власти в условиях образования СССР и определить ее характер.

2. Дать анализ монопольной власти, проследить ее эволюцию и роль в распаде СССР.

3. Выявить причины неконтролируемого распада Союза и его последствия.

По данной проблематике пока нет фундаментальных работ и специальных публикаций. Поэтому при разработке темы использовались работы, в которых рассматриваются общие проблемы монопольной власти, образования СССР и его распада. Опубликованные работы облегчают нам раскрытие избранной темы исследования, так как общий фундамент образования СССР и многие причины его распада в той или иной мере нашли освещение в литературе. В частности, содержание этих работ позволило определиться в таких общих вопросах, как суть монопольной власти, был ли СССР империей, каковы теоретические основы формирования и функционирования Союза, что представляют собой характерные черты этакратизма, в чем заключались ошибки руководства в определении полномочий центра и республик и т.п.

Предпосылки формирования монопольной власти в условиях образования СССР

Государственное устройство, формы правления определяются в конечном счете целями, которые реализуются во властных структурах. В зависимости от соответствия этих целей желаниям населения страны формируются централизованные, тоталитарные или демократические государства.

СССР, как известно, представлял собой централизованное государство, закрытую систему. Официальная государственная структура Союза являлась лишь декоративным фасадом совершенно иной системы власти. Реальной властью после 1917 г. стала власть коммунистической партии, а ее структура — действительной властной

структурой государства. Между тем ВКП(б) – КПСС в малой степени соответствовала декоративной законодательной структуре Советов, но зато во многом повторяла властную структуру прежней Российской империи. В КПСС не существовало суверенных партийных организаций союзных республик. Они являлись территориальными подразделениями абсолютно единой партии на всей союзной территории.

Республиканские партийные комитеты обладали весьма незначительной политической, идеологической, финансовой и кадровой автономией. Комитеты КПСС в республиках без областного деления по своим властным функциям были практически приравнены к областным партийным комитетам – обкомам. ЦК крупных союзных республик с областным делением имели существенно больший вес в союзной партийной структуре, поскольку должны были контролировать обкомы областей, входящих в состав такой союзной республики. Но перед Политбюро ЦК КПСС, перед Генеральным секретарем они были, по существу, столь же безвластны, как ЦК небольших республик и обкомы.

В реальной властной структуре послереволюционного государства ЦК крупных союзных республик более всего напоминали администрацию наместников и генерал-губернаторов императорской России. Именно такая система управления (двух-, трехступенчатая) оказалась практически целесообразной и была воспроизведена в СССР на партийном уровне организации власти. Хотя, как и в дореволюционной России, где губернаторы стремились пренебречь промежуточным звеном администрации, партийные секретари обкомов, подчиненные республиканским ЦК, часто устанавливали с Москвой прямые связи, ослаблявшие партийную власть республик.

Партийные организации автономных республик обладали еще более узкой сферой полномочий, чем партийные организации союзных республик без областного деления. Их круг ведения не отличался от компетенции обкомов и крайкомов партии. Что же касается партийных организаций автономных областей и автономных округов, то сфера их полномочий во многом напоминала круг ведения партийных комитетов больших городов с районным делением.

В современных исследованиях по истории образования СССР делаются выводы, что СССР изначально не был союзом свободных, независимых республик, не держался на иерархии национальных республиканских суверенитетов, а строился на каркасе КПСС, руководствовавшейся принципами демократического централизма и интернационализма (с явно насильственной направленностью). Подобно тому, как на абсолютной самодержавной власти держался каркас Российской империи.

Зачем же тогдашнему руководству страны понадобилось создавать невиданное в истории эфемерное государственное образование, состоящее из нескольких «независимых» субъектов? Явилось ли это воплощением принципа самоопределения, взятого на вооружение большевиками с целью облегчить захват и удержание власти, привлечением на свою сторону национальных окраин Российской империи?

Ответы на эти вопросы мы находим у А. Авторханова в его работе «Империя Кремля». Анализируя тактику Ленина, он пришел к выводу, что она соответствовала ленинской стратегической цели. Эту цель вождь большевиков выразил в следующих словах: «Соединенные Штаты Мира являются той государственной формой объединения, которую мы связываем с социализмом»¹. Таким образом, цель Ленина – это сведение всех народов в одну суперимперию – Всемирную Советскую Республику и слияние всех наций в один интернациональный гибрид – коммунистическое человечество². Полигоном для апробации этой идеи стала бывшая Российская империя и ее народы.

В 1918 г. нерусские народы, пользуясь их правом на независимость, признанным большевиками, начали объявлять о своем выходе из состава империи и образовании независимых государств. Такие независимые государства создали Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Туркестан, Татаро-Башкирия, Северный Кавказ, Грузия, Армения, Азербайджан. Все они впоследствии, раньше или позже, были покорены, некоторые из них были присоединены непосредственно к РСФСР, другие были объявлены «независимыми» советскими республиками. До 1922 г., т.е. до создания СССР, они не подчинялись центральным государственным органам в лице РСФСР и в этом смысле считались независимыми. Однако это была фиктивная независимость, ибо этими республиками, как и РСФСР, руководил высший законодательный и контрольный орган в одном лице: ЦК партии большевиков прямо и непосредственно из Москвы, ЦК, который никогда не признавал, как в уставе партии, так и на практике, не только независимости, но даже местной автономии компартий этих республик. В подтверждение данного тезиса необходимо привести слова председателя ЦИК Закавказья Филиппа Махарадзе, заявившего на XII съезде партии в 1923 г.: «Здесь говорят о независимых, самостоятельных советских республиках... Ведь у нас одна партия, один центральный орган, который в конечном счете опреде-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 3-е Изд. Т. 18. С. 232.

² См.: Авторханов А. Империя Кремля. Минск-М. 1991. С. 12.

ляет для всех республик ... все решительно, и общие директивы, вплоть до назначения ответственных руководителей...»³.

Однако советские республики стали и впрямь считать себя независимыми. Сплошь и рядом игнорировались директивы центральных партийных органов. Назначаемых из Москвы партийных надзирателей в этих республиках вообще «отводили». Все руководящие должности в республиках занимали местные представители народов, которые интересы своих народов ставили выше общих советских интересов. Власть наркомата национальностей во главе со Сталиным на них не распространялась. Если же Сталин начинал предъявлять претензии к руководству «суверенных» республик, то возникали серьезные конфликты между Москвой и периферией¹.

Вопрос об образовании единого государства был поставлен на X съезде партии. Для обоснования решения о ликвидации «независимости» республик был найден тезис об угрозе извне. «Изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочное, ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета»².

В образовании СССР и его последующем развитии, по мнению А.М. Салмина, отразились два постоянно действующих императива: идеологический и геополитический³. Первый условно называется коммунистической идеологией. Помимо того, что подлинной, единой, централизованной системой власти была КПСС, был еще один глубокий пласт послереволюционной политической культуры – КПСС, которую рассматривали как особую, победившую, преуспевающую, но все же часть более широкой, глобальной общности (сначала Коминтерна, затем международного коммунистического и рабочего движения) с единым организующим центром.

Идеологический императив в целом выглядел примерно следующим образом. Цель КПСС (правда, весьма отдаленная) – мировое единство и взаимное поглощение всех наций. Однако средства достижения цели, по мере краха ленинского учения о мировой революции, претерпевали метаморфозы. Если в Конституции 1924 г. и говорилось о Мировой Советской Социалистической Республике, то дальнейшие события показали, что этот путь утопичен. Этапом на этом пути была аннексия Прибалтики, признанная Западом, и то

³ XII съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1923. С. 472.

¹ См.: Авторханов А. Указ. соч. С. 13–14.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. С. 557.

³ Салмин А.М. Союз после Союза: Проблемы упорядочения национально-государственных отношений в бывшем СССР // Полис. 1992. № 1–2. С. 51.

только лишь как дань выдающейся роли СССР в победе над гитлеризмом. В отношении же Восточной Европы советскому руководству стало ясно, что жить в «братском союзе» с ней придется в других формах. Пришлось пойти на более «рыхлый» союз, нашедший воплощение в *«социалистическом содружестве»* (курсив наш. — В.З.), но при руководящей роли Москвы. Здесь можно говорить о «продолжении империи» в пространстве. Выдавала истинные цели КПСС и советская символика: герб Союза, смысловой центр которого земной шар в лучах восходящего солнца. Герб какого государства претендует на такую планетарную масштабность?

Промежуточное звено этой цели — постепенное сближение наций и народностей в масштабах СССР, на основе исторически сложившегося «языка межнационального общения» — русского. Русский язык при этом не воспринимался как язык господствующей нации, так как поощрялось изучение и развитие национальных языков различных народов.

А. Салмин воспроизводит схему, которой было подчинено все многообразие этнолингвистических групп в СССР. Она включает в себя:

1. «Советских людей» (ориентирующихся, независимо от национальности, на нормы русскоязычной «советской культуры»).

2. Советских людей «коренной национальности» (статусные группы на «своих» территориях), являющихся за их пределами просто «советскими людьми», чей статус тем выше, чем прочнее они интегрированы в «советскую культуру».

3. Представителей «народностей» (т.е. общностей, уходящих корнями в докапиталистическое прошлое), язык и обычаи которых должны, разумеется, уважаться, иногда сохраняться в масштабах территории, но которым предстоит, в принципе, ассимилироваться гораздо быстрее, чем нациям¹.

С этой идеологической схемой связано постепенное становление жесткой иерархической, четырехступенной системы национально-государственного самоуправления:

- союзная республика;
- автономная республика;
- автономная область;
- автономный округ.

На практике эти четыре уровня различались в первую очередь не степенью реального самоуправления, не бюджетной самостоятельностью, а *определенным обязательным набором атрибутов культуры* (театры, академии, киностудии, радио - и телестанции, му-

¹ См.: Салмин А.М. Указ. соч. С. 37.

зеи, издательства и т. д.). Каждому уровню самоуправления соответствовал набор таких атрибутов.

Если идеологический императив видится А. Салмину как *вертикальная иерархия*, то в геополитической плоскости, по его мнению, сложилась *горизонтальная система* «концентрических кругов», формировавшаяся с 1918-1922 гг. и примерно до середины 60-х гг. прошлого века, после чего началась ее постепенная, ставшая в 1988-1991 гг. «обвальной», дезинтеграция¹.

Внутренний круг геополитического пространства, некое ядро сообщества, не должен был иметь реального самоуправления. Это ядро ВКП(б) – КПСС, а то, что получило название РСФСР, есть псевдореспублика Союза, с преимущественно декоративными органами власти и без собственной, не только партийной организации, но и без Академии наук, радио, телевидения.

Второй круг – так называемые союзные республики: формально равные друг другу и РСФСР. Все союзные республики имели общую границу с зарубежными странами. Это был своего рода «переходный блок» между ядром СССР и внешним миром.

Третий круг – страны «социалистического лагеря».

Четвертый круг – государства-сателлиты так называемой «социалистической ориентации».

Пятый круг – различного рода легальные и подпольные организации социалистического и коммунистического толка, действующие по всему миру, но не пришедшие «еще» к власти в своих странах.

Столкнувшись в 1956 и 1968 гг. с сопротивлением в Восточной Европе, тоталитарное сверхгосударство снимает с повестки дня вопрос о возможности дальнейшего расширения СССР. Сразу же начался процесс дезинтеграции сверхгосударства, проявившийся в советско-китайском конфликте. Если применить к процессу дезинтеграции физическую теорию «центрифуги», то становится понятным один из множества объективных факторов распада СССР.

Совокупное воздействие идеологических и геополитических факторов привело к существенной внутренней реорганизации Союза. Его развитие после 1922 г. происходило по нескольким основным направлениям:

- 1) уменьшалась территория РСФСР (см. табл. 1);
- 2) резко увеличилось – с четырех до пятнадцати – число союзных республик;
- 3) в полтора раза (до 38) возросло число автономий, появилось жесткое их ранжирование.

¹ См.: Салмин А.М. Указ. соч. С. 38.

В итоге к 1991 г. это был уже конгломерат 53-х национально-государственных образований.

Такое национально-государственное устройство могло сохранить свою жизнеспособность только при реально действующей административно-командной системе правления, которая цементировала отдельные национально-территориальные образования в единое целое на основе общей идеологии, предлагавшей им всем поверить в свою независимость и равноправие, а на деле – вступить в общую игру в независимость и предать забвению реальные различия национальных интересов.

Таблица 1¹

РСФСР в СССР (1922-1989 гг.)

Год	Площадь РСФСР в составе СССР	Население РСФСР в составе СССР	Площадь русских областей РСФСР в составе СССР	Площадь автономий всей территории РСФСР	Площадь автономий на территории РСФСР в границах 1989 г.
1922	94,7 %	67,5 %	56,2 %	40,7 %	27,7 %
1989	76,3 %	52,3 %	35,6 %	53,3 %	53,3 %

Сущность монопольной власти и ее роль в создании монолитного государства

Выясним, каким же образом власть сумела создать монолитное государство и обеспечивала его жизнеспособность на протяжении почти семидесяти лет, если в основу его фундамента были изначально заложены разрушительные тенденции.

Власть, которая существовала в СССР, характеризует-ся как монопольная. Остановимся на анализе ее некоторых основных черт.

Суть монопольной власти сводилась к сосредоточению ее в руках центра, который не допускал возникновения оппозиционных групп и альтернативных линий в политике². Монополизм власти обеспечивался слиянием государственной и партийной власти в лице *партийно-государственной номенклатуры*. Захватив государст-

¹ Таблица приведена по: Салмин А.М. Союз после Союза // Полис. 1992. № 1-2. С. 39.

² Эйлин Ф. Сила и бессилие системы коммунистической власти // Полис. 1991. № 6. С. 90.

венную власть и осуществляя политическое господство, номенклатура берет всю полноту власти и в сфере управления экономикой, где становится основным собственником. Если буржуазия приходит к власти через руководство экономикой, владея собственностью, то номенклатура в СССР овладевает всей собственностью государства через захват власти и по существу превращается в самостоятельный, независимый и правящий класс¹. Став не только господствующим в политической сфере, но и имущим классом, она обеспечивает себе гарантию занятости, престиж и комфорт, полностью освобождает себя от контроля и становится неотчуждаемой и необновляемой.

Вершину этой номенклатуры составляли «директивные органы». Специфика их заключалась в том, что они не издавали законов и уж тем более не выполняли их, а давали директивы о том, какие законы издавать и как их выполнять. Директива, пущенная по инстанции, представляла собой своеобразный механизм функционирования монопольной власти.

В системе разросшейся бюрократии директивы проходили через многочисленные инстанции. Решающей инстанцией являлся ЦК КПСС. Этот орган включал в себя: пленум (весь состав ЦК), избираемый на каждом съезде партии, избираемые пленумами политбюро и секретариат ЦК, аппарат ЦК.

Подлинными, а не записанными в Конституции, высшими органами государственной власти и государственного управления были Политбюро и Секретариат ЦК. Они составляли подлинное правительство Советского Союза. В республиках власть функционировала по той же схеме, только директивными органами являлись бюро ЦК компартий.

То, что эти органы являлись высшей властью в СССР, отчетливо демонстрировалось особым статусом их во всех советских публикациях. Был введен такой порядок: в любом перечне советских руководящих деятелей сначала назывались члены и кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, причем должности этих лиц не указывались. Далее уже называли лиц с указанием должностей.

Следуя логике построения власти в демократическом государстве, где законодательная и исполнительная ветви власти разделены, можно поддаться соблазну назвать Политбюро и Секретариат ЦК, соответственно, законодательным и исполнительным органом. Однако кажущееся на первый взгляд бесцветным обозначение «директивные органы» полно глубокого смысла. Именно политбюрократия и была той правящей группой в СССР, через которую тяну-

¹ См.: Восленский М.С. Номенклатура. М., 1991. С. 112.

лись все нити управления и руководства, где каждый уровень иерархии правящей группы эффективно контролировал свой аппарат, а также правящие группы и их аппараты нижних этажей иерархии¹.

Правящая группа контролировала все институты власти так же, как и все организации гражданского общества, и могла вмешиваться в любое явление политической и общественной жизни в тот момент, когда считала нужным это сделать. Ключевая позиция правящей группы обуславливалась тем фактом, что именно она формировала политику партии и стратегическую линию, определяла методы их осуществления, наблюдала за их воплощением, равным образом она могла принимать решения, касающиеся всех аспектов общественной и личной жизни. Представители правящей партии контролировали из центра решение вопросов даже частного характера, ставили конкретные практические задачи и поручали их выполнение нижестоящим органам власти. Они пытались осуществить контроль за всеми институтами общества, которые реализуют власть, т. е. над любым непартийным институтом, и подчинять не только нижестоящие партийные органы, но и государственные, а также массовые организации – непосредственно, авторитарно, административно².

Чехословацкий политолог К. Каплан выделяет три фактора, которые характеризуют процесс принятия решений правящими группами в системах советского типа: первый – решения по любым вопросам, включая и те, где требуется экспертиза, выносились с политико-властной точки зрения. Второй – на их решения влияли интересы текущего момента или степень успешности развития политической компании. И третий – правящие группы принимали решения с неоправданной самонадеянностью. Их члены были убеждены, что обладают монополией на истину в той же мере, как и монополией на власть, а поэтому вели себя соответственно «базовому принципу непогрешимости партии». Они, принимая решения по широкому кругу вопросов, упрямо держались своей позиции и только в крайних случаях ее пересматривали. Организация правящей группы была похожа на пирамиду власти с иерархической структурой, поднимающейся от рядовых к 15-20 высшим членам партии. Положение каждого из них, его авторитет в субординации и обязанности по отношению к вышестоящим были четко определены³. Центр монополизировал власть над всем обществом в целом и навязывал единообразие своей воли и решений посредством широкой сети органов власти, охватывающей все сферы общественной жизни. Властные группы осуществляли свою руководящую роль двумя способами: средствами непар-

¹ См.: Восленский М.С. Указ. соч. С. 365.

² Эйшлин Ф. Указ. соч. С. 86.

³ Там же.

тийных организаций в рамках сферы их полномочий, а также трансляцией руководящих указаний на нижние этажи системы власти, делая это таким образом, чтобы не утратить своего монопольного положения и не допустить выхода нижестоящих уровней из-под своего контроля.

Объем власти, передаваемой на нижние этажи, и способ ее передачи зависели от усмотрения самого центра. Господство центра обеспечивалось тем, что высшие круги сами формировали состав нижестоящих властных групп, и тем, что последние были полностью подотчетны в своих действиях центру¹.

Тоталитарный характер власти, мощная репрессивная система длительное время сдерживали центробежные силы, не давая прорасти зернам распада. Это достигалось следующим образом. Власть в республиках, входящих в Союз, осуществлялась с помощью национальной партийной бюрократии, которая управляла автономией. Было обнаружено, что эффективнее править «инородцами» с помощью соплеменной им бюрократии. Такое управление сводило к минимуму неповиновение на почве национальных противоречий и превращало конфликты из межнациональных во внутринациональные. Для того чтобы эта система не превратилась в источник сепаратизма, необходима была жесткая общесоюзная властная система с неограниченными возможностями вертикальной мобильности для представителей национальных властных структур.

Высшие партийные союзные структуры охотно включали в свой состав представителей национальных меньшинств, хотя в ЦК КПСС их было меньше, чем это предусматривал принцип представительства. Бюрократический централизм партийной системы располагал всеми средствами принуждения, делая национальные элиты надежными компонентами единой властной структуры КПСС.

В такой системе власти национальные республики не были ни суверенными государствами, ни колониями, в собственном смысле этого слова, они имели своеобразный статус, т.е., с точки зрения властных структур, не просто были полностью зависимыми, но входили в состав советского номенклатурного государства в качестве административных единиц; администрация в них в основном была местная, но ключевые посты занимали представители центра; на двух языках — на русском и на местном — велось делопроизводство, издавались газеты, журналы, книги, проходило обучение в школах и вузах. Правила в них все-таки местная номенклатура. Она меньше всего заботилась о национальных чувствах, ее интересовали

¹ См.: Zubov A.B. Советский Союз: из империи — в ничто? // Полис. 1992. № 1-2. С. 67.

власть и связанные с ней привилегии, в этом смысле представители национальной бюрократии выступали как интернационалисты.

На особом положении находилась Российская Федерация. В отличие от дореволюционной государственности, в СССР было осуществлено соединение властных структур Великодержавии с общегосударственными. И, как теперь оценивается, это обстоятельство не было случайным упущением. Такая политика партийной власти была вполне осознанной и весьма последовательной. За попытки создать особую партийную структуру РСФСР было сфабриковано так называемое «ленинградское дело», одним из главных обвинений, выдвинутых против партийного актива Ленинграда, было стремление противопоставить партийную структуру РСФСР власти КПСС. Отсутствие республиканского ЦК в Российской Федерации явилось очень важным моментом действительной властной структуры послереволюционного государства. Не вся территория Союза, а только РСФСР продолжала оставаться сферой прямого центрального управления, тогда как другие республики были на положении субъектов косвенного управления через республиканские ЦК.

В итоге политическая система СССР приобрела этакратические черты, среди которых необходимо особенно выделить: всеобъемлющую власть государства, высокую степень огосударствления собственности, обособление собственности как функции власти, доминирование централизованного распределения, отсутствие гражданского общества и полную зависимость социального статуса человека от наличия власти¹.

Не менее важное значение для монополизации власти имело создание идеологического имиджа всемогущего государства. Он складывался из того, что информация, которая не удовлетворяла руководство, попросту отбрасывалась, то, что представлялось для опубликования или устного изложения, контролировалось и, если противоречило впечатлению о могуществе государства, оставалось вне информационного поля. Не допускалось и альтернативное общественное мнение. Мифы о могуществе государства поддерживаются во всех странах, но не всегда они служат источником власти, когда власть на этой основе проявляет особую способность манипулирования мифами, ценностями, контекстами принятых решений. К этому следует добавить и идеологическое обоснование концепции единого советского народа.

Итак, абсолютная и всеобъемлющая власть в СССР являлась базовой концепцией политической системы. Эта власть в советском обществе не подвергалась сомнению и воспринималась как дан-

¹ См.: Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Переход к демократии в полиэтническом обществе // Полис. 1991. № 6. С. 56.

ность. Такое к ней отношение обуславливалось действием мощных средств подавления, господства и контроля, противостояние которым, по мнению большинства, было бессмысленным. Инструменты власти были настолько подавляющими, что ее неограниченный контроль и влияние, казалось, обеспечивались неукоснительно.

Однако процесс монополизации власти завершился тем, что *партийное государство полностью поглотило общество, а вместе с ним и все его противоречия. Неспособность власти разрешить их в итоге привела к ее собственному истощению.*

Источники слабости монопольной власти и ее разрушительные последствия для Союза

Силу и бессилие одной и той же системы власти считают заурядным парадоксом политики.

Во-первых, *любая власть является ограниченной в силу человеческой природы и тех потребностей, которые присущи общественному и политическому порядку в целом.* Всякое навязывание единообразия своей воли и решений не может распространяться на все без исключения сферы жизни, какие бы насильственные средства для этого не применялись. Например, сталинская коллективизация потребовала значительных ресурсов власти, и ее первоначальная цель была достигнута, но возникшее сопротивление и нанесенный ущерб существенно ослабили систему власти, хотя она долго сохраняла впечатление всеислия.

Одной из главных причин ослабления и крушения власти выступает *междоусобная борьба в ее собственных властных структурах.* Это особенно характерно для монопольной власти, при которой все политические противоречия не предаются гласности и приобретают характер политических интриг. Конфликты в аппарате ЦК КПСС на почве политического соперничества возникали на протяжении всего существования СССР.

Монопольная бюрократическая система власти объективно порождает борьбу за власть. Как отмечает Д. Макаров, пока руководство страны представляло собой треугольник власти, где сила каждого уравнивалась коалицией двух других, то вместе они казались единым монолитом, проводящим одну и ту же политику, направленную на укрепление режима¹. Но когда противоречия во властных структурах достигли наивысшего предела и режим оказал-

¹ См.: Макаров Д. Политические перемещения и крушение коммунистической власти // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 141.

ся обезглавленным, политическая борьба распространилась из высшего союзного эшелона власти в союзные структуры. Появились новые политические группировки, заинтересованные в укреплении собственной власти и обеспечении ее независимости от центра. На вооружение принимаются социальный или национальный интересы, которые раньше режимом подавлялись. Новые политические силы вступают в коалицию либо с возрождающимся реформистским, демократическим, либо с национальными движениями и тем самым порождают социальные и национальные конфликты. В таких условиях власть неизбежно ослабевает, а продолжающиеся политические интриги в итоге ведут ее к полному крушению.

Особенность правящей элиты советского государства заключается в том, что входящие в нее члены могли занимать высокие посты, но оставаться бессильными, неспособными контролировать саму систему, оставаясь по существу ее рабами. Власть в этих структурах не принадлежала отдельному индивиду, и потому он не мог непосредственно влиять на правительственные акции. Являясь правящей, партократия в СССР не стремилась реально подчинить людей своей воле (а именно в этом проявляется смысл любой власти). Не случайно такой род иллюзорной власти вызывал недоумение у западных советологов¹. Следовательно, можно сделать вывод о том, что *создавалась лишь видимость прочности и мощи монополярной власти в лице партократии.*

Единственной фигурой, на которой сосредотачивались все виды власти, являлся Генеральный секретарь ЦК КПСС. Он имел исключительное право на получение всевозможной информации от различных инстанций, и он был единственным, кто решал, что из нее передать остальному руководству. Однако и у него не было ни времени, ни интереса, ни достаточного понимания для прочтения всех материалов. Резонно, по-видимому, допустить, что большая часть информации, на которую он имел исключительное право, не получала адекватного распространения и применения. Привилегии в получении информации и другие prerogatives власти генсека давали ему широкие возможности обнаруживать и подавлять критику, предотвращать объединение оппозиционных своему руководству сил и, несмотря на серьезные ошибки и провалы в политике, оставаться длительное время на высоком посту.

Следует особо выделить такой источник слабости монополярной власти, как *ущербность информации*. Та информация, которую получал центр от нижестоящих инстанций, как правило, была фальсифицирована. Давая указания и инструкции, часто просто невы-

¹ См.: Эйслин Ф. Указ. соч. С. 89.

полнимые, центр сам вынуждал к подготовке ложной информации со стороны тех, кто не желал быть исключенным из номенклатуры. Информация «снизу» в основном выдавалась такая, какую хотел получить центр.

Кроме того, доклады и проекты решений имели низкое качество из-за недостаточной компетенции аппаратчиков, которых принимали во властные структуры в основном по принципу политической преданности, подкрепленной сознанием того, что они никогда не смогут найти себе работу с подобным статусом и привилегиями, если потеряют данное место. Даже группы экспертов («теоретиков»), которые готовили экспертные заключения и проекты решений по различным вопросам, быстро начинали понимать, за какие рамки им не следует выходить, если они намерены были оставаться на своих должностях. Только честные и неопытные могли написать в своих заключениях то, что они действительно думают по данному вопросу.

Ради справедливости следует подчеркнуть, что власть активно использовала такой источник информации, как письма, жалобы и обращения граждан. На основании этой информации возникала реакция на некоторые негативные моменты жизни общества и государства, делались соответствующие оргвыводы, т.е. с работы снимали чиновников, не обеспечивших проведение государственной политики в той или иной сфере. Однако публичное реагирование на такого рода информацию имело место лишь тогда, если она затрагивала лишь местные проблемы, такие, например, как бытовое обслуживание, коммунальные услуги и др., а не посягала на основы общественного строя и благополучие верхних эшелонов номенклатуры.

К источнику слабости монопольной власти следует добавить и *слабо развитую коммуникативную систему*, обусловленную территориальными масштабами страны и недостаточной технической и технологической базой, обеспечивающей информационные связи.

Отсюда вытекает вывод, что на ложной, неполной информации невозможно осуществлять планирование, составлять бюджет, обеспечивать нормальное функционирование всей системы в целом, так как власти в такой ситуации не могут иметь действительного представления о происходящих в стране процессах, о степени недовольства и сопротивления людей проводимой политике. Власть, не обладающая необходимой информацией, не может владеть политической ситуацией и в случае политического кризиса оказывается не готовой к ее преодолению.

Власть потому и называется монопольной, что стремится контролировать все сферы жизни общества на сто процентов. На практике это оборачивается бесконтрольностью и невыполнением

издаваемых директив и указов. Попытка осуществить всеобщий контроль ведет к *перегруженности центральных директивных органов*. В таких условиях решения принимались без соответствующего предварительного анализа, представляли собой скорее комментарии, чем подлинное принятие решений, утверждались единогласно с некоторыми частными замечаниями. Политбюро и Секретариат ЦК КПСС превращались в своеобразную машину по штамповке политических решений (на каждое заседание выносилось по 30-40 вопросов).

Если предположить, что доклады, представленные в Политбюро, прежде всего обсуждались в Секретариате ЦК и за их подготовкой наблюдал именно он, то реальная власть была сосредоточена именно в Секретариате. Однако обширный круг вопросов, обсуждаемых в Секретариате, делал процесс выработки решений более формальным и поверхностным, чем в Политбюро. Члены Политбюро часто просто не понимали сути рассматриваемых проблем, поскольку последние могли носить сугубо специальный, технико-экономический и другой характер.

Подготовка, принятие и исполнение политико-управленческих решений составляют одно из основных направлений политического процесса, которое характеризует внутреннюю сторону воспроизводства политической системы, и, если этот механизм работает неэффективно, то все это дискредитирует власть, порождает необязательность выполнения директив и ведет к дестабилизации функционирования общественного организма в целом.

Таким образом, *общий смысл монопольной власти сводится к подавлению всего и вся, что мешает членам правящей элиты обеспечивать себе гарантию занятости, престиж и комфорт*. Эта способность подавлять, блокировать, парализовывать не только не может устранить причины подспудной кристаллизации причин недовольства, но и приводит к кризисной ситуации, к которой режим слабо подготовлен, так как он систематически не допускал публичного распространения нужной информации, отвергал все иные возможности восприятия и понимания реального положения дел в обществе¹.

Система монопольной власти предоставляет огромные полномочия по принятию решений высшему руководству, насаждает повсюду в обществе своих исполнителей, которые имеют широкие возможности управления во всех сферах социальной политики и экономической жизни. Однако, сколь бы реальной и важной ни была такая концентрация власти, она не является эффективной. При том,

¹ См.: Эйдлин Ф. Указ. соч. С. 90.

что система монопольной власти концентрирует в руках правящей группы всю полноту власти, сама эта концентрация ослабляет ее.

Партийность и лояльность – два столпа системы монопольной власти, но они также и источники ее слабости. Считается, что партия – скорее всего политический орган, чем орган выработки решений. Однако логика системы монопольной власти и ее обычная неспособность проводить четкие границы между собственно политикой и государственными делами неизбежно толкают партию на принятие решений по частным вопросам нередко с разрушительными результатами для самой власти.

Причины дезинтеграции СССР и роль политической власти в этом процессе

Если следовать исторической логике и фактам, то распад СССР нужно признать результатом воздействия целой суммы объективных и субъективных факторов. Было бы неправильно отрицать, что политическое поведение и воля тех или иных лидеров не имели к нему отношения.

В ряде опубликованных работ политологического направления этот вопрос уже нашел некоторое освещение. Сделаем обобщение различных точек зрения. Прежде всего, необходимо обратить внимание на общие тенденции дезинтеграции, связанные с объективными историческими процессами, которые присущи не только СССР.

Как указывает В. Согрин, одна из объективных причин распада по своему универсальна: мировой опыт свидетельствует, что многонациональные государственные образования, подобные СССР, рано или поздно разрушались, рок распада висел над теми из них, которые управлялись «железной рукой», и над теми, в которых использовались либеральные методы. Неизменно разрушались империи рабовладельческие, феодальные, капиталистические, и, наконец, настал черед социалистических¹.

Известный итальянский политолог XX в. Г. Моска видел причину политических катастроф, связанных с дезинтеграцией и распадом крупных мировых империй, в «состаривании» нации. Он указывает, что смерть приходит как естественное следствие «старости»². Как говорит С.А. Дробышевский, исследователь уче-

¹ См.: Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-1994: от Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 101.

² Цит. по: Дробышевский С.А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике. Красноярск. 1999. С. 359.

ния Г. Моски, согласно воззрениям последнего государство стареет и умирает в силу влияния двух факторов, почти всегда сочетающихся друг с другом. Во-первых, когда его правящий класс «неспособен реорганизоваться в соответствии с нуждами изменяющегося времени посредством привлечения» из управляемого класса «новых элементов», служащих, чтобы дать господствующим социальным слоям «новую кровь». Во-вторых, если в государстве имеет место «уменьшение тех моральных сил, которые сплачивают» его население и «делают возможным концентрацию ... и направление к коллективным целям большой массы усилий» отдельных людей. Иными словами, «старость, предвестник смерти, настигает» государства, «когда теряют влияние и престиж, не заменяясь другими, идеи и чувства, делающие эти политические организмы способными к коллективному усилию, нужному для их сохранения»¹.

С точки зрения тенденций дезинтеграции представляется правомерным подход к данной проблеме Д. Драгунского². Он утверждает, что процесс дезинтеграции является естественным и не поддается рациональному упорядочению. Для этого процесса, по его мнению, характерны две волны глобальной дезинтеграции, которые могут проявиться в любой стране³.

К таким волнам он относит:

1. *Дезинтеграция на этнической основе* (ее переживает в той или иной мере весь мир). К причинам этнической дезинтеграции автор относит:

- «размораживание» общемирового военного противостояния;
- влияние дезинтеграционных процессов в других странах (распространяется, как «эхо»). Здесь уместно заметить, что дезинтеграция СССР повлекла за собой распад Югославии и даже относительно благополучной и имеющей очень большой исторический период совместного сосуществования Чехословакии;
- поиск национального своеобразия в условиях нивелирующей «масс-культуры», желание вернуться к национальным корням;
- кризис политической морали – веры в доброго соседа и справедливого государя. Ныне эта конструкция расшатана по всем основаниям. Гитлеровский и сталинский геноцид заставил усомниться в реальности евангелистской проповеди братства, а крах социализма продемонстрировал опасность идеи равенства.

¹ Дробышевский С.А. Указ. соч. С. 101.

² См.: Драгунский Д.В. Длинные волны истории и динамика политической власти // Полис. 1992. № 1-2. С. 18-19.

³ См.: Драгунский Д.В. Волновые процессы в общественном развитии: Рецензия на кн. // Свободная мысль. 1992. № 18. С. 115-116.

2. *Дезинтеграция на региональной основе* (регионализм) – недовольство несправедливым перераспределением со стороны государства (характерна не только для СССР, но и для стран Европейского Союза). Здесь наблюдается комплекс причин, выходящих за пределы этнополитических интересов. В результате региональной дезинтеграции возникают особые сообщества: население плюс территория. Они образуются не по национальному и строго административному принципу и потому способны вызывать «межевые войны». Исходя из этих рассуждений Д. Драгунский делает вывод, что дезинтеграция нашего единого пространства – это не чьи-то происки и не результат только политических неудач, а естественное движение длинных волн исторического процесса, идущего поверх границ и сквозь различные эпохи.

Применительно к СССР также выделяются различные причины, способствующие его распаду. Например, в политологической науке можно обнаружить не одну теорию, помогающую глубже и всесторонне понять причины распада СССР. В частности, теория «циркуляции» и «революции элит» гласит, что в обществах, где длительное время господствуют замкнутые политические элиты, наглухо закрывающие доступ в свои ряды для подавляющего большинства населения по идейным, социальным, национальным соображениям, неизбежно формируются оппозиционные неформальные элиты, ставящие целью радикальное переустройство государственной власти.

Советская номенклатурная коммунистическая верхушка относилась к элитам самого жесткого типа. Неудивительно, что как только в СССР была легализована возможность создавать и участвовать в выборах «неформальным» политическим группам и объединениям, дни ее были сочтены. Не случайно, что среди новых элит доминирующую позицию во многих случаях заняли националистические и даже крайне националистические группировки. Быстро найдя для себя массовую опору, умело апеллируя к реальным фактам национальной дискриминации и эксплуатируя иррациональный национализм, они смогли оттеснить от власти старую элиту. *Власть новых элит могла стать по-настоящему прочной только при условии ликвидации СССР и обретения республиками политической независимости*, что стало одной из главных целей лидеров национальных движений.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что произошло своеобразное переплетение объективных и субъективных причин дезинтеграции Союза. Обновление элит, как объективное политическое явление, всегда сопровождается борьбой за власть исходя из

субъективных интересов их представителей, а эти интересы порой ставятся выше общественных.

А. Зубов и А. Салмин считают одной из главных причин нелепую конструкцию национально-государственного устройства СССР¹. По существу унитарное, юридически однообразное государство с неделимой территорией превратилось в слабую федеративную структуру, созданную на национальной основе, с субъектами, которые имели собственные конституции, суды, законодательные и исполнительные органы и обладали правом в любой момент выйти из СССР. Принцип национально-территориальной государственности сразу же порождал серьезные, часто критические напряжения: во-первых, далеко не все народы обрели государственность, а только те, которые имели достаточно обширную территорию этнического доминирования; во-вторых, значительные группы населения оказались проживающими вне «своих» национально-территориальных образований; в-третьих, учитывая геополитическое расположение области проживания того или иного народа, его численность и общественно-экономическую развитость, национально-территориальным образованиям присваивался различный правовой статус – от республики до национального района, т.е. различные народы СССР оказались в этническом отношении неравноправными.

А. Зубов и А. Салмин видят причины конфликтов в национально-государственной сфере в этнической диффузии и конструктивных недостатках советской национально-территориальной государственности². Этническая диффузия, как считает А. Зубов, началась еще до революции, когда с конца XIX в. в стране все время усиливались миграционные процессы³.

Приведем несколько примеров:

¹ См.: Зубов А.Б., Салмин А.М. Оптимизация национально-государственных отношений в условиях национального возрождения в СССР // РК и СМ. 1989. № 3. С. 74.

² Зубов А.Б., Салмин А.М. Оптимизация национально-государственных отношений.... С. 62-84; Зубов А.Б., Салмин А.М. Союзный договор и механизм выработки нового национально-государственного устройства СССР // Полис. 1991. № 1. С. 42-57; Зубов А.Б. Советский Союз: из империи -- в ничто? С. 56-74; Союз после Союза. С. 34-55.

³ См.: Зубов А. Советский Союз: из империи -- в ничто? С. 61-62.

Таблица 2¹

Этнический состав Якутии в 1897 – 1989 гг.

Год переписи	Численность населения, тыс. чел.	Процент от всей численности населения		
		коренное**	русское***	Другие
1897*	262,7	91,5	(7,5)	1,0
1926	289,0	81,6	10,4	8,0
1939	413,0	56,5	35,4	8,0
1959	487,0	47,2	44,2	8,6
1970	664,0	45,3	47,3	7,4
1979	851,8	39,2	50,4 (56,1)	11,4
1989	1094,1	35,6	60,3 (58,9)	14,1

*Для 1897 г. данные приводятся по Якутии в границах Якутской области Российской Империи, для последующих лет - по Якутской АССР.

**К коренным народам кроме якутов отнесены эвенки, эвены, чукчи, юкагиры.

***В скобках приведены данные по численности трех восточнославянских этносов.

Таблица 3²

Этнический состав города Риги в 1897 – 1989 гг.

Год переписи	Численность населения, тыс. чел.	процент от всей численности населения				
		латыши	восточные славяне	немцы	евреи	прочие
1897*	328,0	23,0	26,0	47,0	3,0	1,0
1935	385,1	63,0	8,8	10,0	11,3	6,9
1959	580,4	44,5	45,4	0,1	5,1	4,8
1970	731,8	40,9	50,3	0,1	4,2	4,4
1979	828,5	38,3	57,4	0,1	2,8	4,2
1989	910,5	36,5	57,2	0,1	2,1	4,4

*Данные по языку.

Из приведенных таблиц видно, что процесс размытия однонациональных территорий наблюдался практически на большей части СССР. Эти этнодемографические процессы привели к тому, что уже в 1979 г. из

¹ Табл. 2 приведена по: Зубов А.Б. Советский Союз: из империи — в ничто? // Полис. 1992. № 1-2. С. 62.

² Табл. 3 приведена по: Там же.

51 национально-территориального образования СССР лишь в двух – Армении и России – титульный этнос составлял более 80 % всего населения. В 27-ми он составлял менее 50 %, а в 18-ти – менее 1/3 населения.

Распаду СССР способствовало и системное противоречие. Это было государство, внутри которого *сосуществовали индустриальные и традиционные общества*, представленные славянско-балтийским и азиатским регионами. Республики, представляющие традиционное общество, более заинтересованы в сохранении прежних общественно-политических структур. В связи с этим в глазах русских националистов коммунистическая реакция приобретает азиатский облик.

По мнению Л. Перепелкина и О. Шкаратана, одной из множества причин дезинтеграции нашего единого пространства является *ресурсная проблема*¹. Ресурсный голод – серьезная причина межэтнических конфликтов, особенно характерная для этакратических систем. Их экстенсивная хозяйственная деятельность предполагает все большее использование ресурсов одних и тех же видов, ведь в условиях государственной монополии и нерыночного характера экономических связей производители лишены стимулов для внедрения не только инноваций, но даже элементарных ресурсосберегающих технологий. Как следствие – неизбежное падение жизни народа (Л. Перепелкин утверждает, что в годы «застоя» уровень жизни населения СССР поддерживался преимущественно за счет централизованной продажи ресурсов (нефти, золота) на мировом рынке²) и усиливающееся межрегиональное перераспределение произведенного продукта по принципу «латания дыр». Именно желание обладать ресурсами ведет к центробежным тенденциям. Как подсчитал экономист из Санкт-Петербурга, а ныне экономический советник Президента РФ В. Путина А. Илларионов, пять республик бывшего СССР – Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия и РСФСР – являлись в последние годы основными донорами, остальные, за исключением Украины и Молдавии, выступали в качестве получателей помощи³. Таким образом, обострение межэтнических отношений в СССР – неизбежное следствие национально-культурного возрождения на фоне истощения ресурсной базы, в чем виновата командно-административная система.

Основная же функция этой системы заключалась в *перераспределении* всех произведенных в стране ценностей через бюрократическую систему.

¹ См.: Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Указ. соч. // Полис. 1991. № 6. С. 64.

² См.: Там же.

³ См.: Илларионов А. Рынок Евразии. Нелегальный плюрализм советской экономики // Век XX и мир. 1990. № 6. С. 46.

тические структуры. Такое перераспределение игнорировало результативность труда населения той или иной территории и послужило одной из причин повышенной межнациональной конфликтности.

Имели место и другие причины, на которые обращает внимание Е. Черников. Он выделяет следующие:

- подавление личности в тоталитарном государстве, противоестественное растворение ее в коллективе. Такое насилие над человеком дает наряду с другими один феномен – превращает людей в массу. Если гражданское общество состоит из личностей, то тоталитарное стремится к уничтожению индивидуального, личностного начала. Однако человек генетически стремится к свободе и с ослаблением тоталитаризма стремление личности к суверенитету, и прежде всего в рамках этнического сообщества, вполне закономерно;

- усиление тенденции самоидентификации не только личности, но и нации. Проблема национального самоопределения приобретает особый размах. Непонимание политическим руководством СССР всех этих процессов, настойчивое стремление принудить к подписанию Союзного договора вызвали всеобщую реакцию отторжения;

- полное пренебрежение социокультурными факторами развития каждого этноса. В советский период они были фактически заменены классовыми интересами и подходом¹.

К этим причинам следует добавить и то, что империи во все времена рушились по одной причине – их разоряли непомерные расходы на вооруженные силы. СССР не является здесь исключением.

С разрушением тоталитарного режима народы постепенно освобождались от страха перед насилием. Это наглядно проявилось в республиках Прибалтики, в Грузии – при попытках подавить стремление к независимости с помощью советских Вооруженных Сил – и еще в большей степени в августовские дни 1991 г. в городах Москве и Санкт-Петербурге.

Таковы наиболее общие причины, способствующие усилению центробежных сил в системе «метрополия – инонациональная периферия», из-за которых по мере его ослабления господства тоталитарного режима начали обостряться конфликты в национально-государственной сфере. Наиболее разрушительными из них оказались следующие:

1. Отождествление власти в центре Союза с КПСС до августа 1991 г. провоцировало те части Союза, где еще сильна была память о временах до присоединения к СССР с сохранением коренного населения (т.е. Галиция, Прибалтика, Молдавия), на разрыв не только

¹ См.: Черников Е. Беловежские события: был ли иной вариант // Российская газета. 1992.

11 дек.

с КПСС, но и с Союзом. В то же время те группы, которые желали дистанцировать себя от новой власти на местах, не просто чувствовали себя связанными с Центром, но и особо подчеркивали лояльность к коммунистической идеологии и советскому прошлому, - это русские в Прибалтике и Молдавии, Осетии и Абхазии в конфликте с Грузией, Азербайджан в конфликте с Арменией. Так обычные и естественные конфликты между живущими бок о бок народами превращались в идеологическое противостояние.

2. После августа 1991 г. ассоциация Центра с антикоммунистическим режимом демократической России заставила республики, в которых еще удерживались у власти коммунистические элиты, поспешить с полным отделением от Центра, дабы их властные структуры не подверглись разгрому, подобно разгрому ЦК КПСС и РКП в Москве.

3. Разноуровневый характер федерации (союзные республики, автономии) резко углубил межэтнические конфликты; в одних случаях это была борьба с юридическим неравноправием, в других — за сохранение целостности, которой угрожало выравнивание статусов национальных территорий.

4. Жесткая связь национальных прав с правами на определенную территорию заставили титульные нации «улучшать» в свою пользу этнический состав «своей» республики, в лучшем случае просто принуждая граждан иной национальности объявить себя представителями титульной нации, в худшем — изгоняя национальные меньшинства либо вводя для них дискриминационный правовой режим.

5. Высокая этническая диффузия, неоднократное изменение в прошлом границ автономий и, как правило, несовпадение этнического ареала и политической государственности приводят к территориальным спорам между этносами.

6. Абсолютное доминирование русских (50,7 %), особенно восточных славян (69,9 %), в СССР и в большинстве национально-территориальных образований привело к абсолютному доминированию восточных славян в обеих палатах парламента и в электорате Президента СССР. Воля и интересы других народов, национальных республик при этом могли легко игнорироваться. Еще на первом Съезде народных депутатов СССР в ответ на такое отношение депутация Литвы покинула зал заседаний. Вскоре республики стали покидать и сам Союз, в политической системе которого нельзя было защитить свои интересы.

Почему столь длительное время конфликтный потенциал оказывался замороженным? Так, по мнению А. Зубова, вся официальная конституционная государственная структура СССР являлась

только декоративным фасадом совершенно иной системы власти¹. Потенциальная центробежность была заложена в самом противостоянии «метрополии» (центра) и «инонациональной периферии» как составных частей государственной структуры, а также в существовании формальной системы Советов и реально функционирующей структуры власти – КПСС.

Однако основополагающей причиной распада СССР явилось саморазрушение власти. Политические институты и процессы периода перестройки обгоняли экономическую модернизацию, не было достигнуто динамическое равновесие. Эти институты и политические процессы не имели социально-экономической основы. Как только КПСС стала утрачивать положение стержневой структуры политической власти, процесс национального обособления вышел из-под контроля союзного государства.

Именно крах партийно-государственной власти и обслуживающей ее идеологии породил своеобразный вакуум в самой системе власти и государственности, обусловив тем самым распад СССР. Действуя традиционными методами (применение насилия), власть союзного центра оказалась неспособной обеспечить даже цивилизованный развод между республиками.

Неконтролируемый распад СССР как следствие крушения тоталитарной системы и показатель бессилия коммунистической власти

Проблема распада СССР и оценка свершившегося факта находятся в центре внимания политологической науки. Актуальность и политическая острота ее обусловлена неоднозначностью подходов как исследователей, так и политиков к анализу этой проблемы и вытекающим из него выводам.

Споры вокруг вопроса «можно ли было спасти Союз?» до сих пор не прекращаются². В обоснование этого вопроса существуют три подхода.

Суть первого: Советский Союз был обречен. Его распад – неизбежное и закономерное следствие разрушения конструкции тоталитарной системы. При разрушении почвы естественно распадается и сама конструкция. Кроме того, конструкция Союза представляла собой нонсенс, когда суверенное го-

¹ Зубов А.Б. Советский Союз: из империи – в ничто? С. 65.

² Автор считает излишним приводить здесь сноски опубликованных работ по проблеме данного спора. Достаточно лишь привести названия периодических изданий, в которых велась и ведется полемика по этим вопросам: «Известия», «Московские новости», «Независимая газета», «Правда», «Советская Россия» и др.

сударственное образование входит в другое государственное образование, а федерация в лице Российской – в союзную федерацию¹. Такое эфемерное образование нежизнеспособно, какому бы глубокому реформированию не подвергалась старая конструкция Союза. Автор полностью солидаризуется с данной точкой зрения.

Сторонники второго подхода считают, что Советский Союз можно было спасти. Но при этом одни полагали возможным сохранить его имперскую суть и социалистическую ориентацию, используя для реализации этой политики известные методы – введение чрезвычайного положения, повсеместное использование вооруженных сил, интернирование оппозиции и т.п.

Третьи, напротив, предлагали дать больше прав и ответственности республикам, заставить их работать самостоятельно: вводить у себя свободный рынок, осуществлять собственную социальную политику, даже выпускать свою национальную валюту. Поставить всех в такие условия, при которых они сами осознают необходимость центра для осуществления координации макроэкономических процессов. При этом центр мог бы сохранить за собой власть в период становления подлинной власти на местах, обеспечивать контроль за жизненно важными областями (оборона, охрана границ, таможни, часть внешней политики, связь, транспорт, ядерная энергетика и др.).

В истории немало примеров перехода унитарных государств к федеративной структуре при сохранении своих внешних границ (например, страны Латинской Америки)². Этот подход, пожалуй, самый распространенный среди политиков и исследователей. В принципе, такие планы были и у создателей Содружества Независимых Государств. Однако эти планы оказались нежизнеспособными.

Но надо иметь в виду, что в других странах существовала иная социально-экономическая структура. Им не нужно было решать проблемы перехода к рынку и демократии и одновременно создавать совершенно иную экономику. Решение же этих проблем требовало проведения непопулярных мер, неизбежно сопровождающихся углублением экономического кризиса и падением жизненного уровня людей, что обязательно вело к росту соци-

¹ См.: Венгеров А. Патология государственности // Общественные науки и современность. 1991. № 5. С. 21.

² См.: Фляйнер Т. Федеративная структура и стабильность СССР // Коммунист. 1991. № 2. С. 77-78.

альной напряженности. В таких условиях экономические проблемы тесно переплетаются с национальными, с поиском виновных в создавшихся трудностях и т.п.

Какие же меры в этих условиях должны были предпринять политики, находящиеся во властных структурах, и каким они отдали предпочтение? Ответ на этот вопрос пытается дать М. Максимова. Она делает вывод о том, что союзный центр в его персональном составе не был способен осуществить глубокое реформирование Союза. И не только в силу неспособности подавляющего большинства высших государственных деятелей понять и оценить складывающуюся в стране ситуацию, а из-за неприятия ими одной лишь мысли о предоставлении самостоятельности республикам и необходимости дележа власти. Перестройка и новое мышление, так ярко продемонстрированные М. Горбачевым во внешней политике, практически мало коснулись таких важнейших сфер жизнедеятельности страны, как армия и ВПК, служба госбезопасности и административно-командная система управления народным хозяйством, взаимоотношения Центра и республик....¹

И хотя во главе гигантски разросшихся государственных структур оказались подобранные самим же М. Горбачевым руководители, практически никто из них не предпринял решительных действий, направленных на радикальные преобразования самих основ системы. А между тем в это время происходили глубокие перемены в психологии и поведении большинства людей, не желавших более мириться с диктатом Центра.

Одним из несомненно острых и широко дискутируемых в периодической печати и работах исследователей является вопрос о том, способен ли был М. Горбачев, обладавший практически неограниченной властью, лично направить развитие страны по пути глубокой демократизации всей общественной жизни, включая государственное устройство, взаимоотношения Центра и республик? М. Максимова считает, что такая возможность была. Однако использовать ее можно было лишь при помощи смелых, нестандартных действий со стороны самого президента СССР. Необходима была тотальная замена реакционно-консервативной «верхушки» государственной власти, всячески сопротивлявшейся любым преобразованиям. Ему предстояло уйти с поста Генерального секретаря ЦК КПСС, приостановить свое членство в партии, пойти на сотрудничество с представителями левых сил². Однако, по словам самого М. Горбаче-

¹См.: Максимова М.М. От «имперского» Союза к Содружеству Независимых Государств // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 4. С. 7-8.

²М. Максимова. Указ. соч.

ва, он не мог оставить эту «машину» – КПСС в руках консерваторов и тем самым поставить под угрозу всю политику перестройки.

Но, по мнению М. Максимовой, оставаясь на посту генсека, М. Горбачев тем самым тормозил формальный раскол партии. Искусственное единство обернулось тем, что здоровые силы, представляющие радикально-демократическое крыло, оказались по существу блокированными. Всю свою энергию они вынуждены были тратить на бесплодные внутрипартийные дискуссии, вместо того, чтобы, решительно размежевавшись с реакционно-консервативным крылом, создать новую партию, способную возглавить движение в поддержку реформ и самого президента¹.

Неоднозначность и своеобразность ситуации 1989-1991 гг. подсказывают, что к подобного рода категорическим оценкам действий М. Горбачева, как с одной, так и с другой стороны, нужно относиться с большой осторожностью. Желание М. Горбачева быть «своим» и у левых, и у правых дорого обошлось и ему, и стране. Однако автор не склонен считать, что решительный разрыв Горбачева с КПСС в тот период обернулся бы благом для страны. Если определенные условия для этого созрели в Москве, то их еще не было на периферии. Те республики, где были сильны филиалы КПСС, после августа 1991 г. поспешили объявить о независимости, хотя еще три-пять дней до этого заявляли, что одними из первых поставят подписи под союзным договором. Этим оправдывается и наш скепсис по поводу сохранения Союза *Советских Социалистических Республик* как *свободного и равноправного* сообщества (вопрос мартовского (1991 г.) референдума), да еще в тех же границах, объединяющего под одной крышей два типа цивилизации – индустриальной и традиционной.

На субъективные ошибки при «реформировании» Союза обращает внимание и А. Салмин². Однако, в отличие от М. Максимовой, он видит эти ошибки как у Центра, так и у демократов.

Первой ошибкой, по мнению А. Салмина, было нежелание партийно-государственного центра признать неминуемость перемен в Союзе, когда «подмороженные» суровой властью межнациональные конфликты стали «оттаивать» в 1988-1990 гг. Навязчивая идея нерушимости внутрисоюзных границ, по большей части довольно условных, укрепила у республиканских властей ощущение их легитимности. Оно неизбежно укрепилось после их демократического избрания в 1990 г. «Справедливости ради, - пишет А. Салмин, - надо сказать, что центр, по природе своей не склонный к гибкости, с готовностью принял версию этих властей, да и встревоженного

¹ Там же. С. 9.

² Салмин А.М. Союз после Союза. С. 40-41.

общественного мнения. Статье 78 Конституции СССР, предполагавшей такую нерушимость, совместными усилиями был придан смысл не столько действующего, сколько, пожалуй, естественного права¹. При этом как раз достаточно распространенная в мире практика коррекции внутренних границ могла бы стать сильным стимулом для республик избегать всего, что вызывает к жизни эту практику.

Вторую ошибку совершает «демократическая» (так у А. Салмина. — В.3.) оппозиция, предлагая в 1989 г. вместо конституционной реформы обновление Союзного договора 1922 г. Это, разумеется, немедленно истолковывается как новый союз старых республик с небезупречными, но неизменными границами. Образовать из них, десятилетиями целенаправленно создававшихся как функциональная, специализированная часть единого целого и притом целого, более широкого и более многомерного, чем СССР, нечто принципиально новое — примерно то же самое, что срубить избу из обломков монолитного железобетона. Поколебавшись, Центр принял идею именно такого Союзного договора, что уже тогда свидетельствовало об опасном дефиците у него собственных идей.

Третья ошибка вновь на счету оппозиции. Высказанная А.Д. Сахаровым мысль о преимуществах федерации, состоящей не из 15, а из всех национально-территориальных единиц (проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии), была скомпрометирована тем, что в ней не принималась во внимание искусственность происхождения этих единиц, да и невозможность объяснить, почему 53 национальные республики должны представлять как минимум 120 народов. Тем более непонятным было их право провозгласить независимость всех этих единиц, притом, что этнические границы часто не совпадали с национальными и во многих из них «коренные» нации были в меньшинстве.

Четвертая ошибка уже не просто теоретическая, а практическая — поощрение и даже провоцирование (как со стороны Центра, так и со стороны демократов) автономных республик в их естественном стремлении повысить свой статус. В поисках поддержки в борьбе с соперником власти СССР и РСФСР как бы соревновались друг с другом в этом отношении, забыв, что замена иерархии союзных и автономных республик, автономных областей и округов единым статусом национальной республики неизбежно разверзнет пропасть между «государственными» народами и остальными, которых большинство, подтолкнув их к поиску национального государственного самоуправления.

¹ Салмин А.М. Указ. соч. С. 41.

Необходимо признать, что поразительная иммобильность структур тоталитарного государства при отсутствии сколько-либо влиятельных национальных политических сил превращала именно национальные движения и эксплуатирующие сепаратистскую идею власти национально-территориальных образований в наиболее эффективные рычаги оппозиции. В этом контексте создание альтернативного союзному центра власти в РСФСР выглядит уже не ошибкой, а неизбежным следствием всего предшествующего развития.

Получилось своеобразное «раздвоение личности государства»¹. Учреждение российского президентства стало очередным этапом неуправляемой дезинтеграции Союза. Страна вступила в острый период выяснения отношений между властью союзной и властью теневой. Распуск Союза лишь устранил двусмысленность власти, которая имела фундаментальный характер, о чем свидетельствует сложное положение, в котором оказались авторы проектов как союзного, так и федеративного договоров. И в том и в другом случаях камнем преткновения стал так и не разрешенный вопрос о субъектах обоих договоров. В обоих случаях обходить этот вопрос можно было, лишь не указывая до времени, кто, собственно, должен был договоры подписывать. Отвлеченные формулы: «суверенные государства — участники договора» — в союзном проекте и «договорные республики» — в российском — готовы были, как представлялось, вместить любое содержание. Однако определение круга субъектов соглашения оказалось отнюдь не арифметической задачей, причем попытки разрешить ее в обоих случаях завели в тупик, подтолкнув участников политического процесса к «силовым» решениям.

Позиция союзного центра меньше чем за год претерпела любопытную эволюцию. Если сравнить все пять редакций официального проекта Союзного договора², то каждая по-своему является результатом в целом безуспешной борьбы с принципом, заложенным в основу национально-государственного устройства СССР. В Конституции 1977 г. он звучит так: СССР — это «государство, образованное в результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения республик» (ст. 70). В ноябрьском (1990 г.) проекте эта декларация прочитывается буквально. Авторы мартовского (1991 г.) проекта учтиво сопровождали «право наций и народов на самоопределение» в преамбулу, лишив его даже намека на практическую применимость. Мартовский проект впервые предполагал союз республик, и только республик. Все национальные проблемы республи-

¹ Венгеров А. Указ. соч. С. 20.

² См.: Известия. 1990. 24 нояб.; Известия. 1991. 9 марта; Известия. 1991. 27 июня; Известия. 1991. 15 авг.; Известия. 1991. 25 нояб.

ки должны были решать сами «внутри себя», исходя из общих принципов, известных в международном праве и воспроизведенных в проекте. Происходил переход как бы к «нормальной» территориальной федерации республик, с верхней палатой парламента (Совет республик) по типу американского сената или германского бундесрата.

Во всем этом было только одно «но»: союзные республики считались все же национальными государствами, и «своего» требовали все автономные республики. И не надо быть пророком, чтобы предсказать, что за ними непременно должны были последовать все существующие и даже потенциально возможные автономии, причем независимо от того, был бы заключен «Союз 9-ти» 20 августа 1991 г. или нет. И это было бы пока только неудобство, хотя и большое; достаточно представить себе очертания России без автономий! (В автономии, где проживало 16,7 % всего населения РСФСР к 1992 г., входит 51,7 % ее территории, причем автономии дробят эту территорию на ряд почти изолированных блоков.) Но позиция руководства РСФСР предусматривала, что республика подписывает этот договор как единое целое, уладив отношения с автономиями.

В четвертом варианте Союзного договора прямо указывалось, что отношения внутри РСФСР регулируются Федеративным договором (ст. 1). Уже к августу 1991 г. многие автономии стремились сами стать субъектами Союза. Союзные республики это, естественно, не устраивало, да и союзный центр предпочел бы иметь дело только с союзными республиками, и только с ними, но, очевидно, в условиях, пока автономии еще не стали действительно самостоятельными, по меньшей мере, центр не склонен был работать на их внутреннюю дезинтеграцию, да еще ставя на карту свой авторитет в автономиях. Двойственная позиция центра состояла и в том, что к 20 августа 1991 г. не было даже до конца ясно, какие республики, в каком порядке будут подписывать договор в этот день, а какие — в следующий раз.

Августовский путч, был, очевидно, последней попыткой восстановить традиционные властные союзные структуры и тем самым «спасти государство». Однако государства, т.е. единства территории, населения и политической власти в СССР, к осени 1991 г. уже не существовало. Поэтому все попытки такого рода, независимо от их правового оформления, были заранее обречены на неудачу. Попытка законсервировать государство в его привычных контурах не удалась¹. Причем августовские события поставили крест на Союзе, что и подтвердил пятый «мертворожденный» проект договора.

¹ См.: Дригунский Д.В. Указ. соч. С. 17.

Этот проект основывался на принципе, зафиксированном в ст. 2 постановления Съезда народных депутатов СССР от 5 сентября 1991 г., согласно которому «новый союз должен основываться на принципах независимости и территориальной целостности государств»¹. Эти три ключевых слова: «союз», «независимость» и «целостность» означают главным образом то, что центральная власть еще до официального роспуска Союза сняла с себя обязанность регулировать межнациональные конфликты в республиках и отказалась от попытки выработать такую схему национально-государственного устройства, которая была бы в принципе приемлемой для всех народов, а не только для «коренных» народов союзных республик.

А. Салмин приходит к следующему выводу: «Независимо от подписания «новоогаревского» союзного договора такое решение ... обрекало большинство республик на внутреннюю нестабильность и на трудный поиск оптимального решения национального вопроса, а Союз на *распад* ради их стабилизации. «Парад суверенитетов», распространившийся на автономии, исключил возможность заключения Союзного договора...»².

Распад Союза был предопределен, августовский путч лишь подтолкнул этот процесс. Действия лидеров трех славянских республик явились лишь попыткой сохранить содружество на фоне обвального крушения СССР. «Беловежский акт» по отношению к тому *союзу* (слово с прописной буквы. – В.З.), который доживал свои последние – с сентября по декабрь – месяцы, явился не только неизбежным, но даже позитивным фактором (это принципиальная позиция автора. – В.З.).

В тех условиях, когда буквально все республики в спешном порядке объявили себя не только «суверенными», но и независимыми и все больше стали «расходиться» как от союзного центра, так и друг от друга (объявленная в республиках ориентация на другие страны), центр стал искать сферы приложения не где-нибудь, а именно в России. Российское же руководство, задумавшее радикальные реформы, не смогло смириться с грозившим двоевластием. Практика показала, что если две ветви одной федеральной власти расходились в вопросах о тактике и стратегии дальнейшего развития страны, то два центра власти вообще погрязли бы в дискуссиях. Одним из вариантов выхода из такого тупика стал бы односторонний выход России из союзного договора.

¹ См.: Известия. 1991. 6 нояб.

² Салмин А.М. Указ. соч. С. 43-44.

Россия категорически заявила, что без Украины не подпишет союзный договор (если уж кого и винить за развал Союза, так это волю народа Украины, выраженную на референдуме 1 декабря 1991 г. по вопросу о независимости, но, как известно, народ неподсуден). Украина, не подписав договор, становилась бы государством вне геополитических интересов России со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Нарушился бы геополитический баланс России. Возникла бы реальная опасность превращения России из евразийской в азиатскую державу путем активного проникновения пантюркистских и исламских идей, что неизбежно привело бы если не к распаду, то к разрыву единого российского организма. В противовес азиатскому проникновению стала бы активно распространяться русская национальная идея в ее крайних формах, что неизбежно повлекло бы кровавые междоусобицы и религиозные войны. Договор без Украины означал и неопределенность 40 % русскоязычного населения этой страны, и многочисленной диаспоры украинцев в России. Поэтому российское и украинское руководство нашли консенсус, подписав беловежский договор.

Вместе с тем признание объективности того или иного процесса нетождественно его полному одобрению. Сам по себе распад СССР как дезинтеграция – шаг назад в развитии цивилизации. Это величайшая трагедия для народов, связанных кровно-родственными узами.

Распад Союза привел к серьезным негативным последствиям: крушению народно-хозяйственных связей, породил территориальные претензии, осложнил проблему дележа совместно нажитой собственности, создал благоприятную почву для национализма, усложнил жизнь русскоязычного населения, оказавшегося за рубежом, привел к появлению потоков беженцев, поставил в неравное положение национальные меньшинства во многих республиках бывшего Союза.

Однако с распадом СССР связаны и позитивные последствия: открылась возможность для возврата к национальным корням, произошло освобождение от диктата центра, для самостоятельного развития и отказа от несправедливой в целом системы распределения, происходит постепенное освобождение и от социального утопизма и от угрозы военного противостояния двух великих держав, от страха перед насилием.

Разумеется, формирование отношений между бывшими республиками протекает сложно и болезненно. Это обусловлено многими обстоятельствами: разнотипностью сложившихся политических режимов, заикленностью на национальной идее, неустойчи-

вым соотношением политических сил во всех регионах, различным уровнем экономического развития и др.

Но если бы Союз удалось сохранить в прежнем виде, появилось бы немало других проблем, и вряд ли их решение происходило бы менее безболезненно. Поэтому нужно все-таки исходить из того, что распад СССР был не только неизбежным, но в какой-то мере даже прогрессивным явлением. Уже сейчас, после десяти лет существования СНГ, явно вырисовываются контуры будущего российско-белорусского союзного государства. И хотя идея интеграции может вызывать только одобрение, однако форма государственного образования, как ее мыслит белорусская сторона, нуждается в существенном видоизменении для того, чтобы ее приняла Россия. Вероятно, поэтому российское руководство не спешит со строительством союзных органов власти и управления. У России существуют тесные отношения с Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Арменией. Урегулированы некоторые сферы отношений с Украиной. Все эти отношения освобождены от идеологических наслоений. Продолжает формироваться своеобразное правовое пространство - СНГ (в основном путем принятия совместных конвенций и двусторонних соглашений, подготовлены проекты модельных нормативных правовых актов, унифицирующих национальные законодательства). В целом СНГ сыграло свою стабилизирующую роль в цивилизованном «разводе» республик, и продолжает играть ее в интеграционных процессах.

* * *

Коммунистическая власть имела в своей основе насилие, с помощью которого она длительное время решала свои задачи. Уровень и всеобщность насилия обуславливались характером целей советского государства. Империя должна была лишь удерживать национально-культурные противоположности в рамках определенного единства, а коммунистическое государство уничтожало эти противоположности и формировало гомогенную в культурном и национальном отношении массу. Естественно, что это вызывало массовые протесты населения страны. Именно отсюда вытекало внутреннее разложение самой власти, ибо она не могла существовать вне окружающей ее среды.

Процесс распада коммунистической системы власти выразился в переходе СССР от фактически унитарного государства к подлинной федерации. И он осложнился тем, что в СССР отсутствовали рыночная экономика, демократия, а в самой крупной террито-

риальной единице — России не было государственности, свойственной союзной республике.

Признание объективности и неизбежности распада СССР имеет сегодня не только теоретическое, но и практическое значение. Осознание этого факта важно при принятии политических решений, реализация которых должна способствовать смягчению драматических последствий распада и ускорения протекания процессов дезинтеграции, за которым должно неизбежно последовать движение к интеграции, что сейчас и происходит. Причем целесообразнее стремиться не к восстановлению СССР с использованием любых средств, а к разумному применению энергии распада империи в интересах ее народов.

Разумеется, создание нового евразийского сообщества потребует немало времени и взаимных усилий. Вполне естественно, что на первом этапе каждая республика поставит на первое место свой интерес, и только потом им предстоит определить интерес общий. Потребуется время на то, чтобы выйти и на новый уровень геополитического мышления, научиться смягчать неизбежные конфликты, проводить процесс становления и формирования новых объединительных связей в более цивилизованное русло.

Политологи предостерегают государственных деятелей по поводу возможного форсирования процессов интеграции бывших союзных республик (как пример подражания Европейскому Союзу). В Западной Европе объединение явилось следствием исчерпания возможностей дальнейшего развития в рамках национальных государств. Причем интеграция здесь продолжалась не одно десятилетие. В бывших республиках СССР государственные структуры еще недавно находились в стадии становления в рамках подлинного суверенитета. В специфических условиях существуют и политические лидеры этих стран. С одной стороны, они получили легитимность в рамках определенной рационально-легальной системы выдвижения на руководящие посты, с другой — сам характер их выборов был обусловлен критическим моментом в развитии страны. Отсюда постоянная апелляция к народу в расчете на дополнительные санкции своих действий.

Поэтому, как нам кажется, не имеет смысла ускорять процесс объединения: оно должно состояться на качественно новой основе, а не диктоваться вынужденной безысходностью.

Изучение и осмысление причин распада советской империи важно еще в одном отношении — практическом. Оно предоставляет возможность избежать многих ошибок по дальнейшему развитию российской государственности, так как Российская Федерация —

почти точная копия Советского Союза в сфере национально-государственного устройства.

Можно было совершенно справедливо предположить, что за распадом СССР последует распад России. Однако дезинтеграционные процессы в РФ удалось остановить благодаря закреплению в Конституции РФ принципа разграничения полномочий и предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами, признанию равноправия субъектов Федерации при одновременном сохранении различий в их внутреннем устройстве (ст. ст. 5, 66, 71-73 Конституции РФ). То есть возник своеобразный компромисс между требовавшими максимального суверенитета национальными республиками и федеральным центром. В 2000 г. была создана и действует система федеральных округов, направленная на создание в России системы вертикали исполнительной власти. Однако задачи федеральных округов должны иметь четко выраженный характер практического закрепления принципа равноправия субъектов и ни в коей мере не могут являться организационной основой унитарных тенденций. Причем институт федеральных округов, на наш взгляд, должен иметь конституционное закрепление. Резонна и точка зрения некоторых политиков и политологов о сокращении количества субъектов Федерации. Но этот процесс должен быть поэтапным и проходить весьма осторожно и, на наш взгляд, путем передачи полномочий ликвидированного субъекта структурам федерального округа.

Сказанное, однако, не означает, что в дальнейшем в России невозможны процессы расширения компетенции уже существующих субъектов Федерации. Более широкие полномочия могли бы получить и сложносоставные субъекты Федерации, каковым, например, является Красноярский край, для эффективного урегулирования отношений со входящими в его состав автономными округами. Мировая практика государственного строительства знает примеры разноуровневого делегирования полномочий между центром и некоторыми административно-территориальными образованиями.

В настоящее время происходит переоценка критериев государственности. Сильное и процветающее государство – не то, которое сосредотачивает в центре всю мыслимую и немыслимую власть, а то, которое на первое место в своей политике ставит права и свободы человека и может эти права надежно защитить. Отрадно, что российская Конституция является мировым эталоном законодательного закрепления прав и свобод человека и гражданина.

Жизнеспособность России как многонационального государства может обеспечить лишь сильная центральная власть, авторитет которой не должен ставиться под сомнение ни одним субъектом Федерации. Но, с другой стороны, центральная власть должна руково-

дствоваться духом и буквой Конституции и не использовать свои полномочия для ущемления прав регионов.

Подводя итог, необходимо еще раз акцентировать внимание не только на выводе о неизбежности и закономерности распада Союза, но и на позитивной направленности этого процесса, что еще пока не нашло должного признания российскими политиками и политологами. Считаю такую постановку вопроса принципиальной, имеющей эвристическое значение. Дело в том, что ориентация на позитивные тенденции распада СССР может способствовать скорейшему осознанию народами бывшего Союза необходимости сближения суверенных государств на основе свободной интеграции, а не с целью создания новой империи.

Список литературы

1. Авторханов А. Империя Кремля / А. Авторханов. Минск-М., 1991.
2. Венгеров А. Патология государственности / А. Венгеров // Общественные науки и современность. 1991. № 5.
3. Восленский М.С. Номенклатура / М.С. Восленский. М., 1991.
4. Договор о Союзе Суверенных Государств (проекты) // Известия. 1990. 24 нояб.; 1991. 9 марта; 1991. 27 июня; 1991. 15 авг.; 1991. 25 нояб.
5. Драгунский Д.В. Волновые процессы в общественном развитии: Рецензия на кн. / Д.В. Драгунский // Свободная мысль. 1992. № 18.
6. Драгунский Д.В. Длинные волны истории и динамика политической власти / Д.В. Драгунский // Полис. 1992. № 1-2.
7. Дробышевский С.А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике / С.А. Дробышевский. Красноярск, 1999.
8. Зубов А.Б. Советский Союз: из империи – в ничто? / А.Б. Зубов // Полис. 1992. № 1-2.
9. Зубов А.Б. Оптимизация национально-государственных отношений в условиях национального возрождения в СССР / А.Б. Зубов, А.М. Салмин // РК и СМ. 1989. № 3.
10. Зубов А.Б. Союзный договор и механизм выработки нового национально-государственного устройства СССР / А.Б. Зубов, А.М. Салмин // Полис. 1991. № 5.
11. Илларионов А. Рынок Евразии. Нелегальный плюрализм советской экономики / А. Илларионов // Век XX и мир. 1990. № 6.

12. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. М., 1994.
13. Конституция РСФСР (1978 г.). М., 1992.
14. Конституция СССР (1977 г.). М., 1989.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 3-е изд. Т. 18.
19. Макаров Д. Политические последствия крушения коммунистической власти в СССР / Д. Макаров // Общественные науки и современность. 1993. № 1.
20. Максимова М.М. От «имперского» Союза к Содружеству Независимых Государств / М.М. Максимова // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 4.
21. Перепелкин Л.С. Переход к демократии в полиэтническом обществе / Л.С. Перепелкин, О.И. Шкаратан // Полис. 1991. № 6.
22. Салмин А.М. Союз после Союза. Проблемы упорядочения национально-государственных отношений в бывшем СССР / А.М. Салмин // Полис. 1992. № 1-2.
15. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 51. Ст. 1798.
23. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985-1994 / В.В. Согрин. М., 1994.
24. Фляйнер Т. Федеративная структура и стабильность СССР / Т. Фляйнер // Коммунист. 1991. № 2.
25. Черников Е. Беловежские события: был ли иной вариант? / Е. Черников // Российская газета. 1992. 11 дек.
26. Эйдлиן Ф. Сила и бессилие системы коммунистической власти / Ф. Эйдлиן // Полис. 1991. № 6.
16. XII съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1923.

Содержание

С.А. Дробышевский. О законности и иных обязательных условиях прогрессивного развития государства.....	5
О.В. Корсакова. Правовое положение крестьян-спецпереселенцев в 1930-е годы.....	12
О.Ф. Гордеев. Февральская революция и сибирское земство.....	22
О.Ф. Гордеев. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.): историко-правовые аспекты проблемы.....	30
Г.Н. Емцов. Международное признание правительства А.В. Колчака (1918-1920 гг.): историко-правовой анализ.....	63
Т.В. Будилина, В.И. Юрьев. Фашизм как крайняя форма антидемократического режима.....	76
Т.Ф. Антоненко. Лоббизм. Понятие и способы регулирования.....	113
В.А. Захарченко. Роль монопольной политической власти в распаде Союза ССР (историко-политологический аспект).....	122